

*Новосибирское региональное
Пушкинское общество*

*Пушкинский альманах
выпуск 9*

Новосибирск
Издательский дом «Манускрипт»
2010

ББК 94.3

П-914 **Пушкинский альманах. Выпуск 9** /Под общей редакцией В.Е. Крыжановского. – Новосибирское региональное Пушкинское общество. – Новосибирск: Издательский дом «Манускрипт», 2010. – 168 стр.

Международная Славянская академия наук, образования, искусств и культуры. Западно-Сибирское отделение

ISBN

9-й выпуск «Пушкинского альманаха», как и все предыдущие, посвящен популяризации личности и творчества А.С. Пушкина. Об этом читатель найдет интересные материалы во всех разделах альманаха, в том числе и в новом разделе – «Забытые страницы Пушкинианы».

К 150-летию А.П. Чехова публикуется работа Г. Шалюгина «Пушкин, Чехов и «Черный монах».

В год учителя в разделе «Страницы школьному учителю» читатель не без пользы прочтет текст публичной лекции декана гуманитарного факультета НГУ, доктора филологических наук Леонида Григорьевича Панина «А.С. Пушкин и русский язык». Не забыт и 180-летний юбилей Болдинской осени.

Интересного и полезного чтения!

© Составление: Евдасин В.М.,
Крыжановский В.Е., Трухина Н.П., 2010
© Издательство «Манускрипт», 2010

Пушкин и мы

A.C. Пушкин

Из Пиндемонти

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, *слова, слова, слова**.
Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа –
Не все ли нам равно? Бог с ними.

Никому

Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! вот права...

5 июля 1836

---

* Hamlet.

Даниил Гранин, С.-Петербург

Вблизи престола*

В 1999 г. мировая культура отмечает два юбилея: 250 лет со дня рождения И.В. Гете и 200 лет со дня рождения А.С. Пушкина. Оба гения схожи хотя бы тем, что значили они в формировании духа и самосознания своих народов. Не мое дело сравнивать их творчество, их жизнь, их взгляды. Меня заинтересовало другое: недавно мне пришлось участвовать в разговоре на расхожую тему «Художник и власть», и вспомнился эпизод, вычитанный у Р.Роллана в книге о Л. ван Бетховене.

В 1812 г. в Карлсбаде встретились Гете и Бетховен. Во время их прогулки произошла любопытная сцена. На аллее показалась императорская фамилия. Увидев их издали, Гете оставил руку Бетховена и отошел на край дороги. Как композитор не уговаривал его, Гете не двигался. «Тогда, — пишет Бетховен, — я надвинул шляпу на самые брови, застегнул сюртук и, заложив руки за спину, стремительно двинулся в самую гущу сановной толпы. Принцы и придворные стали шпалерами, герцог Рудольф снял передо мною шляпу, императрица поклонилась мне первая. Великие мира сего знают меня. Я имел удовольствие наблюдать, как вся эта процессия пронефилировала мимо Гете. Он стоял на краю дороги, низко кланяясь со шляпой в руке. И задал же я ему головомойку потом...».

Сцена выразительна, хотя, возможно, Бетховен приукрасил ее. Но суть различного отношения к власть имущим она выражает. Бетховен верно замечает по этому поводу, что короли могут заводить себе ученых и тайных советников (имея

---

* Печатается с разрешения редакции альманаха “Пушкинский музей”.

в виду должность Гете), но они не могут «создавать великих людей, таких людей, чей дух поднимался бы выше этого великосветского навоза».

Поведение Бетховена мне всегда было симпатичнее, но позже я понял, что суждение мое поверхностно. У Гете была своя немалая правда. Десять лет своей зрелой жизни он потратил, управляя Саксен-Веймарским герцогством, занимался акцизом, финансами, рекрутскими наборами. Он был политиком на практике, старался что-то сделать, и это не прошло бесследно, пропитав его цинизмом. Конечно, глупо считать Гете раболепным, скорее он исполнял светские условности, от которых не был свободен. Политика, участие во власти – этим он купил себе условия работы. За все надо платить, он платил разочарованиями. Бетховен – бедностью. Пятьдесят лет Гете прожил в Веймаре, окруженный секретарями, чиновниками, придавал блеск и славу двору герцога, награждаемый орденами, званиями, и стал духовным властелином чуть ли не всей просвещенной Европы.

Дом Гете в Веймаре при жизни хозяина выглядел музейно – античные статуи, картины, залы, библиотека, сад – там я невольно припомнил Михайловское: место ссылки Пушкина, его несвободу, забытость, затерянность.

Царский двор не прочь был приручить Пушкина и даже старался, пока не убедился, что это невозможно. Не годился он для придворной службы. А ведь нуждался и в хорошем жалованье, и не чужд был тщеславия, и не прочь был получать чины и награды. Но что-то мешало ему стать при дворе своим. Физиономия власти для Пушкина была не столько физиономией царя Николая, сколько холодно-бездушной высокомерной личиной А.Х. Бенкendorфа.

Непричастность к власти не была для Пушкина органична. Но это не было непричастностью к политике. Судьбы друзей-декабристов, повешенных и сосланных, мучили его всю жизнь. Странное чувство вины перед ними не отпускало его.

«Чтобы что-то создать, надо чем-то быть», – утверждал Гете. Этим «быть» определяется нравственная роль Пушкина

в России. Влияние личности Пушкина так же велико, как влияние его поэзии. Почему так жадно припадает именно к истории его личности поколение за поколением, ко всем подробностям его жизни, к жизнелюбию его духа? В них находят если не ответы, то пример, так нужный в нашей духоте, приижленности, пример свободного и цельного человека. И независимости от двора. Он, истый аристократ, не сутился у трона. Да, Пушкин зависел от политики, от власти, зависел, как все мы до сих зависим – тягостно, унизительно. Таково, видимо, состояние граждан каждого недемократического общества. Но он восставал перед этой свинцовой зависимостью:

*Зависеть от царя, зависеть от народа –
Не все ли нам равно? Бог с ними.*

Никому

*Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи...*

Часто приводимая эта цитата «замылена», исчезает ее глубинный смысл. Между тем слова Пушкина до сих пор остаются вызовом нашим расхожим представлениям о роли поэта. Не должен он служить не только властям, но и народу. Не для него он пишет. Его взаимоотношения с властью проходят не через народ; если народ ждет призывов, лозунгов, то не дело поэта отзываться на эти ожидания. Долг поэта – в самовыражении, в том, чтобы прислушиваться к себе, к своим сокровенным чувствам, там может оказаться и гражданское чувство, а может оно и не быть. Лучше всего, когда дух человеческий может выразить то, что отражается в нем. В Пушкине отражалось и время, и политические страсти, он не отшельник, гражданский дух его кипит. В одном из своих последних стихов («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...») он признается, что его этический долг был «милость к падшим призывать» и восславить Свободу.

Нет противоречия с тем, чтобы «себе лишь угождать» и «милость к падшим призывать», милосердие к декабристам –

это стремление жжет его душу, это и была служба себе, он этим угощдал требование своего гения.

Тоталитарная власть любит себя объединять с народом, преуспела в этом и советская власть, да и нынешняя тоже уверяет, что она – лучшее выражение народных чаяний. Власть привлекает художника к себе, уверяя, что, служа ей, он служит народу. Она подкупает, дает звания, награды, делает его депутатом, тайным или явным советником. Часто, очень часто художник тешит себя надеждой, что ему-то удастся что-то существенное сделать для свободы демократии. Так тешил себя Г.Р. Державин, стараясь стать советником Екатерины II. У нее в советниках служили и Вольтер, и Дидро. Великие советники украшали императрицу, но нисколько не действовали на ее политику.

Принято считать, что с Гете вопрос ясен, поскольку он служил, был тайным советником, значит, совмещал творчество с властью. Но не будем упрощать. Да, Гете в этом несравним с Бетховеном или Шиллером. Но когда в 1802 г. Гете попросили помочь новому союзу германских князей, он ответил, что считает невозможным объединение для совместной деятельности князей и писателей. Вкус власти быстро приелся Гете. Всеобъемлющий гений его устремился в науку, естествознание. Богатство его творческой личности с большой радостью соединило в себе поэзию с наукой, с учением о цвете, с ботаникой. Вера в благотворность своего участия в государственной власти оказалась беспочвенной. Смысл всякой власти сводился к корысти и упрочению несправедливости. Чем дальше, тем глубже становились его сомнения в счастливом исходе человеческой истории.

Не забудем, что Пушкин ведь тоже служил по Министерству иностранных дел, получал жалование и, тем не менее, так и не сумел почувствовать себя чиновником. Не был приручен, ждал минуты «вольности святой» и «нетерпеливою душой внимал Отчизны призыванию».

Гете и Пушкин – современники. Гете жил в сравнительно просвещенной Германии, Веймарский двор обеспечил ему

благополучие, покой, его не терзала цензура, не мучили заботы о хлебе насущном, он счастливо путешествовал по Европе, он был свободным гражданином, недаром считал себя космополитом – гражданином мира. Ничего этого не было у Пушкина, он был лишен всех этих прав и этой свободы. Для него власть воплощали жандармский корпус Бенкendorфа, сыщики, доносители, виселица, где качались пять казненных друзей, царь – его личный жестокий цензор, ссылка...

Если взглянуться повнимательнее в жизнь Гете, оказывается, проводимые им реформы даже в масштабах маленько-го Веймарского герцогства вязли в застойном болоте. В конце концов он понимал, что нельзя поступаться своим талантом ради попыток одолеть рутину существующего строя. Не раз он совершает бегство в культуру Востока, в античность, словно осуществляя заветную мечту Пушкина:

*По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественной природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! вот права...*

Это удалось Гете, и не получилось у Пушкина. Но здесь они сошлись в своих стремлениях, здесь слилось их понимание счастья и прав поэта на свободу от всего – от властей, гражданских долгов, право на дерзкое – угождать лишь зову своего гения.

Казалось бы, олимпиец, пример удачливого гения, пребывал в разладе с самим собою куда больше, чем Пушкин. Его гений недаром называли «насмешливым, презирающим мир». Жизнь Гете была полна компромиссов, но величайшее его произведение «Фауст» – бескомпромиссное постижение трагичности судьбы человека и человечества. Пушкина поразила именно смелость Гете в «Фаусте».

Надежды Пушкина на гуманное правление Николая I не оправдались, самодержавие оставалось верно себе, оно не слышало призывов поэта.

Гении нужны властям лишь для украшения правления. Их лучше держать в отдалении, как это было у Фридриха Великого и Екатерины Великой с Вольтером, у Наполеона – с П.С.Лапласом. Ссылаются на М.В.Ломоносова, приставленного ко двору, исполнителя льстивых од вельможам, но Пушкин резко отверг подобные обвинения: Ломоносов, писал он, «не дорожил ни покровительством своих меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей». И далее он приводит ответ Ломоносова графу И.И.Шувалову, который вздумал над ним подшутить: «Я, ваше превосходительство, не только у вельмож, но ниже у Господа моего Бога дураком быть не хочу».

Поэт Пушкин был независим, человек Пушкин зависел от власти, у нее он просил милосердия своим друзьям, это был его долг, и он не мог от него освободиться.

Что мог Пушкин? Лишь одно – снова и снова взывать к милосердию, уговаривать царя дать амнистию сосланным декабристам. В стихотворениях «Стансы», «Пир Петра Первого», в «Капитанской дочке» приводил благородные примеры. Все было напрасно. И он понял, успел понять тщетность своих надежд.

*Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу.*

Через сто с лишним лет другой великий поэт скажет еще разече:

*Власть отвратительна,
Как руки брадобрея.*

Поэту его гений указывает и путь, и компромиссы. Не нам судить, кто из них прав, мы можем лишь пытаться постичь их муки и свершения.

Первый министр Веймарского правительства – это создало для Гете обеспеченное положение. В натуре его соединились дарования художника и общественного деятеля. И все же разочарование во власти настигло Гете. Рано или поздно

это должно было случиться. Так же как гений и злодейство несовместны, так несовместны власть и творчество. Возврат к политике стал немыслим, осталась только жалость о гордах, потраченных его гением на суетные дела маленького герцогства. Мы жалеем об этом больше, чем он. Так или иначе, художнику приходится сталкиваться с властью. У Пушкина была своя система отношений, у Гете – своя, и власти были разные, и традиции. Величавый олимпиец, кумир Европы, увенчанный наградами, обласканный правителями, и другое солнце русской поэзии, «гуляка праздный», вызывающий недовольство царя, никак не прирученный, дон-жуан, остроумец, дуэлянт, никогда не дающий себя в обиду, слишком похожий на бунтаря – оба они могли идти на сделки, бывали «среди детей ничтожных мира» тоже ничтожными. Но не в творчестве! Поэзия освобождала их от всех обязательств, страхов и компромиссов, никакая власть не могла достать их в служении музам, в этом они сходились.

Посыпать свет в глубины человеческого сердца, заставить выбрировать душу, проникать в нее путями, неведомыми никому – ни одна в мире власть не могла сравниться с их властью.

Владимир Евдасин

**Этюды о МОЁМ Пушкине
(продолжение; начало в выпусках 5, 6, 7, 8)**

**Три портрета с натуры. Год 1827.
История тропининской картины**

В середине шестидесятых годов XX века московский журнал «Огонёк» поместил на своих страницах портрет А.С. Пушкина работы В. Тропинина. На самом деле воспроизведена была подделка.

Вот история этого портрета по описанию первого его владельца С.Соболевского, мною дополненная по другим источникам.

8 сентября 1826 года после личной аудиенции у императора Пушкин получил, наконец-то, разрешение покинуть место двухлетнего ссыльного уединения в родительском имении и поселиться в Москве.

Узнав о прибытии Пушкина, однокашник его брата Льва Пушкина Сергей Александрович Соболевский немедля, прямо с бала, устремляется на Старую Басманную улицу, в дом Василия Львовича Пушкина, где остановился поэт.

Знакомые ещё по Санкт-Петербургу, Пушкин и Соболевский сближаются. Поэт покинул Москву ребёнком и отсутствовал пятнадцать лет. Приходилось заново знакомиться с городом. В роли экскурсвода Соболевский возит Пушкина по Москве, вводит в местные светские и литературные круги, заботливо расстраивает дуэль с Фёдором Толстым (Американцем), затянутую поэтом ещё до ссылки, принимает участие в издательских делах и планах поэта. Дружба их ещё более крепнет, когда, возвратясь в декабре из поездки в Михайловское

за вещами, Пушкин поселяется уже не у дяди, а в доме Ренкевича на Собачьей площадке, где жил и Соболевский.

В благодарность за дружеское участие Пушкин одаривает Соболевского, страстного библиомана и библиофила, особым подарочным экземпляром своих «Цыган», отпечатанным на пергаменте. Кроме того, уступая желанию Соболевского, Пушкин заказывает свой портрет видному московскому художнику В. Тропинину, которому позирует в доме графа Маркова на улице Тверской.

Работая, по словам художника, «часы глаз на глаз с великим поэтом», Тропинин делает карандашные эскизы и этюд маслом на небольшой деревянной доске. По ним художник и начинает писать картину.

Со слов В. Тропинина Н. Берг сообщает, что «Соболевский был недоволен приглаженными и припомаженными портретами Пушкина, какие тогда появлялись. Ему хотелось сохранить изображение поэта, как он есть, как он бывал чаще, и он попросил известного художника Тропинина нарисовать ему Пушкина в домашнем его халате, растрёпанного, с зажатым... перстнем на большом пальце...».

Однако либо Берг, либо сам Тропинин вводят нас в заблуждение, допускают неточности и даже несуразности в описании истории заказа и исполнения портрета. По крайней мере, возникают сомнения в достоверности этого воспоминания.

Во-первых, заказчиком портрета был вовсе не Соболевский, который сообщал в письме к М. Погодину: «Портрет Тропинину заказал сам Пушкин тайком и поднёс мне его в виде сюрприза с разными фарсами (стоил он ему 350 руб.)». Во-вторых, вряд ли верно, что «Соболевский был недоволен приглаженными и припомаженными портретами Пушкина, какие тогда появлялись».

До появления Пушкина в Москве публика знала только одно изображение поэта, портрет мальчика был приложен ещё в 1822 году к изданию «Кавказского пленника». «Приглаженным и припомаженным» тот портрет не назовёшь.

Изображение подростка, может быть, излишне романтизировано, но внешность его далека от неотразимой красоты, напротив, демонстративно выпячены его «африканские» черты, он, пожалуй, изображен в полном соответствии с его же собственной характеристикой своей внешности в лицейском стихотворении «Мой портрет»: «Сущая обезьяна лицом».

На юге и в Михайловском никто поэта не рисовал. Два его изображения появились уже в Москве осенью 1826 года и, следовательно, могут быть отнесены к тем, «какие тогда появлялись». Они не были известны широкой публике, но Соболевский о них мог знать.

Пушкин праздновал своё освобождение из ссылки, был счастлив и щедр и заказал эти изображения специально для подарков друзьям обрусевшему французу живописцу Иосифу Вивьену. Тот выполнил в двух оригиналах рисунок итальянским карандашом на бумаге и миниатюру гуашью на пластинке из слоновой кости. Эти изображения-близнецы дают обаятельный, но реальный облик Пушкина, художник не скрывает своеобразную некрасивость поэта, выделяет толстые губы, неопрятные бакенбарды, приплюснутый нос. Здесь тоже при всём желании не найти «приглаженности и припомаженности» – портрет реален, именно эти черты обращали внимание всех, кто встречал Пушкина осенью 1826 года.

«Небольшой ростом, губы толстые и кудлатый такой /.../. Он мне очень некрасив показался. И сказала я своим подругам по-нашему, по-цыгански: «Дыка, дыка, не на лачо, таки вышескери!» – «Гляди, значит, гляди, как нехорош, точно обезьяна!» – описывает свою первую встречу с поэтом цыганка Таня Демьянова, будущая знаменитость, а тогда девочка-подросток из Московского цыганского хора.

Других портретов Пушкина в то время просто не было и, значит, недовольства Соболевского «приглаженностью и припомаженностью» быть не могло.

Вполне понятно желание Соболевского «сохранить изображение поэта, как он есть», но, учитывая, что портрет заказал Пушкин тайком, в виде сюрприза Соболевскому, думаю,

просьбы последнего к художнику изобразить «ему Пушкина в домашнем халате, растрёпанного» тоже быть не могло.

Искусствоведы подозревают, что здесь Тропинин приписывает Соболевскому придуманный им самим художественный приём. Так, Н. Коваленская пишет, что «известно, по крайней мере, семь портретов работы Тропинина, на которых модели изображены в халатах. И все они люди творческие. По-видимому, эта специфическая одежда была «придумана» художником далеко не случайно, а сложилась из причудливого сочетания внешних атрибутов байронизма (расстёгнутый ворот рубашки с большим белым воротником, небрежно повязанный галстук-шарф) с типично московской принадлежностью костюма – халатом и в целом в столь своеобразной форме выражает представление художника о свободной творческой личности».

Кстати, внешние атрибуты байронизма современники находили и в манере одеваться у Пушкина. В. Соллогуб, например, вспоминал, что поэт «оказывал наружное будто бы пренебрежение к некоторым светским условиям: не следовал моде и ездил на балы в чёрном галстуке, в двубортном жилете, с откидными ненакрахмаленными воротниками, подражая, быть может невольно, байроновскому джентльменству».

Так что Тропинин и Пушкин оба искали выражения идеала свободной творческой личности во внешних атрибутах байронизма, что и запечатлел художник на картине-портрете.

Вряд ли от Соболевского исходила и просьба нарисовать «ему» поэта «с заветным перстнем». Пушкин носил в те дни два своих заветных перстня-талисмана, один, с изумрудом, на указательном пальце и другой, с сердоликом, на большом пальце. Это всем бросалось в глаза и вместе с длинными холеными ногтями стало частью его образа в глазах современников. Не пропустил этой характерной для поэта особенности и наблюдательный художник. Он рисует правую руку поэта, лежащую на столе, в таком своеобразном ракурсе, что её кисть, украшенная не одним, а двумя перстнями, да ещё и длинным ногтем, зрителю бросается в глаза, становится вто-

рым после лица ударным центром композиции картины, и если выражение лица, взгляда характеризует мысль, настроение поэта, то кисть руки с перстнями подчёркивает чисто человеческие черты, давая понять, что и гению ничто человеческое не чуждо.

Однако твёрдо утверждать, что Соболевский не выскаживал пожеланий художнику относительно портрета, я бы не рискнул. Известно, что в начале 1827 года Пушкин и Соболевский встречались практически ежедневно. Значит, поэт вряд ли мог утаить от друга свои посещения мастерской художника, а их насчитывают не менее восьми. Да и когда Соболевский писал, что поэт заказал портрет тайком, он ведь мог иметь в виду не тайное его изготовление, а только тайное предназначение портрета для сюрприза. Так скорее всего и было. Не исключено, что на каком-то из сеансов позирования друзья были в мастерской вместе и Соболевский мог положительно отозваться и о позе, и об одежде, в которых рисовал поэта художник. А Тропинин, вспоминая об этом уже в преклонном возрасте и забыв, что вовсе не Соболевский заказывал портрет, видимо, непроизвольно приписал ему выдвижение условий выполнения портрета. И заморочил голову искусствоведам и пушкинистам, изучающим иконографию Пушкина.

В мае 1827 года Тропинин заканчивает портрет, а 19 мая Пушкин выехал из Москвы в Санкт-Петербург. Соболевский в этот день на своей даче устроил проводы поэту, который и сделал сюрприз хозяину, подарив портрет свой в золочёной рамке.

О работе Тропинина публике сообщил 6 июня 1827 года журнал «Московский телеграф»: «Русский живописец Тропинин недавно окончил портрет Пушкина. Пушкин изображён en trios-quarts, в халате, сидящий подле столика. Сходство портрета с подлинником поразительно, хотя нам кажется, что художник не мог совершенно схватить быстроты взгляда и живого выражения лица поэта. Впрочем, физиономия Пушкина столь определённая, выразительная, что всякий живописец

может схватить её, вместе с тем и так изменчива, зыбка, что трудно предположить, чтобы один портрет Пушкина мог дать о ней истинное понятие. Действительно: гений пламенный, оживляющийся при каждом новом впечатлении, должен изменять выражение лица своего, которое составляет душу лица. /.../. Портрет Пушкина, о котором мы говорим, будет отправлен в Петербург, для выставки в Академии. Надеемся, что знатоки оценят превосходную работу сего портрета».

Увы, знатоки ещё долгие годы не увидят портрет кисти В. Тропинина. Соболевский не отправил его на выставку в столицу.

В 1828 году Соболевский на пять лет уезжает в Европу, увозя с собой уменьшенную копию портрета Пушкина, которую по его заказу специально для путешествий изготавливалася московская художница А. Елагина.

Возвратившись, Соболевский обнаружил, что оставленная им на сохранение сыну Елагиной, а своему приятелю Киреевскому, картина передана другому его приятелю Шевырёву и, более того, что подлинной осталась только золочёная рамка, а картина подменена скверной копией. В сердцах Соболевский эту подделку выкинул в окно.

Оказалось, что в его отсутствие кто-то из приятелей давал портрет какому-то крепостному «маляру» для добывания копиями барышей. Тот, видимо, и совершил подлог.

Только в 1850 году московский антиквар, директор Московского архива Министерства иностранных дел, археограф князь М. Оболенский обнаружил подлинник в московской меняльной лавке, который и выкупил за 50 рублей у Бардина, по словам Соболевского, «известного плуга и мошенника», мастера по изготовлению и продаже поддельных рукописей, но мало, видимо, понимавшего в живописи и поэзии, о чём говорит мизерная цена, запрошенная им за шедевр. Подлинность этой картины удостоверил сам Тропинин.

Первая фоторепродукция с портрета-подлинника выполнена в 1860 году и с тех пор тропининский Пушкин стал, наконец, известен, публике.

Выброшенная Соболевским в окно «скверная копия» объявилась в 1899 году, когда внучка Елагиной представила её как подлинник на юбилейной пушкинской выставке. Она и была по ошибке воспроизведена на страницах журнала «Огонёк».

О Пушкине и перстни говорят

Не только позой, выражением глаз, лица художник характеризует своего героя. О роли одежд, в которые Тропинин облачил Пушкина, уже говорилось. Особый акцент сделал художник на изображении руки поэта, украшенной перстнями. Но зачем?.. О чём нам это говорит? Да о том, что и гению ничто человеческое не чуждо.

Одной из ярких чисто человеческих черт Пушкина была его почти детская суеверность. Эту его особенность отметили в воспоминаниях задушевные друзья поэта Нащокин и Соболевский, есть и другие свидетельства. Можно, например, привести немало примеров использования примет и других суеверий в творчестве поэта. Но они играли большую роль и в его быту. «Засветить три свечи, пролить прованское масло – всегда причина огорчения для поэта, признак близких неприятностей», – вспоминал Нащокин.

В статье «Таинственные приметы в жизни Пушкина» Соболевский так передаёт рассказ поэта, «не раз слышанный при посторонних лицах»:

«Известие о кончине императора Александра Павловича и о происходивших вследствие оной колебаниях по вопросу о престолонаследии дошло до Михайловского около 10 декабря. Пушкину давно хотелось увидеться с его петербургскими друзьями. Рассчитывая, что при таких важных обстоятельствах не обратят внимания на его непослушание, он решился отправиться туда; но как быть? В гостинице остановиться нельзя – потребуют паспорта; у великосветских друзей тоже опасно – огласится тайный приезд ссыльного. Он положил заехать сперва на квартиру к Рылееву, который вёл жизнь не светскую, и от него запастись сведениями. Итак, Пушкин приказывает готовить повозку, а слуге собираться с

ним в Питер; сам же едет проститься с тригорскими соседками. Но вот, на пути в Тригорское, заяц перебегает через дорогу; на возвратном пути из Тригорского в Михайловское – ещё заяц! Пушкин в досаде приезжает домой; ему докладывают, что слуга, назначенный с ним ехать, заболел вдруг белою горячкой. Распоряжение поручается другому. Наконец, повозка заложена, трогаются от подъезда. Глядь – в воротах встречается священник, который шёл проститься с отъезжающим барином. Всех этих встреч не под силу суеверному Пушкину; он возвращается от ворот домой и остаётся у себя в деревне. «А вот каковы бы были последствия моей поездки, – прибавлял Пушкин. – Я рассчитывал приехать в Петербург поздно вечером, чтоб не огласился слишком скоро мой приезд, и, следовательно, попал бы к Рылееву прямо на совещание 13 декабря. Меня приняли бы с восторгом; вероятно, я забыл бы о Вейстаупте, попал бы с прочими на Сенатскую площадь и не сидел бы теперь с вами, мои милые!»

Именно вера в приметы, привычка им следовать, считал поэт, спасла его от Сибири, а может быть, и от виселицы. «И я бы мог...».

А вскоре приметы эти находят место в написанной в те дни в Михайловском пятой главе «Евгения Онегина», где совсем как автор:

*Татьяна верила преданьям
Простонародной старины,
И снам, и карточным гаданьям,
И предсказаниям луны.
Её тревожили приметы;
Таинственно ей все предметы
Провозглашали что-нибудь,
Предчувствия теснили грудь.
Жеманный кот, на печке сидя,
Мурлыча, лапкой рыльце мыл:
То несомненный знак ей был,
Что едут гости. Вдруг увидал*

*Младой двурогий лик луны
На небе с левой стороны,
Она дрожала и бледнела.
Когда ж падучая заезда
По небу тёмному летела
И рассыпалася, – тогда
В смятенье Таня торопилась,
Пока звезда ещё катилась,
Желанье сердца ей шепнулось.
Когда случалось где-нибудь
Ей встретить чёрного монаха
Иль быстрый заяц меж полей
Перебегал дорогу ей,
Не зная, что начать со страха,
Предчувствий горестных полна,
Ждала несчастья уж она.*

А ещё через несколько строк Пушкин описывает народные гадания:

*Настали святки. То-то радость!
Гадает ветреная младость,
Которой ничего не жаль,
Перед которой жизни даль
Лежит светла, необозрима;
Гадает старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Всё потеряв невозвратимо;
И всё равно: надежда им
Лжёт детским лепетом своим.*

*Татьяна любопытным взором
На воск потопленный глядит:
Он чудно вылитым узором
Ей что-то чудное гласит;
Из блюда, полного водою,
Выходят кольца чередою;*

*И винулось колечко ей
Под песенку старинных дней:
«Там мужички-то всё богаты,
Гребут лопатой серебро,
Кому поём, тому добро
И слава!» Но сулит утраты
Сей песни жалостный напев;
Милей кошурка сердцу дев.*

Иногда приятели подтрунивали над слепою верой поэта в гадания. Он отвечал им на это такой историей.

В Петербург в 1819 году приехала знаменитая предсказательница Кирхгоф. Однажды поэт с приятелями отправился к ней. Сперва она раскладывала карты для братьев Всеволожских, потом для актёра Сосницкого. Дошла очередь и до Пушкина. Ему гадалка предсказала: 1) вскоре он получит деньги; 2) он получит неожиданное предложение; 3) он будет знаменит; 4) дважды он будет наказан; 5) он проживёт долго, если не случится беды от белой лошади, белой головы или белого человека.

Как рассказывал поэт, предсказания начали сбываться тотчас.

В этот вечер, вернувшись домой, Пушкин получил письмо от лицейского товарища Корсакова, тот сообщал о высылке поэту карточного долга. А несколько дней спустя сбылось другое предсказание: поэту предложили службу в конной гвардии, что было неожиданно, т.к. не входило в его планы. О том, что Пушкин стал знаменит, и говорить нечего. Сбылось и четвёртое предсказание: в 1820 году его наказали, отправив служить на юг, а четыре года спустя наказали второй раз ссылкой в Михайловское.

«Как же мне не верить после того в гадания», – говорил поэт и до конца жизни помнил об опасности беды от белой лошади, белой головы или белого человека, напророченной гадалкой.

Бережения же от бед и напастей Пушкин ждал от защитительной силы талисманов, в которую тоже безотчёtnо ве-

рил. Причём талисманами у него становились самые неожиданные вещи.

Весной 1829 года Пушкин сделал предложение Наталье Гончаровой, но согласия её матери на брак не получил. Будучи сама небогата, не хотела мамаша отдать дочь за небогатого, к тому же конфликтующего с властью поэта. Через год, заручившись письменными уверениями Бенкендорфа в том, что правительство к нему претензий не имеет, Пушкин собирается вторично сделать предложение. И тут оказывается, что торжественного фрака у него нет и купить фрак не на что. Выручает друг Нащокин, отдавший свой фрак будущему жениху.

На этот раз предложение принято. Счастливый поэт удачу относит полностью на счёт фрака. С тех пор фрак этот стал талисманом и надевался поэтом всякий раз, когда решались важные для него дела.

Перстень сердоликовый, который Пушкин носил почти всегда на большом пальце правой руки и который, якобы, просил нарисовать Соболевский, по легенде был подарен поэту Елизаветой Воронцовой, женой графа М. Воронцова, новороссийского генерал-губернатора и непосредственного начальника Пушкина в Одессе.

Е. Воронцова была на семь лет старше Пушкина, но «любви все возрасты покорны», влюблённый поэт увлёкся ею, и она ответила ему тем же. Это получило огласку, дошло до графа, который, используя служебное положение, сделал всё, чтобы удалить поэта из Одессы. В результате Пушкин оказался в ссылке. Обвинение в атеизме было лишь поводом.

В рукописях Пушкина 1823–1826 годов найдено до 30 зарисовок графини Е. Воронцовой. Ей посвящено много стихов, в том числе и два стихотворения, непосредственно связанные с заветным перстнем. Одно из них написано в 1825 году в Михайловском:

*Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:*

Ты в день печали был мне дан.

*Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи –
Храни меня, мой талисман.*

*В уединенье чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.*

*Священный сладостный обман,
Души волшебное светило...
Оно сокрылось, изменило...
Храни меня, мой талисман.*

*Пускай же ввек сердечных ран
Не растравит воспоминанье.
Процай, надежда; сти, желанье;
Храни меня, мой талисман.*

Анненков, говоря о любимом пушкинском талисмане, утверждал, что он должен был хранить поэтический дар, с утратой перстня поэт, якобы, мог потерять и силу своего таланта. С этим не соглашался Нащокин – любимый талисман должен был хранить Пушкина от измены любовной.

Думаю, правы оба. Просто говорили они о двух разных, но одинаково ценимых поэтом талисманах, с которыми он почти не расставался и которые изображены художником на портрете: один на большом, другой – на указательном пальцах.

Известно, что пальцы Пушкина знали не менее семи кольец, перстней и перстней-печаток с различными камнями, и каждому камню поэт придавал магические свойства, какими наделяли их народные поверья. И каждое кольцо или перстень, тем более дарёные друзьями талисманы, были по-этом любимы.

В 1995 году в сибирском издательстве «Наука» Российской Академии наук уже вторым изданием вышла познава-

тельная книга «Камни. Мифы, легенды, суеверия...», автор которой, сотрудник новосибирского академгородка С. Николаев, описывает более восьмидесяти самоцветов и магические свойства, приписываемые им. Упоминаются в книге и перстни-талисманы Пушкина.

О сердолике Николаев пишет, что этот камень дарит любовь, здоровье, супружеское счастье. На Руси сердолик всегда считался любовным талисманом, причём для мужского талисмана подбирали камень тёмно-коричневый, а для женского – розовато-оранжевый. У Пушкина, оказывается, подаренный Воронцовой перстень-талисман с сердоликом, не первый. В юности поэт носил перстень с сердоликом на котором были вырезаны три крылатых амура, плывущих по волнам в ладье в виде полумесяца. Николаев, пишет, что перстень этот от Пушкина «в результате дружеской лотереи в Гурзуфе в 1820 году» перешёл к Марии Раевской, пятнадцатилетней девушке. Не пушкинский ли перстень помог Марии (в замужестве Волконской) прожить в согласии с мужем до конца жизни, разделив с мужем-декабристом более 30 лет каторжной жизни в Сибири?

В приводимых Николаевым в книге сведениях о пушкинских перстнях-талисманах есть и неточности. Он, например, пишет, что графиня Воронцова подарила Пушкину перстень с сердоликом в 1822 году. Этого быть не могло.

В справочнике «Пушкин и его окружение» Л. Черейский сообщает, что Пушкин и Воронцова познакомились не ранее 6 сентября 1823 года. Высочайшее повеление императора о ссылке поэта в село Михайловское было объявлено ему 29 июля 1824 года, а 31 июля Пушкин уже выехал из Одессы. Можно уверенно предположить, что именно в эти дни состоялось прощальное свидание и поэт получил на память сердоликовый перстень-талисман. Не об этом ли говорит и строка стихотворения: «Ты в день печали был мне дан».

На сердоликовом камне перстня-талисмана была вырезана на древнееврейском языке фраза: «Симха, сын почтенного рабби Иосифа, да будет благословенна его память». Для Пушкина этот перстень был, безусловно, любовным талисманом, был дорог, как напоминание о любви.

В 1827 году к теме перстня-талисмана Пушкин возвращается вновь:

*Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман.
Там волшебница, ласкаясь.
Мне вручила талисман.*

*И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисман:
В нём таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган
Головы твоей, мой милый,
Не спасёт мой талисман.*

*И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников пророка
Он тебе не покорит;
И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран,
В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман...*

*Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя,
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя –
Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!»*

Пушкин не оставляет никаких сомнений в том, что в этом стихотворении, названном «Талисман», речь идёт о талисмане любовном, с сердоликовым камнем. Именно об этом перстне-талисмане говорил Нащокин.

С. Николаев допускает ещё одну неточность. Он утверждает, что в стихотворении «Храни меня, мой талисман» Пушкин обращается к изумрудному перстню. В книге можно прочесть: «Изумруд – талисман поэтов, художников и музыкантов, он вдохновляет». В стихотворении «Храни меня, мой талисман» А.С. Пушкин пишет о своём изумрудном перстне, всегда бывшем у него на руке, и полагает, что без него ослабнет его чудесный поэтический дар». Но, сколько ни перечитываю это стихотворение, ни в одной строчке не могу ни слова найти о таланте или поэтическом даре. Зато Пушкин сам точно и однозначно определяет значение талисмана, о котором ведёт речь: «Пускай же ввек сердечных ран Не расправит воспоминанье». От сердечных ран любви, должен хранить талисман и, значит, здесь Пушкин обращается к сердоликовому перстню, а не изумрудному.

И ещё об одной неточности. С. Николаев пишет, что изумрудный перстень в предсмертный час Пушкин снял с руки и передал своему другу В. Далю. Сам Даль описывает это иначе: «Мне достался от вдовы Пушкина дорогой подарок: перстень его с изумрудом, который он всегда носил последнее время и называл – не знаю почему – талисманом».

Пушкинский талисман с изумрудом после смерти Даля его дочь подарила поэту, Великому князю Константину Романову, а тот, в год столетия Пушкина передал его в музей поэта.

А перстень-талисман с сердоликом достался Жуковскому, старшему другу и наставнику поэта. От Жуковского перстень унаследовал его сын и в 1875 году преподнёс его в дар известному русскому писателю И. Тургеневу. С тех пор и до самой смерти Тургенева перстень находился с ним в Париже. Писатель лишь изредка позволял ему быть экспонатом на различных выставках.

Существует легенда, что Тургенев мечтал сделать сердоликовый пушкинский перстень-талисман переходящим памятным сувениром для лучших российских писателей. Сохранилась такая запись его слов:

«У меня тоже есть подлинная драгоценность – это перстень Пушкина, подаренный ему кн. Воронцовой и вызвавший с его стороны ответ в виде великолепных строф известного всем «Талисмана». Я очень горжусь обладанием пушкинским перстнем и придаю ему так же, как и Пушкин, большое значение. После моей смерти я бы желал, чтобы этот перстень был передан графу Льву Николаевичу Толстому, как высшему представителю русской современной литературы, с тем, чтобы, когда настанет и его час, гр. Толстой передал бы мой перстень, по своему выбору, достойному последователю пушкинских традиций между новейшими писателями».

Увы, после смерти Тургенева его подруга жизни и наследница, «испанка по происхождению, француженка по воспитанию, итальянка по эстетическим привязанностям, русская по движении души», композитор, певица, педагог и художник Полина Виардо почему-то не выполнила воли друга, не передала пушкинский перстень-талисман Толстому, а, продержав у себя три года, направила его в музей Царскосельского Лицея, приурочив дар к пятидесятилетию со дня смерти Пушкина. Тридцать лет перстень-талисман с сердоликом хранился в этом музее, а 23 марта 1917 года под шумок февральской революции исчез. В чьи руки он попал, цел ли – неизвестно.

Уже после этой кражи, в том же 1917 году, все фонды лицейского музея были переданы в Пушкинский Дом. Там, как сообщает в книге «Портреты и судьбы» Л. Шевчук, «кроме футляра сохранились слепки и отпечатки камня, вправленного в перстень, на воске и сургуче, а также фотографии витрины с личными вещами Пушкина, представленной на выставке 1899 года в Петербурге, где виден перстень-талисман в раскрытом футляре».

Может быть, когда-нибудь пушкинский перстень-талисман будет найден, как в своё время был найден подлинник

картины, на которой он изображён на большом пальце руки поэта. Вполне возможно, что место этого талисмана в музейной экспозиции займёт его парный двойник, перстень с сердоликом, имевший точно такую же вырезанную на камне надпись на древнееврейском языке и отличающийся лишь цветом камня: в перстне, подаренном Пушкину, камень был мужской, тёмно-коричневый, а в его двойнике – женский, светло-оранжевый. Двойник этот графиня Воронцова оставила у себя.

«Довольно любопытно, – вспоминала Ольга Павлищева, сестра поэта, – что Пушкин носил перстень из корналина с восточными буквами, называя его талисманом, и что точно таким же перстнем запечатаны были письма, которые он получал из Одессы, – которые читал с торжественностью, запервшись в кабинете. Одно из таких писем он сжёг».

Ошибки здесь нет, речь всё о том же перстне с сердоликом. Камень имел и второе официальное название «карнегол», иногда его называли «корналин».

Как видим, осенью 1824 года поэт в Михайловском получил, по крайней мере, одно письмо из Одессы, запечатанное сердоликовым перстнем. Оно не сохранилось, боясь огласки, графиня требовала по прочтении письмо уничтожить, и поэт выполнил волю любимой, письмо сжёг, но след от него всё же оставил в элегии «Сожжённое письмо», где упоминает и «перстень верный»:

*Прощай, письмо любви, прощай! Она велела...
Как долго медлил я, как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал: гори, письмо любви.
Готов я; ничему душа моя не внemлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет.
Минуту!.. вспыхнули... пылают... лёгкий дым,
Виясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного утратя впечатленье,
Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
Свершилось! Тёмные свернулися листы;*

*На лёгком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди...*

Пушкин тоже пользовался перстнем-талисманом, запечатывая письма. Графиня Воронцова хранила письма поэта и уничтожила их пачку лишь незадолго до своей кончины.

Мы, к счастью, можем иметь представление об обоих перстнях-талисманах, особо любимых поэтом, по изображению очевидца, художника Тропинина.

Как не сказать художнику слова благодарности за пленительный образ человека и гражданина А.С. Пушкина.

Картины кисти Кипренского

Отвечая Пушкину, Бенкендорф пишет 3 мая 1827 года: «Его величество, соизволяя на прибытие ваше в С.-Петербург, высочайше отозваться изволил, что не сомневается в том, что данное русским дворянином государю честное слово вести себя благородно и пристойно будет в полном смысле сдержано».

До Пушкина письмо с напоминанием о дворянской чести и о его слове императору больше «не шалить» и разрешавшее въезд в столицу, дошло к 10-му мая, 19 мая он выехал из Москвы и уже 24 мая 1827 года в доме родителей поэта празднуют «возвращение блудного сына». Присутствует и Дельвиг с молодою супругой. На следующий день уже Дельвиги принимают Пушкина у себя. Ежедневные встречи лицеистских друзей продолжаются до 1 июня, когда Дельвиг на время покинул Петербург.

За эту неделю тесного общения с поэтом «ленивец сонный» Дельвиг сделал для нас, почитателей Пушкина, больше, может быть, чем за всю остальную свою короткую жизнь – он уговорил друга позировать для портрета и не кому-нибудь, а Кипренскому, выдающемуся художнику, которого тоже уговорил принять заказ.

Позировал Пушкин для этого портрета в июне 1827 года, находясь в приподнятом настроении из-за новой милости

императора, позволившей поэту жить в столице почти полноправным гражданином (фактически только теперь официально ссылка закончена, но контролем за поведением и творчеством – гражданские права были ограничены пожизненно). В эти же дни принимал Пушкин поздравления с выходом в свет поэмы «Братья разбойники». И ещё потому настроение было приподнятым, что улеглись его тревожные сомнения, теперь он твёрдо уверен в правильности своего «сближения» с властью, лично с императором, при сохранении верности свободолюбивым идеалам. Именно в дни поэрования, 16 июня, завершает поэт работу над стихотворением «Арион», в котором иносказательно намекает на свою роль певца свободы в заговоре и на то, что идеалам по-прежнему верен.

Глядя на портрет, невольно читаешь во взгляде про себя повторяемые поэтом строки «Ариона»:

*Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны вёслы. В тишине
На руль склоняясь, наши кормщик умный
В молчанье правил грузный чёлн;
А я – беспечной веры полн, –
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налёту вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! –
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.*

Однако во взгляде поэта не только уверенность и радость, но и ожидание новых порывов вдохновения. Это подметила и А. Керн в воспоминании: «С Пушкиным я опять увиделась в Петербурге, в доме его родителей /.../ куда он приехал из

своей ссылки в 1827 году, прожив в Москве несколько месяцев. Он был тогда весел, но чего-то ему недоставало. Он как будто не был так доволен собой и другими, как в Тригорском и Михайловском... Он приехал в Петербург с богатым запасом выработанных мыслей. Тотчас по приезде он усердно начал писать и мы его редко видели».

Писал свою картину и Кипренский. 1 сентября он выставил портрет на выставке в Академии художеств. Новая работа художника сразу привлекла внимание, вызвала отклики ценителей искусства.

Профессор университета Никитенко, познакомившийся с Пушкиным в доме Керн 8 июня 1827 года, в первые дни работы над портретом, 2 сентября записал в дневнике: «Вот поэт Пушкин. Не смотрите на подпись: видев его хоть раз живого, вы тотчас признаете его проницательные глаза и рот, которому недостает только беспрестанного взрагивания: этот портрет писан Кипренским».

А вот из отзыва в «Северной пчеле» 13 сентября: «Портрет первого современного Поэта Русского Александра Сергеевича Пушкина. Благодарим Художника от всех ценителей дарований Пушкина, т.е. от имени всей образованной публики, за то, что он сохранил драгоценные для потомства черты любимца Муз. Не распространяясь в исчислении красот всего произведения г. Кипренского, мы скажем только, что это живой Пушкин». Далее упоминается подробность истории создания портрета: «По отъезде А.С. Пушкина из Петербурга друзья сего Поэта советовали художнику украсить картину изображением Гения Поэзии. «Довольны ли вы портретом?» – спросил Художник. «Довольны!» – «Итак, я исполнил уже ваше желание и изобразил гения», – промолвил Художник». Однако, уступая просьбам, Кипренский всё же нарисовал за спиной поэта статуэтку – символ Гения.

Пушкин посетил выставку и увидел свой портрет лишь в конце октября, вернувшись из Михайловского. Портрет его тоже привёл в восторг, вылившийся тут же в стихотворное

послание Кипренскому, которое почему-то осталось в архиве поэта, и было опубликовано после гибели Пушкина.

Два разных состояния души

Рассматривая два созданных в 1827 году самых известных портрета Пушкина, нельзя не восхищаться талантом Тропинина и Кипренского. Художники один в Москве, другой в Петербурге независимо друг от друга выбрали, видимо, наиболее характерный и выигрышный ракурс для изображения головы и фигуры поэта, но как отличаются эти похожие друг на друга изображения. Менее полугода разделяет сеансы позирования Пушкина Тропинину и Кипренскому, но за это время изменилось настроение позирующего, и эти изменения сумели зафиксировать художники.

Не только взгляд, выражение лица говорят зрителю о душевном состоянии, сиюминутном настроении поэта. Талантливые художники в полной мере использовали физиognомические закономерности восприятия внешнего облика человека зрителем. Дело не в том даже, что они по-разному подошли к изображению одежды: аккуратной и официальной на картине Кипренского и раскрапощённой, по-домашнему небрежной у тропининского поэта, но и в том, какую позу придали художники своей модели, на какой характерный жест обратили внимание зрителя.

Позволю себе привести выдержки из книги знатока психологии человеческого общения доктора наук из новосибирского академгородка Елены Николаевой «Искусство непонимания». В главе «Забытый язык» читаем:

«Наша неосознанная оценка других людей происходит не по их словам, а по их делам. Мы назовём этот способ передачи несловесным (неверbalным) общением – это то, что сообщает нам человек с помощью мимики, позы, жеста, интонации голоса, румянца на лице, частотой своего дыхания и сердцебиений. /.../. Руки, как и лицо, многое могут рассказать о состоянии человека. Всякая тревога, эмоциональное напряжение отражается в учащении самокасаний, почёсываний, потираний пальцев, постукивании по первому попав-

шемуся предмету. /.../. Открытость и искренность связаны с раскрытием рук. /.../. Если человек не желает входить в контакт с другими, то он сигнализирует об этом, скрещивая руки на груди. Этот жест используется во всём мире для выражения защитной реакции. /.../. Если при скрещенных на груди руках человек выставляет большие пальцы, то это может свидетельствовать о его чувстве превосходства над собеседником».

А теперь вернёмся к картинам Тропинина и Кипренского. Оба художника приступая к работе, едва познакомившись с Пушкиным, конечно, не могли знать о его политических сомнениях, о преобладающих чертах характера и других подробностях. Они опирались на то, что видели перед собой в момент позирования, на общественную оценку личности и творчества поэта.

Кипренский увидел перед собой уверенного, независимого человека, главной чертой которого была гениальность. Он и писал гения. А гений – личность выдающаяся, выделяющаяся из окружения. Поэтому, передав через выражение лица и взгляд гениальный ум неординарного человека, художник счёл необходимым подчеркнуть его дистанцированность от зрителя. Эта верно подмеченная недоступность, граничащая с заносчивостью, непомерно тщеславного и знающего себе цену поэта передана через любимый жест – скрещенные на груди руки. В этом жесте нет надменной демонстрации превосходства (большие пальцы не выставлены), но в нём чувствуется независимость от чужих мнений, нежелание воспринимать критику своей новой позиции. Это жест человека уже преодолевшего метания между властью и декабристами, решившегося, наконец «рассекретить и направить императору «Стансы», только что написавшего «Арион» и, быть может, уже обдумывающего будущее послание «Друзьям». Это душевное состояние непреклонного в принятом решении поэта Кипренский почувствовал и передал великолепно.

Дистанцированность от зрителя, от общества не очень вязалась с ролью всеобщего любимца. Это почувствовали художники Уткин, Райт, Матэ, Завьялов. В их гравюрах кар-

тина Кипренского фрагментирована так, что скрещенные на груди руки остаются «за кадром», что делает Пушкина ближе, доступнее.

Для Тропинина, которому Пушкин позировал в пору душевного разлада, сомнений и тяжёлых раздумий, важно было отразить это его состояние. Художник не фиксирует любимого поэта жеста – скрещенные руки, – а размыкает их, акцентируя внимание зрителя на искренней открытости, готовности услышать и понять разные мнения и, взвесив их, прийти к истине. Состояние тревоги, эмоционального напряжения сомневавшегося поэта Тропинин передаёт ещё одним физиognомическим приёмом – правая рука не безвольна и неподвижна, в движении указательный палец, зритель легко может предположить нервное постукивание ногтем этого пальца по столешнице. А «постукивание» как раз и отражает состояние тревоги и эмоционального напряжения, на что указывает Е. Николаева.

Современник Пушкина Н. Полевой заметил: «Впрочем, физиognомия Пушкина, – столь определенная, выразительная, что всякий хороший живописец может схватить её, – вместе с тем и так изменчива, зыбка, что трудно предположить, чтобы один портрет Пушкина мог дать о нём истинное понятие». И как хорошо, что два талантливых живописца оставили потомкам два разных прижизненных портрета поэта, два разных состояния его души.

Портрет Пушкина пером Олениной

Не могу не привести и ещё один прижизненный, но литературный портрет Пушкина, ибо интересно сравнить свои впечатления о поэте по картине Кипренского с впечатлением очевидца, наблюдавшего его в те же дни, что и художник.

Вернувшись в столицу, Пушкин возобновляет свои посещения салона президента Академии художеств Оленина, влюбляется в его девятнадцатилетнюю дочь и даже планирует связать с ней свою судьбу. Через год, 18 июля 1828 года, Анна Оленина записывает в тетради начало задуманного ею автобиографического романа и ведёт рассказ от третьего

лица: «Однажды, на балу у графини Тизенгаузен-Хитровой, Анета увидела самого интересного человека своего времени и выдающегося на поприще литературы: это был знамени-тый поэт Пушкин.

Бог, даровав ему гений единственный, не наградил его привлекательною наружностью. Лицо его было выразитель-но, конечно, но некоторая злоба и насмешливость затмевали тот ум, который виден был в голубых или, лучше сказать, стеклянных глазах его. Арапский профиль, заимствованный от поколения матери, не украшал лица его. Да и прибавьте к тому ужасные бакенбарды, растрёпанные волосы, ногти, как когти, маленький рост, жеманство в манерах, дерзкий взор на женщин, которых он отличал своей любовью, странность нрава – вот все достоинства телесные и душевые, которые свет придавал русскому поэту XIX столетия. Говорили ещё, что он дурной сын, но в семейных делах невозможна знать; что он распутный человек, – да к похвале всей молодёжи, они почти все таковы. Итак, всё, что Анета могла сказать после короткого знакомства, есть то, что он умён, иногда любезен, очень ревнив, несносно самолюбив и неделикатен».

Через несколько строк Оленина обозначает время, к которому относится её описание поэта: «Он только что вернулся из ссылки». В тот же день в дневнике появляется и следующая запись: «Я перечитала портрет Пушкина и рада, что он мне удался – его можно узнать из тысячи!!»

Вот так, менее чем за два месяца до неудачного сватовства Оленина вспоминала, каким год назад был её потенциальный жених и, слава богу, несостоявшийся муж. В июне рисовал поэта и Кипренекий, но насколько глубже понял Пушкина художник. У него «некоторая злоба и насмешливость» не затмевают ум, ибо только равнодушная к поэту женщина могла поставить эти человеческие слабости и привычки во главу угла создаваемого образа. У художника главное именно ум, поэтический гений, уверенность в себе.

Виктор Ампанский

Венок прекрасной Натали

«Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести, чистейший образец.

A.C. Пушкин Мадонна. 1830

Венком прекрасной Натали,
Мадонны Пушкина-пророка
Я называю эти строки.
Читатель, ты меня прости

За эту смелость, я давно
Пред Пушкиным главу склоняю;
И эту повесть начинаю
С их первой встречи, где его

Она волшебной красотой
Очаровала, ослепила,
Шестнадцать лет ей только было,
И он воскликнул : «Ангел мой!»;

И в то же время и она
Была ослеплена, ещё бы:
Пред ней сам Пушкин, чья особа
Самим царём вознесена!

И первое знакомство вмиг
Возвысило её, при этом
На фразы пылкого поэта
Она, чуть отводя свой лик,

Стыдливо скромно отвечала,
И Пушкина очаровали

И сердца чуткого вниманье,
И ум ее, и пониманье..,

А главное, в её чертах
Узрел и образ светлый, чистый,
И женственность, и не ошибся,
Когда её воспел в стихах –

Чистейшим образом назвал,
Назвал её своей Мадонной,
Желая видеть только оной;
(А Пушкин в женщинах толк знал!

Толпа восторженных поклонниц
Его всё время окружала,
Слова ловила, возвышала...)
И вот – Мадонна! Как достойно

Ключ к сердцу гения нашла!
Как говорится: «Много званых,
Да мало избранных», – желанной
Предстала лишь она одна,

И благородна, и честна,
И терпелива, и смиренна,
Молилась Богу на коленях,
Была духовности полна!

Читая много с детских лет,
Она свой разум просвещала,
Причём сама стихи писала,
И не по-детски яркий свет

На жизнь словами проливала,
И брату от души желала:
«Свой путь ты без невзгод пройди,
И пусть любовь украсит дни...»

Охотница до всех цветов,
Слыла наездницей отличной,

Играла в шахматы, и лично
Сам Пушкин был средь игроков!

Судьбы Божественные узы...
И путь наш неисповедим.
Она предстала перед ним
В сиянии прекрасной Музы!

Да, он до свадьбы разглядел
В небесном лице юной девы
Ум, душу светлую! Сам гений –
Он перед ней благоговел,

Желаньем счастья запытал
И скоро сделал предложение,
И, укрощая нетерпенье,
Он целый год согласья ждал!

Терпенье гениев рождает.
Был терпелив, тая мечту,
Писал: «Минутам счёт веду...
Без вас тоску всё вызывает...

Что вы свободны, знаю я...
А что касается меня,
То заверяю честным словом,
Что буду только ваш...» И снова

Он признавался ей в любви
В сердечных нежных письмах частых
И, получив ответ, был счастлив
Со жгучим пламенем в груди;

И поцелуем жарких губ
Он осыпал её посланья,
Горя желанием свиданья,
И верил, что взаимно люб!

И после свадьбы он писал:
«Чем доле с ней живу, тем боле

Люблю!» и, славя Божью волю,
Созданьем редким называл

Её за тихий кроткий взгляд
Порою неопределённый,
Но в то же время утонченный,
Чему был несказанно рад!

Писала Фикельмон сама:
«Явилась Пушкина здесь в свете.
Прекрасна! Стан великолепен!
И Пушкин говорит: «Умна!»

Он постоянно был в разъездах;
Она с детьми, работы бездна,
Хозяйка в доме, где всегда
Щедра, заботлива, тверда;

И поручения его
Она прилежно выполняла,
Ждала, любила и немало
Молила Бога за него...

В общенье со своей женой
Нуждался Пушкин постоянно,
Она спешила неустанно
Помочь ему... Само собой,

Он ждал в разлуке сокровенных
Желанных писем, вдохновенно
Их созерцал, когда читал,
И от восторга восклицал:

«Благодарю тебя сердечно!
Какое длинное письмо!
Меня разнежило оно...
Как дельно!» Искренне замечу,
Что письма – как цветы любви!
Он восклицал: «Как ты любезна!»

Жаль, письма Натали исчезли
По странной прихоти судьбы,
Лишился невзначай
Один её букетик слов:
«Целую нежно... Будь здоров...
Прощай... О нас не забывай...»

Зато послания его
Все до единой буквы, точки
Она хранила, значит, точно
Была чиста и оттого

Исполнила его завет:
Всё сохранила для потомства,
Все лепестки волшебной розы,
Цветущей третью сотню лет!

Он ей писал: «Твоя любовь –
Единственная вещь на свете,
В которой счастье!.. Жду ответа!..
Целую ручки!» Ждал и вновь

Писал: «Воюешь дома много...
Что хорошо, то хорошо...,
Людей сменяешь, а ещё
Счета сверяешь... Ай да женка!..»

Он восхищался без конца:
«Ты так тиха, и так забавна,
И снисходительна!», мол, явно,
Достойна высшего венца!

Писал он, что её лицо
Красивей всех на белом свете,
А душу нежную в расцвете
Он любит более всего!

«Кумир! Сокровище моё,
Когда же я тебя увижу...»

Храни вас Бог!» – молил Всевышнего
И за детей и за неё;

И на века благословлял
Своей божественной строкою:
«Душа моя! Христос с тобою!»
Любил и верил, встречи ждал!

Восторгам не было числа,
Когда они опять встречались, –
(Нет слов, чтоб выразить их радость!)
Любовь несла их в небеса!

Он, гений, так писал пером,
Что с ним никто не мог сравниться!
Она, красавица столицы,
Обворожительна во всём;

Глаза с задорным огоньком,
С очаровательной улыбкой
На лучезарном милом лице;
Но прелесть главная в ином –

Отсутствие жеманства в ней,
Естественность без всякой фальши
Всех покоряли, и всех краше
Она была в среде своей;

И при дворе царя могла
Иметь огромное влиянье,
Но как лицо – очарованье,
Так и душа её была

Возвышенной, была чужда
И честолюбию и праздной
Суетной жизни, хоть и страстно
Кокетничала, и тогда

Писал он: «О тебе молва...
Я не браню... Будь молода –

И царствуй, – следом наставленье, –
Мой ангел: скромность – украшенье...

Благодарю, что ты подробно
Мне описала жизнь... Гуляй
И про меня не забывай...
Кокетство – знак дурного тона...

Я хорошо веду себя.
Как ты была бы мной довольна!
Бери с меня пример...» По воле
Супругов строится семья...

Хоть Натали не безупречна
Была; и на балах, конечно,
Он ревновал, но тут же мило
Они друг друга так любили –

На лицах одухотворенность,
В глазах их отражался мир
Прекрасный, где справляли пир
И обаяние и скромность;

Казались парой голубков!
Друзья твердили, улыбаясь:
«Дай, Бог, чтоб так и продолжалось!»
Но было много и врагов,

По чьей вине и был убит
Поэт, пророк и русский гений;
Хотя ещё бытует мненье,
Что вся вина на ней лежит...

Расчистить нынче я пытаюсь
Завалы лжи, наветов, кляуз
И домыслов вокруг неё,
А значит и вокруг него.

Он перед смертью произнёс:
«Я знаю, ты не виновата!»

И гению поверить надо,
А не тому, чей был донос

О встрече Натали с Дантесом.
Известна фраза, что мир тесен.
Так отчего стоит вопрос:
«Кто виноват?» А ведь всерьёз

Семь лет она хранила верность,
На шаг не преступив завета
Предсмертного из уст поэта,
Хотя поклонники имелись.

Вдова, мать четверых детей,
Отвергла много предложений
Блестящих. Сплетен, унижений
Немало выпадало ей.

Как трудно с мнением людским
Вести борьбу, но победила
И семерых детей взрастила,
Живя впоследствии с Ланским,

Который мужем стал вторым
И полюбил так, как и Пушкин,
Ум, сердце щедрое и душу;
И ею был за то любим,

Что отозвался на зов сердца
Её к осиротевшим детям,
Своих не выделял, при этом
Берёг всех как глава семейства;

Любим был также и за то,
Что не противился обету
Её пред именем поэта –
Все пятницы считать постом.

Да, Пушкин в пятницу погиб –
От раны умер он смертельной,

Полученной им на дуэли
За честь семьи... Но, словно нимб,

Его стихи светлей, мудрей
И гармоничней всех на свете
Сияют вот уже век третий,
Глаголом жгут сердца людей!

Дантеса надобно судить
И всех, кто против русской славы.
Наш Пушкин заплатил за право
Быть гением, жить и любить

Свою Мадонну Натали;
Так воздадим обоим почесть...
И я заканчиваю повесть
«Венок прекрасной Натали.»

Иван Зайчев

Жажда

«Духовной жаждою томим...»
А.С. Пушкин

Глубок колодец, он без дна –
Видны с него небес светила –
Таланта суть всегда видна,
В ком жажда есть, познанья сила.

Без устали в нём бьют ключи,
Кипит живительная влага,
Напев народный в них звучит:
Народа мощь, его отвага.

Чтоб жажду сердца утолить,
Я книгу мудрости читаю,
К бадье воды с глубин земли,
К ключам народным припадаю.

Ищу и смысл, и жизни путь
Упорно в слове, в песне каждой.
Чем глубже я вникаю в суть,
Сильней томлюсь познанья жаждой.

Завет

внуку Ване

Для тех, кто сердцем не остыл
Светла и радостна дорога,
Неостудим восторга пыл –
Любовь и жизнь даны от Бога.

Живи, не сотворяя зла,
Шагай легко к познанию истин,
Верши земные все дела
Без чёрной зависти, корысти!

Да будут все тебе друзья!
Люби, их болью сострадая,
Мечом доверия пронзая,
Не сотвори кумира – «я».

Люби и Родину, как мать,
И, чувства нежные скрывая,
Готовься жизнь свою отдать,
Наград, похвал не ожидая.

Не повернуть Россию вспять

Не повернуть Россию вспять,
С землёю небо не сольётся,
Умом Россию не понять,
А все ж, когда-нибудь придется.

Она сама сойдёт с креста,
И муки кончатся извечны,
Всевышний окропит уста
И раны тяжкие излечит.

Шамара Новик

Берегите матерей

Берегите старых матерей,
Каждую морщиночку лелейте,
Нет надёжней мамы и родней,
Пожалейте маму, пожалейте.

Только мамы могут всё простить
Сердцем, от тревоги изболевшим,
Только мамы могут так любить
Нас и молодых, и поседевших.

Как бы ни были дела важны,
Хоть минуту маме уделите.
Старым мамам мы вдвойне нужны –
Позвоните маме, позвоните.

Час придёт, и волею судьбы
Жизнь, как тонкая свеча, угаснет.
И слова, что не сказали вы,
Как они никчемны и напрасны!

Станет белый свет чуть-чуть темней.
Пенье жаворонка станеттише.
Вы придёте на могилу к ней,
Но она вас больше не услышит.

Берегите старых матерей,
Каждую морщиночку лелейте,
Нет надёжней мамы и верней,
Добрых слов для мамы не жалейте.

Наталье Гончаровой

Перелистывая времени страницы,
Вглядываясь через толщу лет,
Вижу не черты известной «львицы» –
Вижу русской женщины портрет,

Вижу на груди твоей распятье...
Лёгкой тенью, словно по тропе,
Не в шелках, а в полотняных платьях
Ты проходишь по его судьбе.

Суд неправедный молва творила,
Был он выше всякого столпа,
И тебя ничуть не пощадила
На расправу скорая толпа.

Тёмные на Чёрной речке льдины...
У последней, огненной черты
Тот неравный, страшный поединок...
Там незримою стояла ты.

Находясь у пропасти, у края,
И вверяя Душу Небесам,
«Не виню ни в чём тебя, родная» –
Шепчет он тебе и временам.

Мощной, всемогущею волною
Время смоет – пусть через века –
Пену лжи, нависшей над тобою,
Как следы с прибрежного песка.

Белая рапсодия

Сосны золотистые,
Рослые, ветвистые,
Дятлы в красных шапочках
Спорят, кто сильней...
Тишиной торжественной,
Красотой божественной
Зимний лес встречает нас,
Как своих друзей.

Мы судьбою созваны,
Друг для друга созданы,
К сердцу обнажённому
Руку протяни...
Но признать приходится,
Что нигде не сходятся
Тоненькие ленточки
Голубой лыжни.

Пляшут, словно мячики,
Солнечные зайчики,
Лёгкие, ажурные
Тени пролегли.
Здесь в лесу услышана,
На снегу записана
Белая-пребелая
Рапсодия любви.

Вячеслав Небольсин

Озарение

Когда пленяет нас
на тризне сентября
В березовых лесах
парад осенних красок,
Есть прелесть дивная
в последнем часе дня:
Как завещание,
печален он и краток.

Прощание светло –
ни радости, ни слез,
А тихая
и светлая отрада:
Есть музыка
в молчании берез,
И очищение –
в обряде листопада.

Последний час,
печален ты и краток.
Твои минуты
неказанно хороши.
Прощальные лучи
осеннего заката,
Вы – озаренье
вечереющей души.

Разговор о возрасте

Что поделаешь, – таков закон природы, –
Вспять дорогой этой хода нет:
Крутит жизнь свои колеса-годы,
Сматывая ленты наших лет.

Тихо к нам крадется наша осень
С той порой, где б поумерить прыть.
С той порой, в которой, между прочим,
Вечереть уму и сердцу стыть.

Все же, удивительно и странно,
Мысль ложится складкой меж бровей,
Что так неожиданно и рано
Подъезжаем к осени своей?

Жизнь, послушай, – это же насмешка:
Мне в душе-то нет и тридцати.
Так зачем годам такая спешка?
Как жестоко, слышишь, прекрати!

Прекрати, да что ты в самом деле, –
Ни к чему твой заунывный счет:
Это ж только годы зажелтели,
А душа-то зелена еще.

Как березка, весело и стойко,
Шелестит она, и ветер – в грудь.
А года... ну, что – «года» и «сколько?»
Про года свои пока забудь.

Молодость, как смотанную ленту,
Спisyвать на годы не спеши:
В ней отчеты не по документу,
А по состоянию души.

О загадка жизни, это надо ж,
Поразмысьль над таинством одним:

В каждом есть такой вот нежный ландыш, –
Возраст наш не властвует над ним.

Молодости нашей чудный ландыш,
Как его цветение сберечь?
Таинство какое, это надо ж,
Только бы он цвёл – и годы с плеч.

Здесь загадка некая таится...
Я в обиду возраст наш не дам:
Можно ведь состариться и в тридцать,
Молодым считаясь по годам

Публицистика

Жэля Прухина

Армения – Пушкину

Считается, что Александр Сергеевич Пушкин никогда не был за границей России. Но это не совсем так: в июне-июле 1829 года 30-летний поэт вместе с русской армией под руководством генерала Паскевича участвовал в военном походе на Кавказе и побывал в Эрзеруме, который ныне находится на территории Турции. Многострадальная Армения искала покровительства России, ибо только Россия могла спасти армянский народ от турецкого ига. Пушкин глубоко сочувствовал армянам, особенно тем, которые волею судеб оказались за пределами их Родины. Свои впечатления от увиденного на Кавказе он описал в путевых записках «Путешествие в Арзрум».

После образования свободного армянского государства в 1920 году в Армении празднуется день рождения Пушкина, особо торжественно отмечаются юбилейные даты. Пушкинские торжества в Армении стали свидетельством неиссякаемой любви армянского народа к великому русскому поэту. Трудно найти здесь другое имя в мировой литературе, которое обрело бы в армянской действительности такую народность. Например, 175-летие поэта было отмечено Пушкинскими чтениями во всех вузах республики, литературно-музыкальными композициями, спектаклями, концертами, вечерами поэзии, выпуском поэтических сборников. Празднование началось 31 мая 1974 года в Ленинакане (г. Гюмри), где при большом стечении жителей и гостей города состоялся митинг, посвященный открытию памятника-родника в честь А.С. Пушкина. Памятник высотой 4,5 м высечен из туфа и украшен армянским орнаментом. С двух сторон бьют струи прозрачной воды. На лицевой стороне – вычеканен-

ный из бронзы профиль поэта и надпись: «Во время путешествия в Эрзерум А.С. Пушкин останавливался в Гюмри 11–12 июня и 28–30 июля 1829 года». Авторы памятника – главный художник Ленинакана А.Дживанян и архитектор З.Коштоян. 1 июня 1974 года праздник переместился в Степановаванский район, где состоялась закладка памятника А.С. Пушкину на Пушкинском перевале. В газете «Коммунист» сообщалось: «Следуя маршрутом путешествия Пушкина в Эрзерум, сюда съехались представители трудящихся Кировакана, Гугарка, Степанована, писательские организации из союзных республик присыпали своих делегатов. Они собрались у Пушкинского перевала, в живописном Бзовдальском ущелье, обрамленном высокими горами, – немыми и гордыми свидетелями событий, произошедших здесь полтора столетия назад». (2 июня 1974 г.) На том самом месте, где Пушкин встретил арбу с телом Грибоедова, состоялся митинг. На Пушкинском перевале уже был ранее воздвигнут памятник-родник. Теперь здесь был заложен памятник Пушкину. Под звуки музыки взорам собравшихся предстал черный полированный гранит, на котором высечены слова: «Здесь, на Пушкинском перевале, будет установлен памятник величайшему русскому поэту А.С. Пушкину».

В Ереванском университете прошла Всесоюзная научная конференция на тему «Пушкин и советская поэзия» и вышел в свет сборник «Пушкин и литература народов СССР». В сборнике «Пушкину от армянских поэтов», изданном на армянском языке, напечатаны стихи 27 армянских поэтов разных поколений, посвященных Пушкину, на русском языке был издан сборник «Армения – Пушкину».

А многим ли читателям известно, что памятник Пушкину к его 200-летию возник в столице Урала Екатеринбурге тоже по инициативе армян и в исполнении скульптора-армянина Геворка Геворкяна?

Изначально к 200-летнему юбилею поэта планировали сделать не монумент, а изображение: портрет, который был бы прикреплён к металлической решётке забора. Когда Ге-

воркян увидел проекты, возмутился: «Русские должны гордиться поэтом! Уж во всяком случае, больше, нежели армяне. А от того, что я просмотрел, просто пришёл в ужас. Скульптор стал воплощать в жизнь собственную задумку. На создание памятника у него ушёл год: глиняный эскиз, гипсовый, 5-метровый монумент из глины и только потом бронзовый Пушкин. Правда, к юбилею его открыть все-таки не успели. Организация хромала, постоянно не хватало денег на материалы. Кстати, гонорар за свою работу автор не требовал, это был подарок городу. Любовь к русскому поэту начали проявлять почему-то опять же не русские: армянская община скинулась на первый взнос для покупки необходимых материалов. Дальше стали подключаться фонды, вузы, население города. В итоге Пушкин появился в Екатеринбурге 5 ноября 1999 года. По словам скульптора, бронзового поэта ругали многие, как правило, за внешнее несходство, но сам автор уверен: не во внешнем облике дело, главное – уловить и передать дух. «Для меня это – не памятник человеку, а некий символ поэзии», – объясняет мастер. Время всё расставило на свои места. И теперь даже бывшие «творческие врачи» признают, что самый лучший памятник Екатеринбурга – памятник Пушкину.

День рождения Пушкина отмечается в Армении ежегодно и многолюдно. Чаще всего местом празднования становится живописное место у памятника-родника близ села Гергер, расположенного на пути из Тбилиси в Ереван, где Пушкин встретил арбу с телом убитого в Тегеране Грибоедова. Стихи любителей пушкинского слова, романсы на стихи Пушкина, возложение цветов к памятнику – вот так проходят Пушкинские праздники. В Ереване есть средняя школа №8 имени А.С. Пушкина. Во дворе школы – бюст Пушкина. Этот двор и бюст – святой уголок для многотысячных пушкинцев и не только. Легендарная «Пушкинка» (так называли столичную школу №8 имени Пушкина), первая русская школа в Армении, основанная в 1937 году, и сегодня считается одной из самых престижных и успешных в Ереване. Явля-

ясь активным проповедником русской литературы и культуры, она стала одним из немногих очагов, где удалось сохранить преподавание русского языка на должном уровне даже в тяжелые 90-е годы. Школа №8 успехами своих учеников на всевозможных олимпиадах и конкурсах не раз подтверждала своё звание лучшей русской школы республики. «Пушкинка» известна не только уникальными программами обучения русскому языку, но и уникальным педагогическим коллективом энтузиастов, искренне любящих Россию и русский язык, русскую культуру. Директор школы Мариэтта Матхамян удостоена звания «Заслуженный учитель РА (Республика Армения)», а из рук президента В.В. Путина она получила медаль Пушкина. Это награда и педагогическому коллективу, и школе в целом, т.к. даже в годы «мракобесия», гонений на всё «неармянское», в школе проводились литературные чтения, направленные на сохранение очага русского языка и культуры, всевозможные творческие вечера и другие культурные мероприятия. 2010 год для «Пушкинки» – год новых открытий: видеоконференция, идея создания «Пушкинского союза», который объединит все учебно-образовательные учреждения, носящие имя русского поэта (руководителем пресс-центра школы №8 г. Еревана является Карен Кочарян, бывший ученик «Пушкинки»), виртуальное рукопожатие между школами имени Пушкина – телеконференция была организована при помощи «Системы космической связи «Ямал-12К», которая обеспечила связь ереванской школы имени Пушкина с 11-ю школами и лицейами России, которые также носят имя великого русского поэта. Эта технология является новинкой на всей территории России, и в России из 60 тысяч школ только 400 оснащены данной системой.

Так держать, «Пушкинка»! Александр Сергеевич был бы очень доволен такими последователями, как учащиеся школы №8. Словно к каждому из Вас он обращал слова:

*«Учись, мой сын: наука сокращает
Нам опыты быстротекущей жизни».*

Поэт, музыкант, гражданин

«Не стыдись, страна Россия,
Ангелы всегда босые.
Сапоги сам черт унёс.
Нынче страшен – кто не бос.

М.Цветаева

Времена не выбирают – в них живут. Но мы знаем одно: жизнь с каждым днём становится все безрадостнее и мрачнее, особенно для пожилых людей, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Одни низко склоняют головы под ударами судьбы, другие сопротивляются, борясь за своё человеческое «Я».

В Новосибирской филармонии в 2006 году образовалось артистическое содружество «Камерное собрание». Вот что говорит о его назначении Татьяна Сергеевна Макарова, основатель и руководитель содружества, 2-й концертмейстер камерного филармонического оркестра: «Культура, обслуживающая магистральные дороги общества, находится в большом долгу перед его задворками. Классическая музыка, обладающая огромным эмоциональным воздействием, практически недоступна наиболее нуждающимся в нём: детям-сиротам, инвалидам, детям из неблагополучных семей. Задача «Камерного собрания» – сыграть Моцарта, Шуберта, Баха там, где не ступала нога филармонического музыканта. Конечно, наши музыкальные встречи не решают проблемы сиротства, алкоголизма, насилия в семье, однако, когда звучит музыка, мир становится чуть-чуть лучше, добре.

Ангелом-спасителем считают Татьяну Сергеевну в детдомах, приютах, интернатах, больницах, госпиталях, где прошли благотворительные концерты «Камерного собрания». Лауреат филармонической премии «Золотой ключ – 2006», Татьяна Макарова имеет множество благодарностей за свой бескорыстный труд от детских домов №1 и 2, школы радос-

ти «Бельчонок», Мошковской коррекционной специальной интернату, Болотниковского комплексного центра спецобслуживания, от общества инвалидов «Даун-синдром», областного госпиталя ветеранов войны и др.

Святая к музыке любовь оказывает на всех слушателей, особенно на детей, огромное эмоциональное воздействие, их исстрадавшиеся сердечки тянутся к прекрасным музыкальным образам, чувствуют их, через звуки приходит ощущение мира.

Трудной, но благородной миссии воспитания у детей чувства прекрасного Татьяна Макарова отдает всё, что у неё есть: талант, душу, свой заработок и даже свои физические силы.

Надо только видеть, как эта хрупкая женщина ташит на своих плечах тяжелые громоздкие инструменты, ящики с подарками для своих подопечных (куплены на её деньги), как трясется по ухабистым дорогам, смертельно уставшая, но счастливая и взволнованная очередной встречей, возвращаясь домой к 5-летнему сыну и больным родителям.

Талантливый человек талантлив во всём. Татьяна пишет стихи и печатается. Её поэтический сборник «Хрупкость» уводит читателя в чудесный мир мечты, образов, звуков и музыки. Она прекрасно понимает, что сегодня миру так необходимы нежность, чистота и забота.

Патрияна Макарова

Ноктюрн

Ночь. Пауза. Предчувствие забвенья.
Душа, как тополиный пух, легка,
Вот-вот крылом заденет облака
В слепом соннамбулическом круженье.

Вот-вот дождем прольется тишина,
Зашепчет мир – причудливый и зыбкий
Печаль, проснувшись в уголке улыбки,
Блаженно выпьет паузу до дна.

Ноктюрн-2

На последней странище ночи
Городских огней многоточье
И молчанье в осенней тональности.

Обронив звезду между строчек,
Улетает слепой ангелочек
За кулисы притихшей реальности.

Предзимье

Сухая грусть опавших листьев,
Бесплотность снежных мотыльков...
На лужах Ангел тонкой кистью
Рисует иней детских снов.

Уходит осень. Остаются
Скорлупки пережитых дней.
Беззвучно за окошком вьются
Снежинки в свете фонарей.

Печаль – как отзвук листопада
В ракушке чуткой полутьмы
Вечерних мыслей анфилада
Полна предчувствием зимы.

Наталья Левченко

Центр истории сибирской литературы и книги XX века

Культурное пространство нашего региона немыслимо без истории сибирской литературы XX века, ведь именно в Новосибирске прошлого века формировалась среда современной книги и периодической печати Сибири.

21 марта (в день первого съезда сибирских писателей) 1997 года при Новосибирском обществе книголюбов открывается общественный музей «Новосибирская книга». Председатель новосибирских книголюбов Татьяна Викторовна Пендорина, ее заместитель Ирина Ивановна Таракова и первый директор музея Эмма Александровна Алискина собирают книги из личных библиотек писателей-новосибирцев, издания Новосибирского книжного издательства, полиграфическую продукцию Новосибирска, чтобы показать литературную жизнь края во всем многообразии.

В 2003 году музейный фонд составляет уже более 6 000 книг, фотографий и документов, связанных с литературным наследием Новосибирска.

В целях сохранности всего музейного собрания его передают в Центральную районную библиотеку имени А.П.Чехова Железнодорожного района Новосибирска, где в 2004 году создается Городской центр истории новосибирской книги. Уже с самого начала в его работе были заложены новые «музейные» направления: комплектование фонда на основе исторических и мемориальных материалов, персональных коллекций, работа с посетителями через выставки и просветительные мероприятия.

Сейчас в собрании музеяного центра, размещенного в доме по улице Ленина, 32, находится более 10 000 уникальных материалов, отражающих историю развития литературы и книги нашего края. Среди них – первые издания Новосибирского книжного издательства, годовые комплекты журнала «Сибирские огни», начиная с 1922 года, книги с автографами известных писателей отечественной литературы XX века; рукописи, фотографии, документы и личные вещи сибирских писателей, графика художников-иллюстраторов.

Формирование всех коллекций Городского центра истории новосибирской книги невозможно представить без даров семей новосибирских писателей, сотрудников Новосибирского издательства, жителей Новосибирска.

Более 1000 книг с автографами известных писателей и литературоведов России (В. Астафьева, Ф. Абрамова, В. Распутина, И. Золотусского, О. Ласунского, Н. Андреева, В. Дементьева, А. Кожевникова, В. Уткива и других) подарила вдова литературного критика Н.Н. Яновского – Фаина Васильевна.

Переписку главного редактора «Сибирских огней» С.Е. Кожевникова с авторами журнала: М. Азадовским, К. Урмановым, Г. Марковым, К. Седых, Б. Жеребцовым, А. Герман, С. Сартаковым, Г. Кунгуревым, П. Кучијаком, В. Утковым; рукописи журнальных статей М. Юдалевича, А. Коптелова, В. Итина, М. Никитина, Б. Жеребцова; документы, фотографии, книги с автографами и личные вещи передала семья писателя.

Фонд К.Н.Урманова уникален тем, что он раскрывает первые шаги литературы не только Новосибирска, но и Омска. Документы и фотографии Омской артели писателей и поэтов 1920 года, издания периодической печати первой четверти XX века, фотографии, выполненные «королём сибирских писателей» Антоном Сорокиным, с его надписями. Уникальны два автографа писателя В. Зазубрина и его акварельный портрет.

Сын Урманова, Владимир Кондратьевич, передал это ценнейшее собрание в музейный центр в 2005 году.

Одной из первых подарила фотографии и личные вещи поэта Е.К. Стюарт ее дочь Антонина Евгеньевна Меликова. Мир писательницы Елены Коронатовой стал ближе благодаря большому собранию черновиков, писем, документов, фотографий и ее личных вещей, которые в 2006 году передала дочь Людмила Дмитриевна.

Сын писателя А.И.Смердова подарил центру коллекцию книг с автографами писателей Азербайджана, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Украины, Германии, Польши, Китая.

Старанием писательских семей, их друзей и соратников в Центре формируются персональные фонды М.И. Ошарова, И.М. Лаврова, А.У. Китайника, А.А. Кухно, М.Д. Зверева.

Но бывает, что редкий и важный исторический материал попадает почти случайно, так произошло с наследием писателя А.Л. Коптелова. Жители Издревой передали коробку с частью его редакторской переписки, листами черновиков и книгами из его библиотеки.

Давнее сотрудничество у Центра с Новосибирским издательством. Н.С. Семаева подарила книги с автографами, редкие и ценные новосибирские издания, документы истории издательства. Военные дневники писателя Г. Павлова, письма К.Чуковского и его дочери передала Д.Г. Селькина. Давняя творческая дружба связывает Центр с художественным редактором В.П. Минко, который сохранил более 2000 графических работ Х. Аврутиса, Н. Грицюка, Э. Гороховского, Е. Зайцева, В. Кириллова, С. Ким, Г. Ликмана, М. Погребинского, С. Рубцова, Л. Серкова, И. Титкова, В. Чебанова, С. Калачева, В. Колесникова. Сейчас коллекция книжной графики является украшением и гордостью Центра книги.

Тема литературного краеведения – ведущая в комплектовании фонда Городского центра истории новосибирской книги, но благодаря дарам новосибирцев в Центре появились и «частные» темы.

В 2006 году новосибирский книжник и собиратель К.А. Осеев дарит коллекцию новогодней открытки (1936–1996), которая насчитывает 1200 единиц. К ней семьи писа-

телей, библиотечные работники, посетители начинают добавлять новые открытки, а также приносить старые новогодние игрушки.

С помощью посетителей, друзей и единомышленников в Центре уже не один год пополняются коллекции календарей (самый старый – 1906 г.), периодической печати России XIX в. – начала XX в., почтовых открыток с видами Новосибирска и других сибирских городов, быта первой половины ХХ в., письменных принадлежностей.

Бесценный фонд Центра позволяет проводить серьезную исследовательскую, экспозиционно-выставочную и просветительскую работу.

Деятельность этой структуры МУК ЦБС им. А.П. Чехова имеет музейную направленность, поэтому исследование проблем истории сибирской литературы и книги является основным. Но он не просто хранилище истории. Накопленный историко-литературный материал становится частью современного культурного пространства, и посетитель, читатель, исследователь идет в Центр, чтобы получить ответы на свои вопросы.

С материалами фондов Центра работают ученые-исследователи, литературные критики, журналисты и писатели, учителя, студенты, учащиеся школ, краеведы.

В этом направлении Центр сотрудничает с исследователями из других городов. Давние связи у нас с Алтайским краем, городами Омском, Томском, а также Семипалатинском, Усть-Каменогорском и Павлодаром (Республика Казахстан), ведь жизненный и творческий путь известных сибирских писателей Н. Анова, С. Маркова, Е. Пермитина, К. Урманова, И. Ерошина, П. Васильева, М. Зверева, А. Иванова, В. Шукшина связан с этими местами. Максимальный доступ к уникальным фондам Центра достигается благодаря возможности работать с материалами в читальном зале, создается тематический каталог.

Музейные сокровища Центра раскрываются через выставки.

Постоянно работают две экспозиции: «Литературная жизнь Новосибирска XX–XXI вв.» и «Фольклор народов Сибири в творчестве новосибирских писателей». Выбор второй экспозиции связан с обращением к сюжетам народного фольклора многих сибирских писателей еще в начале XX века.

Но для создания живой и постоянно обновляющейся среды необходимы временные выставки. Они углубляют основную тему Центра, помогают оперативно выставлять новые поступления, привлекать материал со стороны, из других библиотек и музеев, из частных коллекций. Выставки не дают застояться.

Среди наиболее значительных временных экспозиций 2004–2007 гг. следует назвать: «Отражения» (история рождественской и новогодней открытки), «Литературный Новосибирск в годы Великой Отечественной войны», «Войди в мой мир» (к 100-летию Е.Стюарт), «Штрихи к портрету Елены Коронатовой», «Хранитель детства» (Альберт Лиханов), «Женский портрет сибирской литературы», «История Новосибирска и его улиц в открытках, акварели и графике», «Молодая проза Сибири XX века», «Новосибирская детская книга», «Пушкинская летопись Новосибирска», «У костра “Сибирских огней”», «Искусство миниатюрной книги».

Фонд Центра позволяет организовать большие и интересные выездные выставки.

В 2004–2007 гг. в Новосибирском государственном краеведческом музее прошли выставки: «В мире Пушкина», «Художник и книга», «Хранители времени», «Летопись “Сибирских огней”», «Книжные сокровища Новосибирска XX века».

Выставки «Сказки народов Сибири», «Художник и книга» были предоставлены Семипалатинскому литературно-мемориальному музею Ф.М. Достоевского (2004). В Искитимском историко-художественном музее подготовлена экспозиция «Сибирские писатели и художники детям» (2004–2005). В июне-августе 2008 года в Омском музее изобразительных искусств имени М.Врубеля проходила выставка «В гостях у книги». Немало ярких и запоминающихся экспози-

ций было создано совместно с Центром национальных литератур: «Новосибирск многонациональный», «Сказки народов России» и другие.

Одно из важнейших направлений деятельности Центра – организация просветительской работы среди жителей Новосибирска.

В настоящее время тема литературного краеведения включена в учебный процесс. В связи с этим Центром разработана и успешно реализуется программа «История литературы и книжного дела Сибири XX века» для разных возрастных групп школьников, с первого по одиннадцатый класс. Она дает возможность познакомиться с литературой края, творчеством писателей-сибиряков, искусством книги Сибири. Формы реализации тем программы различны: игры, конкурсы, лекции, мастер-классы, литературные встречи.

Мы понимаем, что Центр – это не учебник, хотя и дает научную информацию. Понимаем, что «музейность» собрания предполагает зрелищность, но не развлечение. Зрелище должно быть научным, художественным, высококонтекстуальным.

Поддерживается Центром исследовательская и поисковая работа учащихся. Уже второй год в тесном сотрудничестве собирается материал по истории создания первых произведений А.Иванова «Алкины песни» и «Повитель» с учениками школы № 18. Не первый год материалами литературного краеведения пользуются учащиеся школы № 132 и аэрокосмического лицея.

С первого дня возникновения городской общественной организации «Союз краеведов» Центр поддерживает все направления его краеведческой работы. Прежде всего среди школьников и краеведов. Благодаря этому сотрудничеству создана передвижная выставка «Новосибирск. Прошлое и настоящее. Фотография, акварель, графика», которая побывала почти во всех районах города. Успешно прошел конкурс детского творчества «Рисую, и город историей дышит», оказывается методическая помощь школьным музеям. Проход-

дят праздники с их участием. В мае 2008 года состоялся праздник «живой экспозиции» – «Биография одного экспоната», в котором участвовали представители музеев из 23 школ.

Городской центр истории новосибирской книги консультирует по вопросам литературного краеведения библиотеки и музеи Новосибирска, Омска, Томска, Алтая, Казахстана, предоставляет необходимый материал. Постоянная совместная работа ведется с редакцией журнала «Сибирские огни», Новосибирским издательством, издательским домом «Горница» и другими издательскими организациями.

С 2004 года в Центре организован клуб «Встреча», который ежемесячно посещают любители сибирской книги. На заседаниях узнают о книжных новинках сибирского региона, встречаются с писателями и поэтами, вспоминают писателей-сибиряков прошлых лет, предлагают свои темы встреч.

Продолжается сотрудничество с Новосибирским обществом книголюбов, прежде всего через клуб «Новосибирский миниатюрист». Многие заседания клуба уже традиционно проходят в Городском центре истории новосибирской книги, организуются совместные выставки миниатюрной книги.

В 2007 году вместе с детской библиотекой им. В. Даля была создана «Школа Дедушки -краеведушки» для дошкольников. Основная цель «школы» познакомить детей с историческим и литературным прошлым Новосибирска, помочь им стать патриотами своего города, научиться читать и любить книгу, познакомиться с творчеством сибирских писателей.

Вся эта многообразная просветительская работа дает возможность прикоснуться к бесценным сокровищам литературной жизни Сибири посетителям и читателям Центра.

В «Положении о создании Городского центра истории новосибирской книги» написано, что «он призван способствовать формированию у посетителей гражданских, патриотических качеств, интеллектуального и духовного потенциала, расширению кругозора и воспитанию познавательных интересов в области истории и литературы».

Говоря же языком души, мы должны знать свои истоки, потому что это рождает уважение к себе и уважение к другим.

По традиции, заложенной еще в 1967 году редакцией журнала «Сибирские огни» и музеем «Новосибирская книга» в Центре хранятся и продолжают диалог с читателем две книги: первая – автографы писателей, вторая – автографы известных лиц. До сих пор в обеих книгах ведутся записи, которые для нас являются оценкой нашей необходимости современному обществу.

«Покуда будет свет, покуда будут люди, читающие, любящие поэзию, чистое прозаическое слово... будут поэты, прозаики, будут хранители их труда и этим последним – слава!», – писали участники писательского форума 2002 года.

«Внешне массово, всем зrimо Новосибирск весь в театрах, концертах, пении, танцах, .. А внутри, в малозаметной внешне глубине, он не менее богат и славен литературой... - Наш музей выводит это богатство вовне, на глаза. Пусть люди знают не только наши книги, но и как мы выглядим, как работаем. Музей делает нас не мифическими лицами, а живыми и видимыми», – написал в 1998 году А.В.Никульков.

«Без прошлого, без знания своих корней, человек не может считать себя человеком достойным...» – писатель М.Н. Щукин.

И таких записей много. Они помогают нам определять дальнейшие цели и задачи.

Наше будущее мы видим в передаче духовных ценностей жителям нашего края, в активном участии Центра в современном литературно-художественном процессе города и области; в том, чтобы Центр истории книги стал местом интеллектуально проведенных часов, осозаемого союза эпох, местом «встречи» с литературой и книгой Сибири.

Список литературы

1. **Булыга О.** С чего начинается Родина? // Соседи. – 2007. – 5 марта – С.6
2. **Левченко Н.** Приглашение к знакомству... // Педагогическое эхо. – 2004. – декабрь. – С.3
3. **Левченко Н.** Из собрания Городского центра истории новосибирской книги. // Воспитание и дополнительное образование. – 2004. – №4 – С.32–33, 47.
4. **Левченко Н.** Из истории проведения конкурса детского творчества «Образы сибирской литературы». // Воспитание и дополнительное образование. – 2005. – №3 – С. 29–30, С.57.
5. **Секисова М.** Выставка автографов. // Воспитание и дополнительное образование. – 2004. – №3 – С.34
6. **Яранцев В.** Книголюбы-добролюбы. // Сибирские огни. – 2007. – №7 – С.176–179

150-летию
А.П. Чехова

Геннадий Шалютин, г. Ялта

**«Меня влечет неведомая сила...» Пушкин, Чехов и
«Черный монах»***

5 января 1900 года А.П.Чехов лаконично сообщил сестре Марии о покупке гурзуфской дачки, включающей «кусочек берега с купаньем и Пушкинской скалой» /П.,9,14/ В Гурзуфе эту скалу обыкновенно называют «Генуэзской»: когда-то здесь стояла византийская, а потом и генуэзская крепость. И. Медведева-Томашевская, жена знаменитого пушкиниста, отдыхавшего на даче в здешних местах, сообщила, что Чехов назвал скалу Пушкинской совершенно справедливо: юный поэт совершал сюда уединенные побеги и с большой точностью описал башни крепости, греческое кладбище на северном склоне горы в черновых строках стихотворения «Кто знает край, где роскошью природы...» 1/. Именно под сенью Пушкинской скалы Антон Павлович уединился в августе 1900 года. Он приступил к работе над пьесой, в которой звучат строки из «Руслана и Людмилы», а ностальгический рефрен «В Москву, в Москву!» перекликается со знаменитым пушкинским: «Москва! Как много в этом звуке...». Строки эти, кстати, отчеркнуты Чеховым на страницах «Евгения Онегина» в томике, хранящемся на Белой даче в Ялте.

Можно представить, что ощущал Чехов, обладавший до того «половиной Пушкинской премии», при вступлении в права владельца целой Пушкинской скалы... Однако ни от-

---

* Статья впервые опубликована в сб.: Чеховские чтения в Ялте. От Пушкина до Чехова. Вып.10. Симферополь, 2001. С.104–117.

крытой радости, ни хотя бы намека на гордость обладания столь значительной реликвией мы у Чехова не найдем. Хотя, если вдуматься, благодаря покупке Чехов стал как бы соседом Пушкина по Гурзуфу: дом Ришелье, где поэт провел счастливейшие три недели, находится в трех сотнях метров от чеховской дачки. Все скрыто глубоко в душе – при всем том, что пушкинские строки, пушкинские образы, пушкинские мотивы и интонации переполняют чеховское творчество – и прозу, и драматургию, и эпистолярии...

Пристальное внимание Чехова к Пушкину имело, надо полагать, не только эстетические, художественные корни, хотя и эта сторона взаимоотношений литературных гигантов была весьма существенной. Об этом свидетельствуют многочисленные сопоставления их как «объективных» художников, как мастеров «поэтизированной прозы» и «точной детали», а то и как создателей «тернарных моделей». Сопоставлялись их «парадигмы» и просто литературные взгляды 2/. Но в подтексте ощущается некая общность судеб, которая по странности бытия проявляется в жизни великих людей – ну, хотя бы в краткости их земного существования... Не удивительно, что в «Черном монахе», самом таинственном и, возможно, самом автобиографическом произведении Чехова, тема Судьбы тесно переплется с пушкинскими мотивами. Уже отмечено, что «черный» гость Пушкина, «черный монах» Чехова и «черный человек» Есенина создают единую линию судьбы на ладони истории русской словесности. Михаил Булгаков, загнанный в угол преследованиями сталинских соколов, сообщал П.С. Попову о некоем предсказании: «когда я буду вскоре умирать, то никто не придет ко мне, кроме Черного монаха...» 3/.

Образ черного монаха как предвестника собственной чеховской судьбы не раз возникал в воспоминаниях друзей писателя. И. Щеглов-Леонтьев писал, что призрак «черного» гостя («Моцарт и Сальери») появлялся перед Чеховым в образе «Черного монаха» 4/. Еще в начале 90-х годов Анна Ивановна Суворина намекала, что не случайно Чехову стали сниться черные монахи, а сам Суворин по выходе «Палаты

Н 6» прямо заявил, что Чехов «сходит с ума». Между ними разгорелась полемика о роли «ума и таланта», и Суворин склонялся к мысли, что большой ум Чехова губительно оказывается на художественности его произведений. «Да, я умен по крайней мере настолько, чтобы не скрывать от себя своей болезни», – отвечал Чехов, и петербургские оппоненты восприняли эту фразу как признак мании величия... 5/. В мае 1904 года профессор Г.И. Россолимо встречался с глубоко больным Чеховым в Москве и усиленно живописал ему свои впечатления от поездки в Грецию. «Мне казалось <...> я облегчал его томление и отгонял призрак Черного монаха» 6/. Севастопольский писатель Борис Лазаревский, насквозь «прокопченный» чеховскими влияниями, через день после смерти Антона Павловича записал в дневнике: «Мне кажется почему-то, что смерть его была похожа на смерть Коврина в «Черном монахе.» 7/.

В проекции на судьбу Чехова символично, что смерть его героя связана с легочной болезнью и настигает его в Крыму... Именно здесь, вероятно, молодой писатель впервые почувствовал дыхание судьбы. Летом 1889 года, только что похоронив брата Николая (скоротечная чахотка), он сам едва избежал гибели. Служащий ялтинской купальни неосторожно обронил тяжелый шест, который упал в воду буквально в сантиметре от головы Чехова... «Чудесное избавление от гибели наводит меня на разные, приличные слушаю мысли», – писал он А.Н. Плещееву (П., 3, 234). Символично и то, что именно в тридцать семь лет (роковое пушкинское число) он снова на волосок от смерти: обильное кровотечение в ресторане «Славянский базар» во время обеда с Сувориным. Приговор профессора Остроумова был жестким: «Ты калека». Воистину: люди обедают, просто обедают, а в это время разбиваются их судьбы... Как бы пытаясь обмануть судьбу, смертельно больной Чехов в 1904 году покидает Южный берег, едет в Германию, но и чужеземные доктора оказались бессильны перед неизбежным.

Тема судьбы у Пушкина и Чехова уже привлекла внимание исследователей 8/. Однако за подсчетом того, сколько раз в

рассказах Чехова употребляется слово «судьба», было оставлено в стороне главное: сопоставимость судеб самих писателей. Пушкин, осознав свою особую судьбу национального поэта, пристально вглядывался в контуры жизнеописания гениальных людей. Вот, оказавшись в глухой кишиневской ссылке, он пишет стихи о таком же изгнаннике – римском поэте Овидии Назоне. Вот он называет князя Олега Святославовича «вещим». Кому «вещает» летописный персонаж, герой пушкинского стихотворения? Да самому Пушкину. о предсказанной – и сбывающейся – трагической гибели от коня. Известно, что суеверный Пушкин весьма серьезно отнесся к предсказанию петербургской гадалки Кирхгоф о собственной гибели от белого человека, белой головы или белого коня 9/. Предсказание странным образом сбылось: поэт погиб от руки белокурого Дантеса.

Разумеется, к пушкинским суевериям, которыми он наградил и многих своих героев (Татьяна Ларина, к примеру, считала за несчастье встретить черного монаха), можно относиться, как это часто случалось в научной литературе, со снисходительной иронией. Однако нельзя отрицать того факта, что вера в судьбу и ее проявления в разного рода приметах является фактом мироощущения поэта и фактом его творчества. Углубляясь в специфику предсказаний, можно понять, почему именно «белому» человеку суждено стать роком Пушкина: белый – антипод смуглого и курчавого потомка африканских негров. Следуя этой же логике, Пушкин сделал антиподом героя «маленькой трагедии», белокурого музыкального гения Моцарта, черного человека! Пушкина особенно привлекали случаи, в которых реализуется роковая предопределенность («Метель»), он размышляет о возмездии как части судьбы: зло не остается безнаказанным («Русалка»).

Чехов, осознав собственное литературное призвание, не мог не вглядываться в судьбу Пушкина, с которым его самым тесным образом связал Толстой, назвав «Пушкиным в прозе». В словах Толстого, записанных Лазаревским в сентябре 1903 года при посещении Ясной Поляны (интересно, знал ли Чехов об этом лестном отзыве?), обычно цитируют первую

часть («Пушкин в прозе»). А далее следует знаменательная фраза: «Вот как в стихах Пушкина каждый может найти отклик на свое личное переживание, такой же отклик каждый может найти и в повестях Чехова» 10/ (Здесь и далее разрядка моя – Г.Ш.). Несомненно, это замечание касается и самого Чехова. Характерный пример из воспоминаний И. Щеглова-Леонтьева о встрече с Антоном Павловичем в 1897 году. Чехов увидел в гранках высказывание Пушкина из письма жене: «Черт меня догадал родиться в России ... с душой и талантом!» – и задумчиво произнес: – «Как это странно ... мне именно сегодня приходили в голову почти те же слова!..» 11/.

Чехов, как и Пушкин, размышляет о судьбе («У меня странная судьба <...> не злой человек, но ничего не делаю приятного ни для себя, ни для других» – П. 3,89), о провидении, сохранившем его жизнь в ялтинской купальне («чудесное спасение»); он исследует дуэль как случай, через который реализуется судьба (повесть «Дуэль»); случай же, по высказыванию Чехова, определяет судьбу литератора: «чтобы вас признали талантом, <...> случай играет гораздо большую роль, чем талант» 12/.

Доверенному адресату А.С.Суворину – как бы между прочим – признается, что в середине 80-х годов во время спиритического сеанса «дух Тургенева» сказал ему: «Жизнь твоя близится к закату». «И какая-то сила, точно предчувствие, торопит, чтобы я спешил» (П., 5,306). И Чехов торопится схватить от жизни все, что возможно. В 1894 году он дважды приезжает в Крым, потом совершает длительное путешествие по Италии, Франции и Германии. Параллельно по Петербургу распространяются слухи о чахотке, которая добралась до Чехова. Он торопится писать – спеть как можно больше песен. Даже в Ялте, куда весной 1894 года Чехов приехал лечить бронхит, его ни на минуту не покидает мысль: «я должен, я обязан писать. Писать, писать и писать» (П., 5,281).

Вместе со своим героем Чехов размышляет о безумии как наказании за гениальность, за перенапряжение творчества. Легенда о Поликратовом перстне не случайно «всплывает» на страницах «Черного монаха», написанного Чеховым в период

расцвета популярности. И Тригорин в «Чайке» озвучивает мысли, несомненно, близкие самому автору: «Бывают насильственные представления, когда человек день и ночь думает, например, все о луне, и у меня есть своя такая луна. День и ночь одолевает меня одна неотвязная мысль: я должен писать, я должен писать...» Пишу непрерывно, как на перекладных, и иначе не могу... Разве я не сумасшедший?... Я иногда боюсь, что вот-вот подкрадутся ко мне сзади, схватят и повезут, как Поприцина, в сумасшедший дом» (С., 13, 29). «Не дай мне Бог сойти с ума» – читаем и у Пушкина.

О скрытом автобиографизме в «Черном монахе» написана содержательная статья С.В. Тихомирова: «Опыт самопознания мелиховского отшельника».

Собственно-чеховская человеческая судьба и его личный духовный опыт, по справедливому замечанию автора, составляют психологический стержень повести, на который намотаны мелиховские впечатления. Он приводит массу фактов из мелиховской жизни Чехова, благодаря которым становится совершенно очевидным, что Коврин во многом «копирует» своего автора. Тут и страшный сон о монахе, и споры о миражах, и «Сerenада Брага», которую на пару с Ликой Мизиновой исполнял в Мелихове Игнатий Потапенко... Тут и курение «дорогих сигар», от которых у Чехова разыгрался бронхит, и сам факт переезда в деревню из-за городского утомления и «расстройства нервов». 1892–93 годы были для Чеховых весьма сложными: болезнь отца, затем сестры Марии (брюшной тиф), обострение туберкулеза у самого Антона Павловича... Обманывая себя и родных, он называл свой недуг «бронхитом», однако в душе подозревал, что это чахотка. Черный монах, который приснился Антону Павловичу, явился «сновидческой проекцией» душевной тревоги, охватившей писателя. Черный монах – проводник болезни и предвестник смерти – являлся сначала к Чехову, и уж потом – к его герою магистру Коврину 13/.

Не менее интересны наблюдения писателя В. Рынкевича в книге «Путешествие к дому с мезонином» о роли «женского фактора» в жизни и творчестве Чехова. Он смотрит на

проблему как бы «изнутри», из шкуры литератора, и опирается на методологию творца теории архетипов Карла Юнга, которого сам же и перевел на русский. Жизнь художника, по Юнгу, «обязательно полна конфликтов, где противоборствуют 2 силы: обычный человек с его естественным стремлением к счастью, наслаждениям <...>, и беспощадная страсть к творчеству <...> которая в данном случае сводит на нет все личные желания» 14/.

Лика Мизинова вошла в жизнь Чехова «как бы из пушкинских времен и пушкинских мест»: ее деда Юргенева знал Пушкин, бывая в Бернове и Малинниках, где прошло детство Анны Керн (Тверская губерния). Рынкевич видит нечто мистическое в том, как еще в 1889 году, когда подруга Марии Чеховой только появилась в их доме, Антон Павлович в повести «Скучная история» предсказал ее драматическую судьбу: увлеклась театром, полюбила актера, он ее обманул, родила ребенка, ребенок умер... В случае с «божественной», «золотой», «злодейкой» Ликой, откровенно ждавшей чеховской любви, личная судьба Чехова, как и чувства девушки, оказались принесены в жертву долгу перед литературой, перед писательским призванием. Как бы в отместку, Лика заводит романчик с «томным» Левитаном, а в 1893 году появляется в Мелихове с другим другом Чехова – Игнатием Потапенко... Печать тех дней, когда голосу Лики, исполнявшей мистическую «Валахскую легенду», за раскрытым окном вторили соловьи, лежит на рассказе «Черный монах» 15/.

На мой взгляд, в Коврине еще больше лично-чеховского начала, чем это показано в литературе. Взять хотя бы ковринские занятия наукой (он пишет диссертацию), которые и послужили причиной душевного заболевания. Известно, что в 1891–93 годах Чехов по уши погрузился в написание огромного (по его писательским стандартам) труда «Остров Сахалин». По воспоминаниям В.Лаврова, Чехов «приходил в ужас от размеров своей работы» (С., 14–15, 780).

Суворину – как бы в шутку – он характеризует свою каторжную книгу не иначе, как «труд академический», а близким друзьям говорит, что этой работой он отдает дань меди-

цине и смотрит на «Остров Сахалин» как на диссертацию (С., 14-15,800). Г.И. Россолимо поведал, что Чехов действительно любил «помечтать» о преподавательской карьере, а книга о Сахалине действительно рассматривалась им как возможное основание для получения докторской степени. Ничего из этого, однако, не получилось: декану медицинского факультета Клейну чеховские научные планы показались блажью 16/.

Коврину, в отличие от Чехова, ценой неимоверных усилий удалось-таки получить кафедру, однако почитать лекции не привелось: пошла горлом кровь. «Он плевал кровью, но случалось раза два в месяц, что она текла обильно <...> Эта болезнь не особенно пугала его, так как ему было известно, что его покойная мать жила с точно такой же болезнью десять лет, даже больше» (С.8,253). Всякий сведущий в жизнеописании Чехова знает, что кровохарканье у писателя наблюдалось с середины 80-х годов и что Чехов действительно видел в этом наследственный фактор: у матери частенько лопались кровеносные сосудики в горле. Называлось это явление – геморрой горловых сосудов. Разочарование в «ученой карьере», которое испытал Чехов, несомненно, отразилось в размышлениях его героя. В Севастополе, незадолго до смерти, Коврин воспринимает ученые штудии как проявление «суеты мирской»: стоило ли работать дни и ночи ради положения «посредственного ученого», ради того, чтобы «под сорок лет получить кафедру, быть обыкновенным профессором» и излагать обыкновенные, притом чужие мысли... (С., 8,256).

Характерно и то, что в 1892–93 годах Чехов углубляется в изучение специальной литературы по психиатрии, сближается с директором лучшей провинциальной психиатрической лечебницы доктором В.И. Яковенко, участвует в ежегодных собраниях врачей-психиатров в селе Покровско-Мещерское Подольского уезда, где расположена лечебница. Этот факт можно толковать двояко. Либо Чехов набирает материалы для «Палаты N 6» и «Черного монаха», либо какие-то личные, внутренние мотивы заставляют пристальнее анализи-

ровать признаки душевной патологии. В 1892 году петербургский издатель Ф. Павленков выпустил в переводе с итальянского книгу Ц. Ломброзо «Гениальность и помешательство». Прямых доказательств того, что Чехов читал ее, нет, однако приведенные в ней факты – в проекции на самочувствие самого Чехова – заставляют задуматься. А фактов близости между одаренностью и патологией профессор Падуанского университета, готовя спецкурс по психиатрии, набрал немало. К примеру, у некоторых пациентов обнаруживалось проявление особой даровитости в первые периоды заболевания чахоткой... Многим гениальным людям были свойственны судорожные подергивания, как у помешанных. Некоторые воспринимали музыку так, словно их переполняло неизъяснимое счастье 17/. О Чехове этой поры известно, что у него «нет особенного желания жить», зато есть «геморрой и отвратительное психопатическое настроение» (П., 5,216); что он воспринимает музыку, в частности, серенаду Брага, ставшую музыкальным лейтмотивом «Черного монаха», как «что-то мистическое»; что от переутомления его «дергало»: стоило Чехову забыться сном, как некая странная сила подбрасывала его в постели 18 /.

Если об этих «проекциях» на личность Чехова можно говорить условно, то севастопольские реалии, отраженные в рассказе Чехова, в полной мере автобиографичны. 14 июля 1888 года Антон Павлович в письме из Феодосии, куда его пригласил А.С. Суворин, излагает сестре первые крымские впечатления. Крым – за исключением гор и моря – не понравился молодому писателю: степь, на его взгляд, напоминала тундру (в которой он, естественно, не бывал), сам город интересен только тем, что стоит на берегу «чудеснейшего моря». Как и в случае с «тундрой», Чехов пытается отыскать какой-то свой, оригинальный образ для определения моря. «Самое лучшее у моря – это его цвет, а цвет описать нельзя. Похоже на синий купорос» (П., 2,294-95).

Этот «синий купорос», навевающий скорее образ садовых вредителей, чем Черного моря, через пять лет проступает в «Черном монахе», в сцене смерти Коврина, что застав-

ляет попристальнее взглянуться в севастопольские впечатления самого Чехова. Судя по письму, Чехов прибыл в Севастополь вечером и вместе с дорожным спутником, украинским помещиком Кривобоком (неясно, настоящая ли это фамилия или ироническая выдумка в духе Гоголя) поселился в гостинице. Судя по всему, это была гостиница Киста на берегу Северной бухты, в сотне метров от причала. Гостиница сохранилась; ее фасад, увенчанный балконами, обращен к морю. Антон Павлович сообщает сестре о своих дневных и вечерних впечатлениях, о дикой красоте гор в лунном сиянии, которая «настраивает фантазию на мотив гоголевской «Страшной мести»: «видишь то пропасти, полные лунного света, то нехорошую, беспросветную тьму. Немножко жутко и приятно» (П., 2,294). Поселившись в номере, они с соседом «натрескались вина» и завалились спать. Описания ночной бухты в письме не приведено.

Наутро – то ли от похмелья, то ли по иной причине – Чехов вял и раздражен: «...скука смертная. Жарко, пыль, пить хочется. Из гавани воняет канатом, мелькают какие-то рожи <...>, слышны звуки лебедки, плеск помоев, стук, татаршина, всякая неинтересная чепуха...» (П., 3,295).

Героя «Черного монаха» Антон Павлович по прибытии в Севастополь поселяет именно в той гостинице, где в 1888 году сам провел ночь, и описание ночной бухты, как ее увидел с балкона Коврин, как бы восполняет отсутствующий фрагмент в известном письме Маше. «Коврин вышел на балкон; была тихая теплая погода, и пахло морем. Чудесная бухта отражала в себе луну и огни и имела цвет, которому трудно подобрать название. Это было нежное и мягкое сочетание синего с зеленым; местами вода походила на синий купорос, а местами, казалось, лунный свет сгустился и вместо воды наполняет бухту...» (С, 8,256–57).

Несомненно, что Коврин видит тот же ночной пейзаж, который в 1888 году видел в Севастополе сам Чехов. Несомненно и то, что сам Чехов, созерцая красоту Северной бухты, был в особом, «фантастичном» настроении, иначе невозможно объяснить необычное, одухотворенное состояние

морского пейзажа, увиденного потом Ковриным с балкона: «Бухта, как живая, глядела на него множеством голубых, синих, бирюзовых и огненных глаз и манила к себе» (С., 8, 256–57). Было ли тому причиной вино, которым путешественники обильно заливали вареную рыбу и цыплят, или нечто похожее на «чудесную радость», которая дрожала в груди Коврина, – это выяснить уже невозможно. Как невозможно отрицать и саму возможность того, что отягощенный усталостью от долгого путешествия и обильных возлияний писатель не пережил приступ горлового кровотечения, после которого, по словам чеховского же героя, наступает слабость и апатия... В эту историю удивительно вплетаются мотивы, навеянные Пушкиным... Антон Павлович приехал в Крым из сумской усадьбы Линтваревых, где семья Чеховых сняла на лето дачку. В описании романтичной украинской природы звучит парафраз на тему пушкинской «Русалки».

Чехов сообщает Суворину о водяной мельнице, о мельнике и его дочке, которая сидит у окна и «чего-то ждет». «Каждый день я езжу в лодке на мельницу», – сообщает он своему петербургскому адресату, намекая то ли на рыбную ловлю, то ли на что-то иное... (П., 2, 277). В его же письмах из Феодосии слышатся как бы отголоски «русалочьей» темы. Вот как Чехов описывает море: «теплое, нежное и ласковое, как волосы невинной девушки». Сообщая сестре о севастопольских впечатлениях, он упоминает о мотивах гоголевской «Страшной мести»; месть, как известно, один из ведущих мотивов и пушкинской «Русалки». Через год в Ялте Чехов уже работает над пьесой «Леший», где «русалочья» тема звучит в полный голос 19/. Плодотворный опыт использования пушкинского мотива потом отразился в пьесах «Дядя Ваня» и «Чайка». П.Н. Долженков так описывает параллели между пушкинским и чеховским произведениями: жили две девушки, одна на берегу озера, другая – Днепра. Приходит человек из другого мира, в которого они влюбляются: Тригорин – из мира искусства, Князь – из высшего социального слоя. Обеих героинь безжалостно бросают 20/.

Отмечено, что пушкинские строки «Невольно к этим грустным берегам// Меня влечет неведомая сила» стали своего рода «присловьем» в речевом обороте Чехова: в письмах они встречаются четыре раза 21/.

В июле 1892 года, когда, возможно, уже вынашивался замысел «Черного монаха», Чехов признается в письме к Ф.Шехтелью: «Ужасно тянет меня неведомая сила на Кавказ или в Крым; вообще к морю <...> если я не понюхаю палубы, то возненавижу свою усадьбу» (П., 5,74).

Однако в творчестве писателя эта пушкинская фраза приобрела смысл, который трудно представить в устах «сурowego реалиста», каковым до недавних пор изображали Чехова. Ординатор Королев («Случай из практики»), столкнувшись с несправедливостью судьбы, размышляет о «дьяволе, в которого не верил, и оглядывался на два окна, в которых светился огонь. Ему казалось, этими багровыми глазами смотрел на него сам дьявол, та неведомая сила, которая создала отношения между сильными и слабыми, эту грубую ошибку» (С., 9,310–11). Дьявол с красными глазами, эта неведомая сила, встречался в чеховских текстах и раньше: этот символический образ просвещивается в книге «Остров Сахалин», в пьесе «Чайка». Неожиданно появляется он и в «Черном монахе» – как раз в finale, незадолго до смерти Коврина. Большой магистр читает письмо Тани Песоцкой, в котором она проклинает его, желает гибели – и испытывает беспокойство: он смотрит на дверь, «чтобы не вошла в номер и не распорядилась им <...> та неведомая сила», которая разрушила его счастье и здоровье (С., 8,256). Это, на мой взгляд, ключевая фраза, которая дает ясное представление о природе Черного монаха и которая предполагает отыскание перекличек с пушкинской «Русалкой».

Впрочем, пушкинские тексты и без «неведомой силы» довольно глубоко вошли в ткань рассказа Чехова. На эту тему есть серия статей старейшего чеховеда – Е.М. Сахаровой, которая проследила отражение образности романа «Евгений Онегин» в «Черном монахе». В частности, очень заметна параллель между Татьяной Песоцкой, ставшей женой безумца, и Татьяной Лариной. Коврин даже напевает арию Гремина:

*Онегин, я скрывать не стану,
Безумно я люблю Татьяну.*

По иронии авторского замысла, у Пушкина именно Татьяне приходилось испытывать душевный дискомфорт при встрече с черным монахом; у Чехова же «безумная любовь» Коврина трансформировалась просто в безумие. Сама житейская ситуация в рассказе напоминает пушкинский роман: в деревню, где скучает Таня Песоцкая, приезжает «необыкновенный» человек, ученый; она уверена, что судьба уготовила ей супружество. Увы, супружество обернулось мукой: отец Тани умирает, прекрасный сад Песоцких гибнет, а сама Татьяна пишет Коврину письмо с проклятиями. Письмо это составляет, как и в пушкинском романе, «важнейший сюжетный узел» чеховского произведения 22/. Современные исследования показывают, что тема рока, возмездия, определяющая сюжет пушкинской «Пиковой дамы», также явственно прослеживается в «Черном монахе» 23/.

В пушкинской «Русалке» Князь соблазнил и бросил дочку Мельника; последствия были ужасны: девушка утопилась в Днепре и стала «русланкой холодной и могучей». Мельник сходит с ума: ему мнится, что он стал вороном:

*Два сильные крыла
Мне выросли внезапно из-под мышек
И в воздухе держали. С той поры
То здесь, то там летаю...*

Русалка, поднаторевшая в чарах и колдовстве, лелеет месть:

*Я каждый день о миенье помышляю,
И ныне, кажется, мой час настал.*

«Неведомая сила» приводит Князя к берегу, где он когда-то был счастлив; он созерцает плоды своей измены: мельница развалилась, тропинка заглохла, садик зарос, заветный дуб гол и черен... Но самое страшное – смерть возлюбленной и безумие Мельника:

*И этому все я виною! Страшно
Ума лишиться. Лучше умереть.*

Князь почему-то очень страшится безумия, как будто предчувствует, что встреча с вороном (а черный ворон в русской народной поэзии всегда был символом несчастья) не пройдет ему даром: «...человек, лишенный ума, // Становится не человеком». Пушкин не завершил «Русалку», оставив нас в раздумье о судьбе Князя; вероятнее всего, Русалка свершит свою страшную месть, сведет его с ума, а потом заставит броситься в воды Днепра.

«Неведомая сила» в облике черного монаха приходит как отмщение и к герою чеховского рассказа. В Севастополе Коврин получает письмо бывшей жены, которая сообщает о смерти отца, о гибели сада; виной тому – безумный Коврин: «Я ненавижу тебя всею моей душой и желаю, чтобы ты скончался погиб. О, как я страдаю! <...> Будь ты проклят!» (С., 8,254). Мотивы вины, мести, безумия, гибельного участия в людских судьбах инфернальных сил, составляющие ядро «Русалки», вдруг тугим узлом завязываются и в финале чеховского рассказа.

Коврин боится, как бы «неведомая сила» не проникла через дверь. Но от судьбы не уйдешь. Томясь, Коврин выходит на балкон: бухта смотрит на него множеством глаз, среди которых выделяются «огненные». Инфернальная сила начинает свое действие. Бухта манит Коврина к себе, и в мыслях мелькает: «Не мешало бы выкупаться». Как бы между строк проявляется перспектива «утопления» героя – судьба, уготованная обидчикам женщин, ставших русалками. Однако Коврину суждена не менее ужасная смерть: безумие и чахотка объединяются, чтобы лишить героя жизни. В нижнем этаже под балконом заиграла скрипка, запели два женских голоса – запели уже знакомую песню о безумной девушке... У Коврина захватило дыхание. «Черный высокий столб, похожий на вихрь или смерч, показался на том берегу бухты. Он со страшной быстротой двигался через бухту по направлению к гостинице <...> Монах с непокрытою седою голо-

вой и с черными бровями, босой, скрестивши на груди руки <...> остановился среди комнаты». И он снова внушает несчастному магистру мысли о гениальности.

«Коврин уже верил тому, что он избранник божий и гений <...> но кровь текла у него из горла прямо на грудь <...> Он упал на пол <...> Он видел на полу около своего лица большую лужу крови и не мог уже от слабости выговорить ни одного слова <...> а черный монах шептал ему, что он гений и что он умирает потому только, что его слабое человеческое тело <...> не может больше служить оболочкой для гения» (С., 8, 256–7).

Какое мощное символическое наполнение несет в себе финальная сцена рассказа! Тут и мотивы народных поверий о русалках и мести за поруганных женщин. Тут и черный ворон, предвестник безумия. Тут и античный мифологический образ перевозчика мертвых душ Харона, пересекающего севастопольскую бухту, словно Стикс. Тут и традиционная плачальщица-скрипка, которая наряду со свирелью еще с древнейших времен олицетворяла причество смерти... Американская исследовательница К. Питерсон в своей статье о «Черном монахе» приводит свидетельство известного фольклориста С. Томпсона о том, что в народной поэзии стран Европы дьявол может появляться в образе монаха; он выходит из воды, проносится вместе с ураганом. В подтексте – за образом Черного монаха кроется библейский архетип, придающий чеховскому тексту универсальный символический смысл 24/.

Такая «густота», образная «плотность» чеховского рассказа не случайна: слишком важна для писателя тема судьбы, важна попытка заглянуть за темную завесу будущего. Потому и автобиографизм рассказа «Черный монах» – автобиографизм особого свойства, который родственен четырехкратному восклицанию трех сестер – «если бы знать! если бы знать!», за которыми, в свою очередь, легко прочитывается томление романтического героя «Евгения Онегина»: «Что день грядущий мне готовит?» И если в пушкинские времена судьба ставила литераторов под выстрел дуэлянта, то в конце века ее символами стали полет в лестничный колодец, оборвавший жизнь

сошедшего с ума Гаршина, и чахотка, от которой в Ялте умер Надсон... «Я не брошусь, как Гаршин, в пролет лестницы» – заверяет Чехов обеспокоенного Суворина (П., 5, 134). Однако оба варианта – и сумасшествие, и легочную болезнь – Чеховвольно или невольно «просчитывает», ощущая, очевидно, что подобная судьба дана не случайно. Черный монах, поначалу возникший как фантом больного воображения Коврина, в финале явственно приобретает черты надчеловеческой силы, воплощающей возмездие социума и природы.

Органическое включение в чеховский текст образов, мотивов Пушкина – не только свидетельство эстетического чутья писателя. Благодаря многочисленным литературным перекличкам, аллюзиям на каркасе обычной, казалось бы, «*historia morbi*» – медицинского рассказа о душевном заболевании магистра Коврина – нарастает живая ткань народной жизни и богатейшей русской культуры, и уже чувствуется, что Пушкин – это не просто литература: это зеркало судьбы, в которое пытливо заглядывают поколения читателей и писателей.

Пушкинские тексты приводятся по изданию: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений, в 10 тт. Л., 1977.

1. *Медведева-Томашевская, И.* Синяя калитка // Крымский альбом. Альманах. – Феодосия–Москва, 1997. – С. 103.
2. *Сухих И.* Проблемы поэтики А.П.Чехова. – Л., 1987. – С.109.
3. *Виленский Ю.Г., Навроцкий В.В.; Шалюгин Г.А.* Михаил Булгаков и Крым. – Симферополь, 1995. – С. 52.
4. *Щеглов И.Л.* Из воспоминаний об Антоне Чехове // А.П. Чехов в воспоминаниях современников. – М., 1954. – С.141.
5. *Литературное наследство*, т.87. Из истории русской литературы и общественной мысли. М.: Наука. 1977. – С.346.
6. *Россолимо Г.И.* Воспоминания о Чехове. Чехов в воспоминаниях современников. – М., 1954. – С.587.
7. *Записи о Чехове* в дневниках Б.А. Лазаревского // Литературное наследство. Т.87. – М., 1977. – С. 363.
8. *Григорьева Е.И.* Категория судьбы в мире Пушкина и Чехова // Чеховиана. Чехов и Пушкин. – М.: Наука. 1998.

9. **Таинственные приметы** в жизни А.С.Пушкина. Сост. А.Е.Тархов. – Симферополь: Таврия. 1994. 48 с.
10. **Литературное наследство.** Т.87. – С. 321.
11. **А.П.Чехов в воспоминаниях** современников. – М., 1986. – С.80.
12. **Рынкевич, В.** Путешествие к дому с мезонином. – М.: Худ. лит., 1990. С.115.
13. **Тихомиров С.В.** «Черный монах» (Опыт самопознания мелиховского отшельника) // Чеховиана. Мелиховские труды и дни. – М.,1995. – С. 35–38.
14. **Рынкевич, В.** Путешествие к дому с мезонином. – С.5.
15. **Там же.** С. 6–7, 51, 111–115.
16. **Чехов в воспоминаниях** современников. – М., 1954. С. 589.
17. **Ломброзо Ц.** Гениальность и помешательство. – СПб., 1892. – С.14–22.
18. **Чехов М.П.** Вокруг Чехова. Встречи и впечатления. – М.,1981. – С.257–258, 491.
19. **Паперный З.С.** «Русалка» и «Леший» // Чеховские чтения в Ялте. Чехов и русская литература. – М.,1978. – С.16–21.
20. **Долженков П.Н.** «Чайка» А.П.Чехова и «Русалка» А.С. Пушкина // Чеховиана. Чехов и Пушкин. – М., 1998.– С.232.
21. **Кузичева А.П.** Пушкинские цитаты в произведениях Чехова // Чеховиана. М.,1998. – С.56.
22. **Сахарова Е.М.** Пушкинские мотивы в «Черном монахе» А.П.Чехова // Чеховские чтения в Ялте. М.,1978. – С.98; «Письмо Татьяны предо мною...» (К вопросу об интерпретации Чеховым образа героини «Евгения Онегина») // Чеховиана, М., 1998. – С. 159–160.
23. **Клюге Р.-Д.** Отражение болезни в рассказах «Палата N 6» и «Черный монах» // Чеховиана. Мелиховские труды и дни. М.,1995. – С.58.
24. **Питерсон К.** «У него было такое же ангельское лицо, ясное и добroe» (символика подтекста в рассказе «Черный монах») // Молодые исследователи Чехова. Вып.3. М.,1998. – С.75.

Забытые страницы Пушкинаны

Булат Окуджава

Счастливчик Пушкин

Александру Сергеичу хорошо!
Ему прекрасно!
Гудит мельничное колесо,
боль угасла,

баба шурится из избы,
в небе – жаворонки,
только десять минут езды
до ближней ярмарки.

У него ремесло – первый сорт,
и перо остро...
Он губаст и учен, как черт,
и все ему просто:

жил в Одессе, бывал в Крыму,
ездил в карете,
деньги в долг давали ему
до самой смерти.

Очень вежливы и тихи,
делами замученные,
жандармы его стихи
на память заучивали!

Даже царь приглашал его в дом,
желая при этом
потрепаться о том о сем
с таким поэтом.

Он красивых женщин любил
любовью не чинной,
и даже убит он был
красивым мужчиной.

Он умел бумагу марать
под треск свечки!
Ему было за что умирать
у Черной речки.

1967

Николай Кузьмин, Москва

«Евгений Онегин»

Какое великое счастье, что у России есть Пушкин!

Всю нашу жизнь он сияет над нами, как незаходящее солнце. Он входит в память каждого из нас с детства. Я вспоминаю, как в мае 1899 года в нашей школеправляли столетний юбилей поэта. Хор спел канту, потом учитель прочитал по бумажке, какой великий поэт был Пушкин и почему мы должны его чтить. Любители из местного драматического кружка представляли сцену в келье Пимена из «Бориса Годунова». Потом опять пел хор и читали стихи ребята. Я читал «Утопленника». Мне было восемь лет, я впервые выступал и очень волновался.

Сначала мы узнаем стихи Пушкина из учебников. Заучиваем их по-ребяччи, бездумно, тараторкой:

*Гонимы вешними лучами...
Зима, крестьянин, торжествуя...
Горит восток зарею новой...*

Но вот однажды я прочитал в однотомнике:

*Надо мной в лазури ясной
Светит звездочка одна,
Справа – запад темно-красный,
Слева – бледная луна... –*

и сразу увидел въявь этот закатный пейзаж, какой и сам не раз видел: и звездочку, и луну, и красный запад.

Я начал бродить по пушкинским проселкам и открывал для себя заново то романтическую Венецию:

*В голубом небесном поле
Светит Веспер золотой –*

*Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой...*

то древнюю буйную Русь:

*Ходил Стенька Разин
В Астрахань-город
Торговать товаром.
Стал воевода
Требовать подарков.
Поднес Стенька Разин
Камки хрущатые...*

то пейзаж Испании, мрачный, как офорт Гойи из его графических серий «Капричос» и «Бедствия войны»:

*Кругом пустыня, дичь и голь...
А в стороне торчит глаголь,
И на глаголе том два тела
Висят...*

В неоконченных набросках у Пушкина есть вещи изумительные, и я испытывал радость, открывая для себя стихи, не попавшие в школьные хрестоматии, малоизвестные.

К стихам о доже и догарессе я сделал тогда рисунок, а также к отрывку «Альфонс садится на коня» – пейзаж с двумя повешенными.

В военные годы в походах я не расставался с маленьким томиком писем Пушкина в дешевом суворинском издании.

Раскроешь на досуге книжку и снова с знакомым волнением слышишь голос поэта: «Милый мой Вяземский, пряник мой Вяземский», «Какая ты дура, мой ангел!», «Осмеливаюсь беспокоить Ваше превосходительство покорнейшею просьбою о дозволении издать особою книгою стихотворения мои». Светлый Пушкин! Трогательный Пушкин! Бедный поэт!

Дерзновенная мысль проиллюстрировать «Евгения Онегина» зародилась у меня осенью 1928 года, когда я был на курсах переподготовки комсостава в Саратове. Там, в «воен-

Пушкин с музой на балу

трируя «Онегина», этот оперный штамп, освободить в сознании читателя роман Пушкина из-под наслаждений оперных образов – было одной из задач иллюстратора.

На первой выставке «13-ти» в 1929 году я выставил несколько рисунков на пушкинские темы: «Кишиневские дамы», «Сводня», «Пушкин в Москве». Это открыло мне две-ри московских пушкинистов. Шумные вечера у М.А. Цявловского стали для меня незабываемым семинаром по Пушкину. Пылкий Цявловский, пушкинист колоссальной эрудиции и трудолюбия, готовый промыть тонны породы ради золотой крупицы из биографии или творчества Пушкина, был несменяемым президентом на этих собраниях. Его тесная, забитая книгами квартира была в ту пору, в сущности, необъявленной «Пушкинской академией», где чуть ли не ежевечерне происходили интереснейшие «пушкинские бдения», где сталкивались мнения и кипели споры.

Тридцатые годы, предшествовавшие 1937-му юбилейному пушкинскому году, были отмечены особым подъемом в нашем пушкиноведении.

ном городке», каждый вечер я уходил в библиотеку и читал «Евгения Онегина». Там-то я и прочитал впервые понастоящему этот роман.

Все мы знаем «Евгения Онегина» со школьных лет, но это неполное, поверхностное знание. Я не раз обнаруживал, что даже интеллигентные люди путают либретто к опере Чайковского с творением Пушкина.

Преодолеть, иллюс-

Нет нужды припоминать все названия вышедших тогда посвященных пушкинской теме книг, статей, рассказов, фильмов, картин, рисунков, – многие из этих трудов вошли в Золотой фонд нашей культуры. Я вспоминаю, как в издательстве «Недра» стали выходить выпуски труда В.В. Вересаева «Пушкин в жизни», несколько раз переиздававшегося в последующие годы. Каждый выпуск ожидался с нетерпением, как продолжение увлекательного романа. Идеи, говорят, носятся в воздухе, и в качестве заявки на ту же тему еще раньше появилась прелестная маленькая книжка известного литератора Н. Ашукина «Живой Пушкин».

Благодаря этим биографиям, в документах многие места «Онегина» открыли для меня свой автобиографический смысл, и казалось заманчивым попытаться расшифровать для себя и для читателя эти места графическими комментариями. Я, вопреки традиции, выбирал для иллюстрирования такие места, как «Нет презренней клеветы, на чердаке враlem рожденной и светской чернью ободренной», или даже черновые варианты, драгоценные авторскими признаниями, как «Уже раздался звон обеден; среди разбросанных колод дремал усталый банкомет, а я, все так же бодр и бледен, надежды полн, закрыв глаза, гнул угол третьего туза». Меня увлекала новизна этого активного подхода к иллюстрированию, и я, может быть нарочно, объезжал стороной иные традиционные темы: Татьяна и няня, Татьяна за письмом, Онегин танцует с Ольгой, а Ленский ревнует...

Имел ли я на это право? Я полагал, что имел: лирические отступления занимают в романе не меньше трети строф и судьба героя то и дело перекреивается с биографией самого поэта.

Как раз в те годы у В.В. Вересаева собирались почитатели Пушкина для «медленного чтения» строф «Евгения Онегина».

На этих вечерах бывали писатели, литератороведы-пушкинисты, актеры Художественного театра. Случалось, что за весь вечер прочитывали всего одну строчку. Каждое слово

переворачивалось и так и эдак, комментировалось, вызывало множество литературных, биографических, исторических ассоциаций. При неожиданном повороте иное пушкинское слово и выражение приобретало вдруг особое сверкание. Это был богатейший по сведениям и идеям курс по Пушкину. Мне выпала честь на одном из таких вечеров показывать свои эскизы к «Онегину»; вероятно, нигде в другом месте я не мог бы найти столь авторитетной консультации по вопросам, связанным с Пушкиным.

Моим рисункам посчастливилось – издание «Онегина» было включено в план издательства «Academia».

Директор издательства был большой шутник. Он сказал мне: «Знаете, в Париже молодые художники сами оплачивают расходы по изданию своей первой книги. А мы вам еще платим!» Мне выписали аванс, но такой крошечный, что я проел его за месяц. Чтобы продолжать работу над «Онегиным», я стал таскать книжки из своей библиотеки в букинистическую лавку. Охотнее всего брали первые издания стихов Брюсова, Блока, Анненского, Ахматовой. Затем пришла очередь книг по искусству. Моя небольшая библиотека очень поредела.

Мне до сих пор жалко именной экземпляр «Современной русской графики». Жалко из-за воспоминаний. Я выписал его по фронтовому адресу и получил на Рижском фронте весной 1917 года. Раскрыв книгу, я нашел там в статье Радлова и свою фамилию. Это был первый критический отзыв обо мне.

Но вернемся к «Онегину». Редактором издания был Цявловский. Все рисунки мы обсуждали с ним совместно. Обнаружилось, что в тексте есть места, требующие комментария, особенно в том случае, если рисунок дает повод толковать это место превратно. Так, меня тронула строфа Пушкина, обращенная к будущему другу-читателю:

*Быть может, в Лете не потонет
Строфа, слагаемая мной;*

*Быть может (лестная надежда!),
Укажет будущий невежда
На мой прославленный портрет
И молвят: то-то был поэт!*

Я нарисовал юношу и девушку, благоговейно взирающих на портрет Пушкина, и засомневался: а ну как не все поймут, что поэт совсем не обвиняет будущего читателя в невежестве. Каждый, вдумчиво прочитавший эту строфу и следующую, должен понять, что «невежда» не может иметь в этом контексте современного, уничижительного значения. Цявловский также подтвердил мне, что «nevежда» в пушкинские времена означало «наивный, зеленый, не искушенный жизнью юнец». Тем более, что ранее Пушкин говорит и о Ленском: «Он сердцем милый был невежда». Мы порешили, что читатель разберется.

Увы, мы рассчитали плохо. Во втором номере журнала «Искусство» за 1937 год появились укоризненные строки о клевете на нашу славную молодежь, которая изображается художником в виде невежд. Критик не оправдал наших упоминаний на умного читателя.

Николай Рубцов

О Пушкине

Словно зеркало русской стихии,
Отстояв назначенье свое,
Отразил он всю душу России!
И погиб, отражая ее...

1965

Геннадий Соловьев

Отчизне посвятим

Мне казалось, что читать я умел всегда. Это, конечно, не так. Старшие братья, играя в «школу», показали мне буквы, и они послушно стали складываться в слова. Так навсегда полюбил я чтение.

В первом классе, когда мои сверстники тянули «ау» и «уа», да «Шура мыла раму», я маялся от безделья и смотрел в окно. Невдалеке от нашей начальной школы – железная дорога, и по ней шли и шли поезда с солдатами и военной техникой. Война, 1944 год. Отцы и старшие братья на фронте, и мы завидовали им и сожалели, что поздно родились, что война закончится без нас и мы не совершим подвига.

В классе парты с несмыываемыми пятнами фиолетовых чернил, круглая, железом обитая печь до потолка, со стены отечески смотрит дедушка Ленин. И еще шкаф в углу, большой, двустворчатый, с железной клямкой, под замком. Там – школьное сокровище, библиотека. Но первоклашкам книг не дают: малы еще. И второму классу тоже. Только третьему и четвертому. Это же сколько ждать! А читать так хочется! Букварь и «Родная речь» прочитаны на несколько раз, тексты я наизусть помню. Других книг у моих неграмотных родителей нет. Старшие братья уехали учиться в среднюю школу и учебники свои увезли. Я уже не раз подхожу к столу, чтобы попросить учительницу, Надежду Николаевну, дать мне почитать книжку, но всякий раз робею и оставляю на завтра.

На перемене я еще раз подхожу к шкафу: может, Надежда Николаевна сама предложит мне книжку? Ведь я лучше всех читаю в первом классе! Нет, не обращает на меня внимания, смотрит на стоящий на путях эшелон с солдатами. Мы зна-

ем, что у нее муж на фронте. Как-то раз она пришла веселая и вместо уроков стала читать нам только что полученное письмо от мужа. Читает, а у самой слезки на глазах. Как мы любили ее в эту минуту, слушали, не шелохнувшись!

Повернувшись возле шкафа, я замечаю, что задняя фанерная стенка покоробилась, отстала и образовалась щель, достаточная, чтобы пролезла рука. Значит, завтра.

Утром я пришел в школу раньше всех. В классе никого. Но через узенький коридорчик комнатка, где живет Надежда Николаевна, и мне кажется, что она уже обо всем догадалась, вот-вот войдет. Тихо, только дрова в печке пощелкивают. С замерзшим от страха сердцем, я просовываю руку, нащупываю первую попавшуюся книжку и торопливо сую ее в свою холщовую сумку.

Еле дождался конца уроков. Сидел и боялся поднять глаза на Надежду Николаевну. Домой бегом – через пустырь, через железную дорогу. Достал книжку. А.С. Пушкин. Стихи.

*Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя,
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.*

До чего знакомо! И у нас случаются такие бури, что поезда останавливаются, и все население выходит на очистку путей, на снегоборьбу, как тогда говорили. Не раз бывало: утром дверь уличную не открыть, сидим и ждем, когда придет с ночного дежурства отец, путевой обходчик, и откопает нас.

Долгими зимними вечерами сидим мы вокруг стола, на котором потрескивает семишинейная керосиновая лампа, или печку облепим и слушаем мамины сказки, страшные-престрашные. Шумит ветер на улице, гудит в печной трубе, а то вдруг взvoет, как голодный волк. Так и кажется, что там, над нами, в снежной круговерти черти беснуются, визжат, дерутся, бабайга в ступе с метлой над крышей проносится. Страшно!

Зато какие сугробища напротив нашего дома! За зиму наывает их вровень с домами, целые снежные горы. Весело кататься с них на саночках! Вниз летишь, аж дух захватывает.

Стихотворные строчки всплывают, шевелятся в памяти. Качусь ли с горы, завожу ли наверх саночки, иду ли на лыжах по снегу, а сам бормочу навсегда запомнившиеся строчки:

*Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.*

Да ведь это песня! Стихи можно не только произносить нараспев, но и петь. Каждое пушкинское стихотворение само подсказывает мотив. И я пою. И про черную шаль, и про узника, и про цветок засохший, и даже «во глубине сибирских руд». Из отесанных талин отец сделал мне лыжи, на которых я дотемна катаюсь с горки или уминаю ровный снег на огороде и пою негромко, чтобы никто не услышал, не осмеял.

С той поры Пушкин всегда в моем сердце. Особо понравившиеся стихи – наизусть. Большие отрывки из поэм, выучив для себя, помню до сих пор. Из «Евгения Онегина» – целые главы. Учить его стихи было в радость. Ведь это же Пушкин!

Светлое это имя было известно даже неграмотным, а их в те времена было чуть ли не половина населения. От детей-школьников, по заданию учителей заучивающих его стихи, и родители, обладавшие незамутненной памятью, невольно заучивали вместе с ними. И как же я сожалел, что не был его современником! Уж я точно не дал бы его убить на дуэли. Скорее грудь бы свою подставил, но не дал. После Гитлера, ненавидимого всеми, кто пережил военное лихолетье, вторым отвратительным человеком для меня был убийца Пушкина Данtes.

Каждый ищет и находит в Пушкине то, что ему особенно близко. Для Гоголя он – «единственное явление русского духа», «в нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер». Тургенев называет его первым поэтом-художником и по своему значению для России сравнивает его с Петром Великим. Именно с Пушкина, подмечает Дос-

тоевский, начинается интерес русской литературы к миру простого человека, «несчастного скитальца в родной земле».

Природа щедро наделила Пушкина поэтическим даром. С 1814 года он (а ему только 15 лет) печатается в журналах постоянно. В 1815 году на лицейском экзамене первый поэт России, признанный всеми Г.Р. Державин, выслушав его «Воспоминания в Царском Селе», «был в восхищении». К. Батюшков, оказавший большое влияние на раннего Пушкина, прочитав его элегию «Редеет облаков летучая гряда», судорожно смял лист бумаги с текстом и воскликнул: «Злодей! Как он начал писать!». До Пушкина еще никто так гениально не творил на Руси.

Откуда в нем этот удивительный талант? В нем, родившемся в обычной дворянской семье у ничем не примечательных родителей, получившем обычное для тех времен воспитание? А откуда гениальность у Иисуса Христа? Скажем прямо: от Бога. Пушкин – поэт с божьим даром. На наш взгляд, именно евангельская многозначимость, глубина содержания и краткость слога оказали на него наибольшее влияние.

Талант талантом, но мало кто знал, как много Пушкин работал над каждой строкой, над каждым словом, подбирая единственно верное, достигая совершенства. Курчавая его голова никогда не была свободна от стихов, мыслей, новых замыслов.

*«Что в мой недремлющий
тогда не входит ум».*

Поразительно глубоко проникал этот «недремлющий ум» в сущность описываемого явления! У П. Мериме есть ценное замечание о нашем Пушкине: «Ваша поэзия ищет правды, а красота потом является сама собой».

Именно Пушкин дал образец того, что есть поэзия: это не просто лучшие слова в лучшем порядке, но и единство самого глубокого содержания с самой совершенной формой.

В поэзии он был и остается звездой первой величины. То же и в прозе. Он вывел правило, как следует писать: «просто, кратко и ясно». И сам неукоснительно его придерживал-

ся. Гениальная «Пиковая дама» всего лишь 25 страниц. Повесть «Дубровский» – 69. Даже объемная по содержанию «Капитанская дочка» – всего лишь 109 страниц. Современный автор, пишущий «темно и вяло», развез бы любое из них страниц на восемьсот.

И в прозе он оставался поэтом. А какие звучные названия давал он своим произведениям! «Медный всадник» – хорей, «Арап Петра Великого» – ямб. «Евгений Онегин» – амфибрахий. Он первым стал строить удобочитаемые предложения – на глубину человеческого дыхания.

Есть совершенно неверное мнение, что Пушкин в дуэли искал смерти, потому что выдохся, исписался, «стал не тот». Поэт, писатель – не автомат, выдающий одну за другой штамповки. Все пишущие знают, что бывают взлеты, бывает и застой и даже падение. Не избежал всех этих радостей и горестей и Пушкин. Прекрасна Болдинская осень, когда он за короткий период выдал огромное количество высококлассных творений – каждую неделю, а то и каждый день по шедевру.

1830 год. 9 сентября повесть «Гробовщик», 13 – «Сказка о попе и работнике его Балде», 14 – повесть «Станционный смотритель», 20 – повесть «Барышня-крестьянка», 25 – окончена IX глава «Евгения Онегина». То же в октябре и ноябре.

Но вот год 1835. Пусто, «...такой бесплодной осени отроду мне не выдавалось. Пишу, через пень колоду валю. Для вдохновения нужно сердечное спокойствие, а я вовсе не спокоен», – признается он в письме к П. Плетневу. Еще бы! Весь Петербург, от знатных бездельников до мордатых лавочников, треплет имя Пушкина и его жены. Сплетни, смешки, анекдоты, самые нелепые предположения – все отравляло его жизнь. Да прибавить сюда постоянные материальные затруднения, долги, смерть матери, которую он очень любил!

Нет, не исписался Пушкин. И если бы не преждевременная смерть, сколькими гениальными произведениями смог бы он обогатить великую русскую литературу!

Пушкин современен. С тревогой следим мы, как накануне третьего тысячелетия «бесконечны, безобразны в мутной

месяца игре закружились бесы разны» с кровавыми знаменами и проклятой свастикой, грозят судами, расстрелами и ГУЛАГом, все наглее, все громче заявляют о себе, «надрывая сердце» всему российскому народу «визгом жалобным воем».

Поэты не ошибаются. И вся история России – тому подтверждение. Свои мысли, правоту своих суждений мы сверяем по Пушкину. Напомню, как заканчивается «Капитанская дочка»: «Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уже люди жестокосердые, коим чужая головушка – полуушка, да и своя шейка – копейка».

Наши «бесы» далеко не молоды, но что они «жестокосердые» – точно. Им грезятся новые революции, бунты, путчи. Их не смущает как Самозванца: «Кровь русская, о Курбский, потечет». Они не идут ни на согласие, ни на примирение. Слепо уверовав в правоту завезенных из-за границы безумных идей, они не могут понять, что сама по себе революция не решает ни одного вопроса, зато ставит новые, еще более трудные.

Россия может выбраться из нынешней ямы, если идея служения своему народу, своей родине проникнет в сердца россиян. «Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы» – не звонкая фраза, а глубинное, благородное чувство лицейских товарищей Пушкина, так много, как и он, сделавших для России: тут и дипломат, министр иностранных дел А. Горчаков, мореплаватель, контр-адмирал Ф. Матюшкин, декабристы И. Пущин и В. Кюхельбекер.

Лучше Пушкина не скажешь.

*Страницы
школьному
учителю*

Леонид Панин

А.С. Пушкин и русский язык

История литературных языков многих народов донесла имена их создателей. Каждый из этих создателей знаменует собой вершину культурного развития народа. Как правило, в истории литературных языков у каждого народа одно «звездное» имя: А. Данте, В. Шекспир, И.-В. Гете и т. д.

История русского литературного языка сложилась так, что в ней было две «звездных» вершины – ярких и вместе с тем переломных, определивших развитие языка. Первая связана с просветительской деятельностью свв. Кирилла и Мефодия, вторая – с творчеством А.С. Пушкина.

Для меня, лингвиста, историка языка, сопоставима значимость этих имен и очевидна их связь. При всем том, что исходные цели (соответственно, творческие направляющие) их деятельности были своими, особыми, но результатом (естественным, но сопутствующим, поскольку не в этом заключалась цель и миссионерской деятельности свв. Кирилла и Мефодия, и творческих устремлений А.С. Пушкина) и в том, и в другом случае явилось создание языка.

То, что было создано в результате творческой деятельности и в том, и в другом случае, оказалось авторитетным среди других языков. Церковнославянский язык кирилло-мефодиевского периода стал вровень с тремя основными языками, признаваемыми христианскими богословами: древнееврейским, древнегреческим и латинским. При всем нашем богатом воображении вряд ли мы сможем оценить всю значимость подвига свв. Кирилла и Мефодия. То же относится и к деятельности А. С. Пушкина – литературный язык русских европейским и мировым феноменом стал именно благодаря ему.

Самое важное, что общей оказалась и историческая перспектива – то, что создавалось, в языковом отношении не только объединяло этнически (славян в первом случае, русских – во втором) и не только обеспечивало будущее языку, но и давало духовные корни, т. е. давало то, без чего нет и не может быть культуры, – давало прошлое, приобщало к традиции. И в том, и в другом случае движение вперед предполагало обращение к духовному опыту, к языку–носителю традиций.

В истории русского литературного языка нового времени Пушкин был главным его создателем, но у него были предшественники. Без них он бы не состоялся. И это не умаляет роли великого поэта, но позволяет, во-первых, объективно оценить творческие процессы в формировании литературного языка нового времени; во-вторых, понять, в чём исключительность роли А.С. Пушкина.

М.В. Ломоносов установил, как известно, три стиля литературного языка: высокий, посредственный (средний) и низкий. Разработанные им правила (теория «трёх штилей») явились в свое время хорошим средством передачи разнообразных оттенков речи.

В своём рассуждении «О пользе книг церковных» он остановился на словарном различении стилей. Ломоносов указывает пять групп слов:

1) церковнославянские «весъма обетшалые» и «неупотребительные» – как, например, *обовою* ‘напеваю, заговариваю, заклинаю’, *рясны* ‘ресницы’, *овогда* ‘иногда’, *свЕне* ‘кроме, исключая’ и т.п.;

2) церковнославянские слова, хотя в разговоре не употребляемые, но понятные всем грамотным людям: *отверзаю, господень, насажденный,зываю* и т.д.;

3) слова общие и русскому и церковнославянскому: *Бог, слава, рука, ныне, почитаю* и т.д.;

4) слова русские, неизвестные в церковнославянском языке, принятые в разговорной речи культурного общества: *говорю, ручей, который, пока, лишь* и т.д.;

5) простонародные слова – это «презренные слова, которых ни в каком стиле употребить не пристойно, как только в подлых комедиях».

Первая категория слов исключается Ломоносовым из живого лексического фонда литературного языка. Смешением других четырех видов слов в разной дозировке образуются *три стиля*: высокий, посредственный (или средний) и низкий.

В *высокий стиль*, по мнению Ломоносова, входят церковнославянские слова, понятные русским, и слова, общие церковнославянскому и русскому языкам.

Средний стиль состоит из слов, общих для церковнославянского и русского языков. В нем можно употребить и некоторые русские просторечные слова, но не вульгарные, не слишком «низкие». В него можно ввести в небольшом количестве «высокие» церковнославянизмы, «однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым».

Низкий стиль чуждется церковнославянских слов. Он состоит из разговорно-бытовых, просторечных слов и выражений и допускает «по рассмотрению» даже простонародную лексику.

Распределение языковых элементов по стилям Ломоносов распространил и на фонетику и грамматику. Различались стили, по его мнению, и ударением: в высоком стиле *дáры*, *избáвитель*, *избрáн*, *высóко*, в среднем и низком – *дáры*, *избáвитель*, *избран*, *высокó* и др.

Уже в XIX в. как заслугу Ломоносова писатели отмечали, во-первых, то, что он «очистил книжный язык от многих слов, обветшалых и неприятных для слуха»; во-вторых, именно Ломоносов, советуя пользоваться чтением церковных книг, «начал писать чистым русским языком, понятным каждому состоянию» (И.И. Дмитриев, 1866).

Г.Р. Державин чётко осознавал стилистические различия языка. Но считал себя вправе использовать их в «своих интересах». Он соединял разные в стилистическом отношении явления.

Н.В. Гоголь обратил на это внимание, когда писал, что слог у Державина «так крупен, как ни у кого из наших поэтов: разъяв анатомическим ножом, увидишь, что это происходит от необыкновенного соединения самых высоких слов с самыми низкими и простыми, на что бы никто не отважился, кроме Державина» и в качестве примера приводит две строки поэта:

*И смерть как гостью ожидает,
Крутя, задумавшись, усы.*

И замечает при этом, что никто, кроме Г.Р. Державина, не осмелился бы «соединить такое дело, каково ожидание смерти, с таким ничтожным действием, каково кручение усов» (Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями).

Н.М. Карамзин стал во главе сентиментального литературного направления, и он же ввёл новые принципы литературного языка. Эти принципы получили название «нового слога».

Господствовавшая до Карамзина система «трёх штилей» к концу XVIII в. устарела. Ведущим направлением становится сентиментализм. А он, в противоположность рассудочно-му классицизму, уделяет главное внимание изображению внутреннего мира человека. И это требовало от литературного языка естественности и непринуждённости разговорной речи.

Вот почему «новый слог» освобождается от церковно-славянизмов, архаизмов и канцеляризмов.

Карамзин стремился к тому, чтобы, во-первых, начали писать, как говорят; во-вторых, чтобы в дворянской среде стали говорить, как пишут. Таким образом, необходимо было распространять в дворянском обществе литературный русский язык, поскольку здесь говорили либо по-французски, либо на просторечии.

Против просторечия Карамзин возражал резко.

Что касается французского языка, то он часто служил для писателя ориентиром вводимым в русский язык новшествам. Упрощается синтаксис. Порядок слов становится логически

прозрачным. Ср.: у Державина в стихотворении «На смерть графини Румянцевой» читаем строки:

*Сия гробница скрыла
Затмившего мать лунный свет.*

Речь идёт о могиле, где погребена мать полководца Румянцева, одержавшего победу над Турцией, в гербе которой был изображён месяц. Но понять всё это требовало больших усилий.

Благодаря «новому слогу» большое распространение получают перифразы, начало которым положил салонный слог французского литературного языка конца XVII в. В русской литературе XVIII в. это вместо:

*солнце – светило дня или дневное светило,
глаза – зеркало души или рай души,
нос – врата мозга,
рубашка – верная подруга мёртвых и живых,
сабля – губительная сталь,
весна – утро года,
юность – утро лет и т.д.*

Кармазин калькирует многие французские слова и выражения. Именно ему мы обязаны словами *промышленность* (industrie), *усовершенствовать* (parfaire), *переворот* (revolution), *утонченный* (raffiné), *развитие* (developpement), *трогательный* (touchant), *занимательный* (interessant), *человеческий* (humain) и *человечность* (humanit), *положение* (situation) и др.

Возражая против использования просторечия, т.е. речи простого народа (поскольку это было недостойно внимания чувствительных сердец), Карамзин вместе с тем отрицал и возможность использования в литературной речи церковно-славянизмов. Для него и его сторонников (церковно) славянский и русский – это разные языки. Поэтому и славянизмы чужеродные для русского языка элементы, это иноязычные вкрапления в русскую речь.

Однако целый ряд славянизмов мы всё же находим у писателя. Это *златой, глава, древо, власы, глас, хладный* и под., они использовались как средство условно-поэтической речи. Задача их употребления – обозначить, маркировать поэтический язык. В этой роли славянизмы находим и у В.А. Жуковского, и у Батюшкова.

Оценивал славянизмы Карамзин не с точки зрения их семантики или стилистической роли, но исключительно эстетически, с точки зрения некоей категории «приятности». Так, в письме от 17 августа 1793 г. И. И. Дмитриеву он просит заменить два слова в одной из строф стихотворения Дмитриева – эта строфа «мне не так нравится, как другие. *Персты и сокрушу* производят какое-то дурное действие».

Положительные и отрицательные стороны карамзинских преобразований были оценены уже в первой половине XIX в. В.Г. Белинскому принадлежат слова:

«Карамзин... преобразовал русский язык, совлекши его с ходуль латинской конструкции и тяжёлой славянщины и приблизив к живой, естественной, разговорной русской речи» (Статья 1843 г. «Сочинения Александра Пушкина»);

«Карамзин старался писать, как говорится. Погрешность его в сем случае та, что он презрел идиомами русского языка, не прислушивался к языку простолюдинов и не изучал вообще родных источников» (Статья 1843 г. «Литературные мечтания»).

Первые два десятилетия XIX в. отмечены борьбой сторонников и противников карамзинской реформы в языке. Сам Карамзин, увлечённый в это время работой над «Историей государства Российского», устранился от споров.

Основным противником Карамзина выступал адмирал А.С. Шишков, на досуге занимавшийся литературой. В 1803 г. он опубликовал книгу «Рассуждение о старом и новом слоге в русском языке». Вокруг Шишкова группируются защитники классицизма. Они отстаивали жизненность теории «трёх штилей» М.В. Ломоносова, выступали против употребления галлицизмов. В 1807 г. они организовали общество «Беседа

любителей русского слова», задачей которого было противостоять карамзинским реформам в языке и литературе.

В историю русской культуры А.С. Шишков вошёл как резкий противник заимствований. Так, он призывал фортепиано называть *тихогромом*, а калоши – *мокроступами*. Он пытался ввести в речевой обиход такие слова, как *краснолагатель* вместо *оратор*, *баснословие* вместо *мифология*, *ость* вместо *центр* и др.

В одной из словесных нападок на Шишкова и его сторонников последователи «нового слога» придумали фразу *Хорошилище идёт по гульбищу из позорища на ристалище*. Это должно было соответствовать предложению *Франт идёт по бульвару из театра в цирк*.

Однако среди доводов стилистического богатства русского языка по сравнению с французским у Шишкова были такие, против которых было трудно возразить. В частности, по его справедливому мнению, богатство стилистических средств русского языка было обеспечено благодаря его исконной связи с церковнославянским языком.

У Пушкина отношение к Шишкову не было однозначным, оно менялось с течением времени.

Пушкин-лицеист вступил в литературную и языковую борьбу как «карамзинист», сторонник европейской культуры художественного слова (В.В. Виноградов). В 1815 г. им была написана весьма злая эпиграмма:

Угрюмых тройка есть певцов,
Шихматов, Шаховской, Шишкив,
Уму есть тройка супостатов,
Шишкив наши, Шаховской, Шихматов,
Но кто глупей из тройки злой?
Шишкив, Шихматов, Шаховской.

В этот год было создано общество с шуточным названием «Арзамас», куда вошли В.А. Жуковский, С.С. Уваров, А.И. Тургенев и др. Чуть позже состав общества расширился за счёт П.А. Вяземского, К.Н. Батюшкова, В.Л. Пушкина.

Создавалось (и весьма несерьёзно) это общество в противовес обществу «Беседа любителей русского слова», созданному в 1807 г. по замыслу Шишкова. Членами последнего как раз и были А.А. Шаховской, С.А. Ширинский-Шихматов, Г.Р. Державин, И.А. Крылов и др.

Но вот прошло 10 лет, и в письме Пушкина к Вяземскому мы находим другой портрет Шишкова:

*Сей старец дорог нам: Он блещет средь народа
Священной памятью Двенадцатого года,
Один в толпе вельмож он русских Муз любил...*

Бедой Шишкова было то, что своей образованностью и своим талантом он уступал Карамзину и многим «карамзинистам» и тем самым давал повод к язвительным шуткам, злым эпиграммам, пренебрежительному отношению к своей позиции и высокомерному отношению к себе. Но именно А.С. Пушкин оценил А.С. Шишкова. И не просто оценил, признав его значительность, но сделал то, что редко делается в литературной среде, – покаялся (пусть даже в шутливой форме) перед Шишковым.

В письме к брату Льву того же 1825-го года по поводу назначения Шишкова министром просвещения Пушкин пишет: «Шутки в сторону, ожидаю добра для литературы вообще и посылаю ему лобзание не яко Иуда-Арзамасец, но яко Разбойник-Романтик».

О предпушкинском периоде в развитии русского литературного языка можно сказать следующее.

В спорах о том, каким должен быть этот язык и на что он должен опираться, были определены важнейшие положения:

во-первых, русский язык должен развиваться на основе народной речи;

во-вторых, русский язык не может быть оторван от своих исторических истоков, от церковнославянского языка;

в-третьих, русский язык не может развиваться в отрыве от лучших достижений литературных языков Западной Европы.

Эти положения, как видим, касались, условно говоря, «всей полноты» русского литературного языка, т. е. затрагивали и его базу, и его перспективу, и его культурно-языковые связи. Это то важное и положительное, что дала предпушкинская эпоха.

Но вместе с тем со всей определённостью можно констатировать, что до А. С. Пушкина не было человека, который бы осознал в совокупности все эти проблемы и принял бы на себя ответственность решить их все. И решить единствено приемлемым для общества способом – своим творчеством! У Пушкина есть публицистические заметки о том, каким должен быть русский литературный язык, но их немного и не они определили состояние и перспективу литературного языка. Поэзия и проза Пушкина сформировали этот язык.

Исторически система русской литературной речи складывалась из церковнославянлизмов, элементов разговорной речи и заимствований из европейских языков. Интенсивное освоение последних русским литературным языком начинается с Петровской эпохи, хотя и подготовлено это было периодом правления Алексея Михайловича, отца Петра I. Заслуга Пушкина состоит в том, что он понял необходимость синтеза всех этих речевых стихий и блестяще осуществил этот синтез. Так же, как он осуществил синтез двух направлений в развитии поэтической речи.

До Пушкина поэтическая речь развивалась в двух направлениях. Державинская школа обогатила ее яркими образами. Поэзия К.Н. Батюшкова создала гармонию стиха, но при этом, как писал академик В.М. Жирмунский, «поэзия образов... была забыта в этой школе и уступала поэзии звуков». Сформировался условный поэтический язык, благозвучный, но и только. И лишь в творчестве Пушкина эти два начала — образность и благозвучие — соединились.

Но если активное создание нового поэтического языка, богатого образами и различного рода звуковыми инструментами, было свойственно уже раннему Пушкину, то синтез речевых стихий, строго разграниченных у М.В. Ломоносова и А.С. Шишкова, произошел у А.С. Пушкина не сразу.

Академик В.В. Виноградов в своей книге «Стиль Пушкина» (М., 1941) заметил, что «молодой Пушкин и Пушкин половины двадцатых годов писали на разных языках. Искусственные, условные, беспредметные формулы раннего элегического стиля, разрушаясь, превращаются в иронические метафоры национально-бытовых явлений».

Именно к этому периоду относится набросок статьи А.С. Пушкина «О прозе» (1822 г.), в которой он иронично отзывается о писателях, которые, «почитая за низость изъяснять просто вещи самые обыкновенные», стараются оживить повествование:

«Эти люди никогда не скажут *дружба*, не прибавя: сие священное чувство, коего благородный пламень и пр. Должно бы сказать: рано по утру – а они пишут: *Едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба* – ах как это всё ново и свежо, разве оно лучше, потому только, что длиннее».

В это время Пушкин уже не принимает литературной изысканности и как бы не понимает. Одновременно со стремлением к простоте языка, к Пушкину приходит и стремление к точности выражения.

Так, о начале одной из элегий Батюшкова («Как ландыш под серпом убийственным жнеца... ») Пушкин заметил: «Не под серпом, а под *косою*. Ландыш растет в лугах и рощах – не на пашнях засеянных» (ПСС, т. VII, с. 567).

Точности поэт придерживался во всем: касалось ли это современной жизни или истории народа.

Примером последнего может служить стихотворение «Песнь о вещем Олеге». Князь Олег – излюбленный герой русских исторических сказаний; образ Олега, прибывающего свой щит к вратам Константинополя, стал своего рода художественным штампом.

Н.М. Карамзин в своей статье «О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом искусства» писал: «Олег, победитель греков, героическим характером своим может воспламенить воображение художни-

ка. Я хотел бы видеть его в ту минуту, как он прибывает щит свой к цареградским воротам, в глазах героических вельмож и храбрых его товарищей... В эту минуту Олег мог спросить: “Кто более и славнее меня в свете?”».

И в начале XX в. издавались руководства, содержащие рекомендации художникам, как следует изображать Олега. В одном из них читаем:

«Действие происходит в виду Царя-града. Олег, окруженный своими полководцами, гордо ждёт послов греческих, за которыми несут дары. Послы с покорностью просят Олега о мире и подают ему статьи договора. Вдоль берега видны шатры высаженного войска для приступа, а на море суда Олеговы. Засим следует представить Олега, когда он прибывает щит свой к цареградским воротам при глазах своего и неприятельского воинства. Он, кажется, говорит: пусть позднейшие потомки узрят его тут» (*Из руководства А. Писарева «Предметы для художников» (М., 1907)*).

Именно этот сюжет воспроизводился у художников и поэтов, в частности, у К.Ф. Рылеева в его думе «Олег Вещий», в которой Олег

*...в трепет гордой Византии
И в память всем векам
Прибил свой щит с гербом России
К царьградским воротам.*

В своем письме к Рылееву в мае 1825 г. из Михайловского Пушкин пишет: «Что сказать тебе о думах? Во всех встречаются стихи живые... Но вообще все они слабы изобретением и изложением. Все они на один покрой: составлены из общих мест... Национального, русского нет в них ничего, кроме имен (исключая «Ивана Сусанина»...)». И далее идет специальное замечание о цитированных стихах: «Древний герб, Святой Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший, двуглавый орел есть герб византийский и принят у нас во время Иоанна III, не прежде. Летописец просто говорит: “Таже повеси щит свой на вратех на показание победы”».

«Песнь о вещем Олеге» (1822 г.) самого Пушкина явилась художественным вызовом. Во всяком случае, по-видимому, именно это произведение знаменует собой начало нового Пушкина.

Это касалось и выбора сюжета: о воинской славе Олега упоминается вскользь. Это касалось и следования простодушному рассказу летописца, и языка стихотворения, близкого языку былин и языку летописей, но не являющемуся их подражанием, ибо в конечном счете это язык современников Пушкина.

В одном из писем А.С. Пушкина мы читаем:

«Товарищеская любовь старого князя к своему коню и заботливость о его судьбе есть черта трогательного простодушия, да и происшествие само по себе в своей простоте имеет много поэтического».

По-видимому, именно в «Песне о вещем Олеге» чётко проявилось стремление поэта к простоте языковых средств. Одновременно с этим меняется и отношение поэта к церковнославянизмам.

До начала 20-х гг., как мне кажется, еще нельзя говорить о едином пушкинском стиле. Проф. В.В. Одинцов замечает о раннем Пушкине: «сначала он писал то же, что и все, и так же, как и все. (Разумеется, лучше многих, но в принципе – так же)» (журнал «Русская речь», 1979, № 6, с. 15). Наверное, всё-таки не совсем как все, но одно бесспорно: язык его произведений этого времени многоглик.

Те речевые стихии, которые позже дали единый сплав пушкинского и далее русского литературного языка, здесь еще разобщены, обособлены и замкнуты на самих себя. Это, очевидно, и является причиной того, что разные лингвисты по-разному оценивают ведущую стилистическую установку раннего поэта.

Проф. Н.С. Ильинская в своей монографии «Лексика стихотворной речи Пушкина» достаточно убедительно доказывала значительность и важность слоя церковнославянской лексики в ранних произведениях Пушкина, и с этим трудно

спорить. Не только «Воспоминания в Царском Селе», но и ода «Вольность» (*Беги, скройся от очей...*), и «Торжество Вакха» богаты церковнославянизмами.

В. Виноградов («Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков»), напротив, считал, что язык Пушкина до конца 10-х – начала 20-х годов движется в русле «западнических» традиций карамзинского течения, а сфера употребления церковнославянизмов и народной лексики ограничена. Можно согласиться и с этим, ибо есть «Певец», «Пробуждение», «В.Л. Пушкину» и мн. др.

Спорить о том, какой из речевой стихий тогдашнего русского языка отдавал предпочтение А.С. Пушкин, наверное, дело неблагодарное. Уже язык раннего Пушкина отразил как в зеркале всё, что было типично для культурно-языковой ситуации России конца XVIII – начала XX вв.

Ярким примером является стихотворение «Деревня», которое, по словам Н.Н. Скатова (журнал «Русская речь», 1975, № 4, с 28), написано «еще очень молодым, но уже Пушкиным». Нужно лишь сравнить язык двух стихотворений – «Деревня» (1819) и «...Вновь я посетил...» (1835), – чтобы понять, что же сделал А.С. Пушкин с русским языком и для русского языка.

Изменилось со временем и отношение поэта к церковнославянизмам. Церковнославянский язык из стихии, господствующий наравне с другими, в культурно-языковой ситуации, получил свое место и превратился в один из источников развития и обогащения литературного языка и важнейший гарант национальной базы русского языка.

Часто о степени влияния церковнославянского языка на язык того или иного писателя судят по количеству употребленных лексем и грамматических форм. Если подходить с этой меркой, то язык зрелого Пушкина в значительной мере свободен от этого влияния. Но такому подходу противоречит как исследование функциональной значимости церковнославянизмов, так и прямые высказывания Пушкина о месте и значении церковнославянского языка для русского языка. А если к этому добавить, что в 30-е годы у поэта происходо-

дит возврат к традиции церковнославянской культуры, отразившийся на языке его произведений, то становится очевидным, что если и говорить об изменении роли церковнославянского языка в творчестве Пушкина, то только имея в виду ее усиление. Это – первое. Второе – это то, что усиление роли той или иной речевой составляющей и количественный рост соответствующих слов или форм напрямую не связаны.

К началу 20-х годов, наоборот, из языка Пушкина постепенно исчезают многие фонетические, словообразовательные и морфологические церковнославянизмы: *расточить* ‘рассеять’, *сретать* ‘встречать’, *воитель* ‘воин’ (последний раз именно в «Песне о вещем Олеге»), *влиять* ‘вливать’, род. ед. прил. ж. р. *великия жены, весны златыя* и др.

Одновременно с этим поэт сохраняет многое из церковнославянской лексики, ибо она была не просто дополнительным источником синонимии, но за этой лексикой стояли легко узнаваемые образы, часто внутренняя форма этих слов была более прозрачной.

Кроме того, за церковнославянизмами стояла традиция словоупотребления, объединявшая духовную культуру многих веков и делавшая единой эту культуру (именно благодаря действию этой традиции мы можем говорить о существовании единой древнерусской литературы с первого века принятия Русью христианства по начало XVIII в.). Ср.:

*Как ястреб, богатырь летит
С подъятой, грозною десницей
И в щёку тяжкой рукавицей
С размаху голову разит.*
(Руслан и Людмила, 1820)

*Душа рвалась к лесам и к воле,
Алкала воздуха полей.*
.....

*Потом на прежнюю ловитву
Пошел один...
(Братья разбойники,)*

За подъятой десницей стоял образ героя, несущего возмездие, кару; читатель уже этого четверостишия понимал, кто прав, на чьей стороне правда. В этом отразился весь Пушкин: с одной стороны, предельная точность семантики, с другой – стремление отразить общее содержание уже в малом отрезке текста.

Человек может стремиться к чему-то, очень хотеть чего-то; но за глаголом *алкать* стоит образ того, без чего жизнь невозможна.

И церковнославянское *ловитва* обладает прозрачной внутренней формой, оно однозначно и семантически вполне определенно в отличие от *охоты*.

Критики упрекали поэта за то, что он неуместно смешивает церковнославянизмы с «чисто русскими словами, взятыми из общественного быта». Но Пушкин этой тенденции к синтезу и ассимиляции церковнославянизмов с общеупотребительными формами речи остался верен до конца своих дней. И это была сознательная позиция.

«В церковнославянской традиции, в выработанной ею системе оборотов и отвлеченных значений Пушкин видел опору в борьбе с засилием французских стилей. Вместе с тем церковнокнижная культура представлялась поэту более демократической, национальной, более близкой к «коренным» основам народного русского языка...» (В.В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. с. 258).

Что же касается синтеза церковнославянского языка с «простонародным», то это прямо провозглашается Пушкиным в качестве основного принципа творчества.

А. С. Пушкину принадлежат известные слова: «Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, давал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи, усыновил его,

избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заемлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного, но впоследствии они сблизились, *и такова стихия, данная нам для сообщения своих мыслей*» (О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А. Крылова, 1825. – ПСС, т. VII, с. 27).

Показательно, что Пушкин здесь говорит об одной «стихии». Как не вспомнить здесь слова замечательного филолога позапрошлого века, профессора Московского университета Ф.И. Буслаева о том, что русский и церковнославянский представляют собой единое целое.

Даже если бы Пушкин сделал только одно – нашел место церковнославянской лексике и формам – его заслуга в развитии русского языка была бы значительной. Но Пушкин сделал большее – он выработал механизм единства русского и церковнославянского языка, обеспечив тем самым первому национальную устойчивость, а второму функциональную преемственность и сохранение устойчивости в культурноязыковой ситуации.

Особая роль церковнославянского языка в истории русского языка была связана с тем, что сначала старославянский (т.е. церковнославянский кирилло-методиевского периода), а потом уже и собственно церковнославянский язык был наднациональным языком. Он возник как язык проповеди, адресованной всем славянам. Менялись его центры. Только на протяжении первых полутора веков христианской истории у славян дважды менялись центры книжной и языковой культуры: сначала Моравия и Паннония, затем Восточная Болгария и наконец Киев и Новгород. Однако везде сохранялась его общеславянская природа и всеславянская обращенность.

Он не был языком интернационального братства. Интернациональное предполагает, видимо, отсутствие границ. Культура и язык, не имеющие границ, имеют печальную судьбу. Древнерусская культура во многом благодаря церковнославянскому языку (и тому, что стояло за этим языком, – хри-

стианству) была четко вписана в славянскую, шире – право-славную, еще шире – христианскую, и наконец – в мировую культуру и цивилизацию. Церковнославянский язык был одновременно и культурно-языковой нишней, которая не давала выветриться русской культуре и русскому языку, и проводником внешних идей и влияний.

Защитные функции церковнославянского языка могли ослабевать, могли усиливаться. Ослабевали они в периоды спокойного развития языка. Эти функции оставались тогда пока не востребованными. Усиливались они в каких-то необычных ситуациях. Примером может служить конец XIV–XV вв. Падение Балкан, усиление роли Русского государства и Русской Церкви на международной арене, отражение вражеских нашествий, преодоление внутренних междоусобиц приводит к тому, что усиливается роль церковнославянского языка. В русском литературном языке появляется много архаизмов, книжная культура ориентируется на кирилло-мефодиевские и древнекиевские традиции. Появляется особый стилистический прием, который получил наименование «плетение словес».

Или более близкий нам пример – русский язык в Сибири XVII–XVIII вв. Знакомство с языком сибирских летописей обнаруживает, что их язык сильно архаизирован, в нем много таких слов и оборотов, которые в то время логичнее было встретить в житиях, гомилиях. Но объясняется все достаточно просто. Русский язык в Сибири того времени оказался без местных национальных корней, он был представлен самыми разными европейскими диалектами, испытывал влияние со стороны нерусской речи. В таких условиях у литературного и разговорного языка непременно должна быть местная поддержка. И вот оказывается, что функцию национальных корней для русского языка в Сибири того времени выполнял церковнославянский язык. Ибо летопись – это памятник, важнейшим назначением которого является сохранить преемственность национального сознания, культуры, языка. Для московской или северорусской летописи XVII в.

обилие церковнославянизмов выглядело бы как неоправданная архаизация языка, а для сибирской летописи – единственно возможный в этих условиях путь поддержания традиции.

Величайшей заслугой Пушкина, на мой взгляд, является то, что он увидел защитные функции церковнославянского языка и принял это в качестве ведущего творческого принципа.

Пушкин создал своего рода «прокладку» между этими языками (русским и церковнославянским) – своеобразный культурный слой русской лексики, прочно соединивший эти две речевые стихии. Этот слой был сформирован, в частности, за счет церковнославянских слов, которые получили новое значение. Это оказалось живительной инъекцией для русского языка и одновременно сделало более глубокими корни церковнославянского языка в русском. Фактически это же делали ранее и церковные книжные деятели, вводя в церковнославянский язык новую (русскую литературную) лексику.

Лингвистический подвиг Пушкина вполне уместно сравнивать с тем, что сделали свв. Кирилл и Мефодий, во всяком случае в том, что касается принципов и механизмов чисто языковой работы. И в том, и в другом случае были местные речевые традиции и был высокий образец (только в одном случае в виде греческого языка, в другом в виде церковнославянского).

Пушкин ничего не изобретал в русском языке, он пользовался всем готовым. И это была достаточно сознательная установка.

В 1836 г. в заметке, посвященной выходу книги Сильвио Пеллико «Об обязанностях человека» он пишет: «Это уже не ново, это уже было сказано – вот одно из самых обыкновенных обвинений критики. Но всё уже было сказано, все понятия выражены и повторены в течение столетий: что ж из этого следует? Что дух человеческий уже ничего нового не производит? Нет, не станем на него клеветать: разум неистощим в *соображении* понятий, как язык неистощим в *соединении* слов» (ПСС, т. VII, с. 472).

И вот эта неистощимость в соединении слов — именно то, что отличает слог Пушкина и то, что оказалось самым существенным (из пушкинского наследия) в словесном творчестве русских писателей XIX–XX вв.

Церковнославянский язык с глубокой древности служил источником обогащения народно-литературного языка. Уже в XI в. русские обращаются со старославянским языком как с собственностью всенародной (В.В. Виноградов). Постепенно русские книжники, а позже русские писатели из церковнославянского заимствовали лексику для обозначения высоких понятий, это была философская и филологическая терминология, слова для обозначения абстрактных понятий. Пушкин открыл церковнославянский язык в качестве источника обогащения предметно-бытовой лексики.

С его легкой руки глагол *преобразить* получил то значение, которое мы имеем сейчас (в церковнославянском языке, откуда он был взят, этот глагол был ситуативно связан с праздником Преображения Господня):

*Вот бегает дворовый мальчик,
В салазки жучку посадив,
Себя в коня **преобразив**. (Е.О., 5, II)*

Равным образом и глагол *торжествовать* в известных строках:

*Зима!.. Крестьянин, **торжествуя**,
На дровнях обновляет путь... (Е. О.,)*

Другие примеры:

*В том совести, в том смысла нет,
На всех различные **вериги**... (Е.О., 1, XLV)
И Страсбурга пирог **нетленный**... (Е.О., 1, XVI)
Мальчишки разогнали псов,
Взяв барышню под свой **покров** (Е.,О., 7, XVI).*

Это всё приемы стилистического преобразования церковнославянизмов, которыми так богат язык «Евгения Онегина» и других произведений Пушкина зрелой поры.

Благодаря Пушкину русский литературный язык на всем протяжении XIX и начала XX вв. легкоправлялся с нашествием заимствований из европейских языков, диалектной и просторечной лексики из народного языка. Органическое единство русского литературного и церковнославянского языков вызвано не только единством и общностью путей их развития, но и принципиальными различиями, затрагивающими их глубинные свойства. В итоге они оказываются необходимо дополняющими друг друга.

Благодаря воздействию церковнославянского языка сохранилась славянская основа русского языка и имела место историческая преемственность русской культуры, в том числе языковой. Благодаря воздействию народно-диалектной речи русский литературный язык сохранял национальную основу. Оба эти воздействия были уравновешены.

В XVII–XIX вв. русский язык справился с нашествием сначала германизмов, потом галицизмов, с заимствованиями из других европейских языков. Справился, т.к. был более мощный источник обогащения русского литературного языка – церковнославянский язык. Лучшее подтверждение этому – язык А.С. Пушкина, который четко осознал особые функции церковнославянского языка. В целом значение церковнославянского языка для русского состоит в том, что он представляет собой умещенную на одной плоскости всю историю русского языка, ибо в церковнославянский одновременно функционируют памятники, восходящие к деятельности Славянских Первоучителей, прп. Нестора, митрополита Илариона, Кирилла Туровского, прп. Максима Грека и далее до наших дней. Все это очень хорошо понимал А.С. Пушкин, для которого понятия «церковнославянский язык» и «история русского языка» часто были тождественны. Он четко понимал, что литературный язык не может стоять на месте, он должен развиваться на основе всех речевых стихий, но равным образом этот язык должен иметь экологическую нишу, и такой нишей, по его мнению, был церковнославянский язык.

Особой стихией, данной нам для сообщения наших мыслей, по мнению Пушкина, была народная речь. Терминологически эту языковую стихию обозначали словами *простонародный язык и просторечие*.

Пушкин начинал как «карамзинист», но отошёл от этого направления именно по причине отрицательного отношения «карамзинистов» к просторечию. А просторечие, начиная с «Руслана и Людмилы», всё шире входило в язык Пушкина.

Поэт не раз писал о необходимости изучать язык фольклора и обращаться к родным источникам.

Сравнение стихотворения «Песнь о вещем Олеге» и народно-поэтических произведений Сборника Кирши Данилова (а одно из ранних его изданий было в библиотеке Пушкина) свидетельствует о том, что былины и исторические песни использовались поэтом.

В 1831 г. поэт написал «Мелкие заметки грамматического характера», где призвал писательскую братию внимательно отнести к разговорному языку простого народа, «не читающего иностранных книг и, слава Богу, не искажающего, как мы, своих мыслей на французском языке», и далее: «Нехудо нам иногда прислушиваться к московским просвирням. Они говорят удивительно чистым и правильным языком».

Вместе с тем Пушкин не считал, что литературный язык – это простая копия разговорной народной речи или фольклорных произведений.

Обычно заслугой Пушкина считается обращение к разговорному языку и введение в литературную речь просторечных элементов. Однако сам Пушкин четко осознавал их место. «Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, так же, как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному».

Наконец, говоря о языковых стихиях, вовлекаемых Пушкиным в синтез литературного языка, мы не можем обойти молчанием заимствования из европейских языков.

Со второй половины XVIII в. усилилось влияние французского языка и французской культуры. В результате фран-

цузский язык стал разговорным языком светского салона, более того – сложился русско-французский светский жаргон. Этот жаргон (смешение французского с нижегородским) служил предметом насмешек от Новикова до Гоголя, но он был устойчив. И во многом это было обсловлено тем, что французский язык обладал строгими, стройными, размеренными стилистическими формами. Он был стилистически организован. Французский язык к этому времени прошёл более длительный путь внутренней борьбы и внутренних противоречий. Его опыт мог быть использован.

И Пушкин использует опыт развития французского языка там, где требуется точность выражения и стройность логики. В языке Пушкина всё это проявляется в его исторической и публицистической прозе. Здесь он использует французские выражения для пояснения соответствующих русских: *семейная неприкосновенность* (*inviolabilité de la famille*), *презирать* (*braver*), *рассуждение* (*discussion*) и др.

Отдавая должное французскому языку и французской словесности, имевшим большое влияние на развитие европейских, в том числе и русского языков, Пушкин понимал и всю опасность этого влияния.

В 1824 г. появляется его статья «О причинах, замедливших ход нашей словесности», где первой причиной поэт называет «общее употребление французского языка и пренебрежение русского... Проза наша ещё так мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены *создавать* обороты для понятий самых обыкновенных, и леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно уже готовы и всем известны».

И в этих словах Пушкина проявляется его принципиальная позиция. Да, мы используем галлизмы (и шире – иноязычную лексику), но не только потому, что *этих слов в русском нет* (последнее в «Евгении Онегине» лишь ироничный поэтический реверанс образованному «европейски» читателю), а потому, что ленивы, и ленивы в *соображении* понятий и в *соединении* слов.

И весь путь Пушкина в русской словесности – это путь соображения понятий и соединения слов.

И лучше Н.В. Гоголя об А.С. Пушкине, наверное, никто не сказал:

«При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о Русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более называться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нём, как будто в лексиконе, заключилось всё богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее всех раздвинул ему границы и более показал его пространство».

Именно благодаря Пушкину русский литературный язык приобрёл национальный характер.

Вера Зверева-Коренева

Памятник русскому языку в Белгороде

В связи с тем, что 2007 год был объявлен Годом русского языка, в мае в Белгороде были проведены большие культурные мероприятия. В рамках Всероссийской встречи писателей 16 мая на улице Попова был установлен и торжественно открыт памятник «Русское слово» (скульптор А.А. Шишков). «Основная мысль памятника – это благодать Божия, открывшая нам, даровавшая нам Слово. Благодать Божию олицетворяет голубь, слетевший на Книгу, из которой к нам льются Буквы. В потоке букв различимы два слова в виде креста – Азбука и Русь» (из газеты «Литературная Россия»).

А после беседы со священником из нашего храма по поводу памятника, от себя могу добавить, что лежащая на постаменте Книга – это есть Святое Евангелие, открытое на первой странице святого благовествования от апостола и евангелиста Иоанна Богослова, оно так и начинается: «В начале было Слово...»

Так как я много лет собираю фотографии памятников Пушкину, мне захотелось приобрести и фотографию памятника. Ведь Пушкин и русский язык неделимы.

Любовь к русскому языку, наверное, и родилась вместе со мной, я даже имею небольшой преподавательский стаж.

Проживая в то время в Харбине, я в 1952 году по договору устроилась преподавать русский язык китайским студентам в Мукдене (Шеньяне) в Северо-Восточном политехническом институте. Там после кратковременных курсов по методике обучения русскому языку китайских студентов я преподавала в 1952–1954 годах. Это была моя первая работа.

Сейчас я с удовольствием вспоминаю тот период своей жизни, потому что при переезде на поезде из Харбина в Мукден я случайно оказалась в одном вагоне с русскими студентами-горняками из Харбинского политехнического института. Их горный факультет полностью был переведён в тот же Северо-Восточный политехнический институт, именно туда, куда я ехала работать. Сидела я одна в другом конце вагона и плакала, огорченная расставанием с мамой, хотя была уже взрослая – в тот год мне исполнилось 19 лет.

Один из студентов-горняков, Ваня Пешков, увидев мои слёзы, подошёл ко мне и усиленно старался разговорами меня развлечь. Он мне рассказал, что в их группе 12 человек, которые теперь будут продолжать учёбу в новом институте, что все мы будем встречаться и общаться. В дальнейшем так это и произошло. Ещё сказал, что все ребята в группе хорошие, обижаться на них не придётся.

Ребята действительно оказались замечательные, их имена и фамилии я до сих пор хорошо помню. Это Ваня Пешков, Толя Ковалёв, Володя Клепиков, Володя Долинин, Павел Коссов, Костя Гришев, Юра Островский, Серёжа Комендантов, Юра Шахрай, Женя Королёв, Борис Момот и Игорь Сырийко. С ними я не только познакомилась, но и подружилась. И эта большая дружба растянулась на всю жизнь, ведь мне в этом году исполняется уже 75 лет!

В 1954 году в Мукдене я вышла замуж за Петра Зверева, и в том же году мы из Китая уехали в СССР на освоение целинных и залежных земель, а в 1955-м с целины приехали в Новосибирск к родственникам мужа.

Самое интересное то, что, проработав в Новосибирске в проектной организации в течение 27 лет в должности конструктора и выйдя на пенсию в 1988-м, я была приглашена в один из учебных институтов Новосибирска опять преподавать русский язык китайским студентам с 1992 по 1994 год. Это была моя последняя работа в жизни, но я благодарна судьбе за этот подарок.

В письме в Белгород я кратко описала свой большой интерес к Пушкину и к русскому языку, и обратилась с просьбой к губернатору Белгородской области Евгению Степановичу Савченко по возможности прислать мне фотографию памятника Русскому языку. Очень беспокоилась, что без адреса, как «на деревню дедушке», мое письмо не дошло – уж очень долго не было ответа.

К моей огромной радости, просьба моя была выполнена. Из управления культуры Белгородской области с препроводительным письмом мне прислали фотокарточку с уникальным памятником Русскому слову!

Посыпая эту фотографию в нашу газету «На сопках Маньчжурии», мне хочется, чтобы памятник увидели все наши земляки, разбросанные по всему миру.

Памятник русскому языку в Белгороде

*Гости
Пушкинского
альманаха*

Жалерия Соболева, Эстония

**«...Жизнь хороша тем, что в ней можно
путешествовать!...»**

Июнь месяц для Пушкинского общества в Эстонии всегда горячая пора.

В начале месяца, когда приближается дата со дня рождения А.С. Пушкина, обычно планируется историческая или литературная программа. В нынешнем году были проведены IV Таллиннские Пушкинские чтения, посвященные 300-й годовщине включения Прибалтики в состав Российской империи в 1710 году.

19 июня группа членов ПО традиционно отправилась в путешествие, чтобы открыть для себя какие-то новые страницы русской истории, связанные с А.С. Пушкиным и его окружением. Нам предстояло познакомиться с украинскими адресами, где присутствует имя русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Пятнадцатидневный маршрут на автобусе пролёг через города: Киев – Белая Церковь – Миргород – Полтава – Каменка – Умань – Одесса – Каменец-Подольский – Львов.

Перед нами оживали факты, о которых, кажется, известно хрестоматийно, как например: Пушкин и семья Раевских в Киеве и Каменке, тайное Южное общество и декабристы, одесский период поэта, памятники поэту и литературно-музейные экспозиции. Но глаза и душа получали много дополнений к известному: декабристы и имение Браницких в Белой Церкви, Каменка, хранящая память о присутствии там Петра Ильича Чайковского, сложные взаимоотношения польской и украинской политики на протяжении трёх-четырёх веков, русско-турецкие войны, гетманство на Украине, многогранность религиозных направлений в западных ее областях.

Но и не только Пушкин. Миргород и Полтава по-новому открыли нам Николая Васильевича Гоголя. На Полтавщине в 2009 году достойно отметили 200-летний юбилей Н.В. Гоголя. При посещении Сорочинцев, Гоголово, Диканьки, Миргорода мы узнавали гоголевские описания этих мест и гоголевских героев. Это и Хлестаков, и поссорившиеся старосветские помещики Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. Это Пан Голова и Солоха, Вакула с черевичками, даже знаменитая Свинья около *миргородской лужи*. «Лужу» сегодня изображает весьма живописный пруд с лебедями в центре города. Люди, с которыми мы встречались, были столь же колоритны, как и к тому же украинские разносолы, куда входили украинские борщи с галушками, много мяса и разнообразие салатов. Город Полтава порадовал нас своей классической архитектурой и прекрасным музеем Полтавской битвы. Особенно было приятно встретиться с двумя работами эстонского скульптора Амандуса Адамсона: перед входом в музей памятник Петру I на пьедестале, и в самом музее – бюст императора Петра.

Во время поездки мы имели возможность посетить прекрасные ландшафтные объекты: Дендропарк «Александрия» в имении Браницких в городе Белая Церковь и парк «Софиевка» в имении Потоцких в Умани. Особой мужественной красотой нас покорил город Каменец-Подольский, расположенный на каменном плато, окруженный глубоким каньоном.

Одесса – всегда туристическая, самый южный город в нашем маршруте, встречала нас солнцем и лёгким бризом. Мемориально-литературный музей им. А.С. Пушкина располагается в том же доме на Итальянской улице, где нескользко месяцев в гостинице Сикара проживал Пушкин. У входа – изящный памятник молодому Пушкину, открытый к 200-летию в 1999 году (ск. Ал. Токарев). А на Приморском бульваре находится старейший памятник А.С. Пушкину, который горожане Одессы установили в 1889 году.

Львов – самый западный украинский город в нашем путешествии, казалось бы, не имеет пушкинских реалий. Но

Памятник А.С. Пушкину.
г. Одесса

возможность присутствовать на оперном спектакле в знаменитом Львовском оперном театре.

Общаясь с членами львовского русского общества, мы ощутили, что их волнуют те же проблемы: состояние русского языка, русского образования, русской культуры.

Украинская поездка запомнится. Пушкин и Гоголь, дендропарки и живописные хутора, торжественные классические фасады столичных городов и украинское барокко в культовой архитектуре, памятники на площадях и в тени скверов, музеи и их говорящие экспонаты... А еще люди, которые встречались на нашем пути, благожелательные и приветливые, искренне довольные тем, что мы решились на такую дальнюю и длительную поездку.

И как тут не вспомнить слова Н.М. Пржевальского: *«А еще жизнь хороша тем, что в ней можно путешествовать! Правда, для этого надо быть свободным человеком...»*

именно там у нас состоялась самая пушкинская встреча. Нас принимали члены русского общества им. А. Пушкина. Его руководитель, О. Ю. Лютиков и его сотрудники целый день посвятили общению с нашей группой, организовав посещение музея старинной украинской книги им. И. Фёдорова и музея изобразительного искусства во дворце Потоцких, и старинного Лычаковского кладбища – львовского Пантеона. По просьбе Олега Юрьевича Лютикова Консульство РФ в городе Львове обеспечило нам воз-

Надежда Голыженкова, Москва

А.С. Пушкин – член Российской Академии

21 октября 1783 года в зале Петербургской Академии наук к присутствующим, среди которых были поэт Г.Р. Державин, драматург Д.И. Фонвизин, дипломат А.А. Безбородко и другие, обратилась статс-дама Е.Р.Дашкова. Она зачитала правительственный указ о создании новою научного учреждения – Российской Академии, в задачу которого входило изучение русского литературного языка, разработка грамматики и словарей.

Российская Академия оставила заметный след в развитии национальной русской культуры. Возрастает общественное значение отечественной литературы, расширяется круг её читателей, появляются имена новых писателей.

Деятельность А.С. Пушкина в Российской Академии недостаточно изучена и почти неизвестна широкому кругу читателей. 3 декабря 1832 года на очередном заседании Академии её президент Шишков обратился к присутствующим со следующими словами: «Не благоугодно ли будет господам, членам Академии, в положенное по уставу число избрать в действительные члены Академии нижеследующих особ:

1. Титулярного советника А.С.Пушкина.
2. Отставного гвардии полковника Павла Александровича Катенина.
3. В звании камергера и в должности директора московских театров Михаила Ивановича Загоскина.
4. Протоиерея Алексея Ивановича Малова.
5. Действительного статского советника Дмитрия Ивановича Языкова.

Известные в словесности дарования и сочинения их увольняют меня от подробного оных исчисления».

В результате баллотировки за Пушкина, Загоскина, Языкова проголосовали все присутствующие, т.е. 14 членов Академии. Диплом члена Российской Академии был вручен А.С.Пушкину 13 января 1833 года. Этот диплом до 1914 года вместе с семейным архивом хранился у старшего сына поэта Александра Александровича. Умер старший сын Пушкина 19 июля 1914 года, диплом среди переданных в Пушкинский Дом документов отсутствовал. Неизвестна судьба этого документа и по сей день.

Как же относился Пушкин к деятельности РА, какое участие он принимал в ее работе? Вяземский П.А. свидетельствует в своих воспоминаниях, что Пушкин сначала усердно посещал академические собрания по субботам, но однообразные толки о словарях наскучили ему. Модзалевский выписал из документов—протоколов Академии, что в 1833 году А.С.Пушкин присутствовал на заседаниях РА 28 января, 4 и 25 февраля, 11 и 18 марта и 10 июня, в 1834г. 13 мая и 8 декабря. Модзалевский пришел к выводу, что Пушкина не интересовали дела Академии. Но переписка поэта показывает, что если Пушкин и не любил научные заседания Академии, то общественной деятельностью в стенах занимался активно. Пушкин с симпатией относился к самому президенту, посвятил ему строки:

*Сей старец дорог нам: он блещет средь народа
Священной памятью Двенадцатого года
Один в толпе вельмож он русских Муз любил
Их, незамеченных, созвал, соединил.*

В письме к Вяземскому Пушкин благодарит Шишкова за то, что он, будучи Министром народного просвещения и председателем цензурного комитета, дал разрешение напечатать «Евгения Онегина». Пушкин восхищен смелым поступком адмирала. «Честь и слава Шишкову», – пишет из Михайловского сосланный поэт.

В конце 1832 года трагически погиб племянник президента РА А.А.Шишков. Шишков 2-й знал несколько евро-

пейских языков, перевел на русский Шиллера. Он написал роман об освободительном движении на Кавказе в начале XIX века. Человек передовых убеждений, младший Шишков был знаком с членами Южного общества декабристов. Провокатор Шервуд в своих мемуарах пишет, что надеялся много узнать от А.А. Шишкова о декабристах, но тот ни в чем не проговорился.

Смерть друга лицейских лет потрясла Пушкина. В марте 1833 года Греч в письме просил Пушкина как члена РА содействия в напечатании академической типографией сочинений А.А. Шишкова. А.С. Пушкин сделал все возможное. Жена покойного, Е.Ш., благодаря поэта за содействие в печатании литературных трудов мужа, пишет Пушкину в марте 1833 года: «Вчера я только от Александра Семеновича узнала, что по вашему предложению многие члены согласны на то, чтобы всё, что я хотела издать после моего мужа, было напечатано в Академии. Благодарность моя столь велика, сколь может чувствовать смертный».

В библиотеке поэта сохранился 4-й том собрания его стихов, напечатанных академической типографией в 1835 году. Почетное место в библиотеке занимал Словарь Академии Российской (1789–1794).

Появление статей «Российская Академия» и «Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной» в «Современнике» за 1836г. свидетельствует об интересе поэта к делам Академии. За год до смерти Пушкин писал: «Заключим искренним желанием, чтобы РА ободрила, оживила отечественную словесность, награждая достойных писателей деятельным своим покровительством, а недостойных – наказывая одним ей приличным оружием: невниманием».

Со скорбью восприняла РА безвременную кончину Пушкина. В протоколе заседания от 30 января 1837г. записано: «Непременный секретарь исполнил свой печальный долг взвещением о кончине действительного члена Академии А.С. Пушкина, последовавшей сего 29 января на 37 году от

рождения. Собрание, приняв с величайшей скорбью сие печальное извещение, определило: во уважение заслуг, оказанных покойным российской словесности, написать за счет Академии портрет его и поставить в зале заседания». Было принято решение снять копию с портрета Пушкина работы О. Кипренского. В то время подлинник хранился в Зимнем Дворце у Н.К. Загряжской, родственницы жены поэта. По поручению Академии, В.А. Жуковский взял этот портрет с условием, что после снятия копии он будет передан граверу Уткину для изготовления клише к посмертному изданию произведений А.С. Пушкина.

Копия портрета была выполнена художником М.Е. Виневецким. В октябре 1837г. портрет был установлен в зале заседаний. Так РА почтила память гениального сына России, творчеством своим утвердившего, что «язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими».

«Российский Парнас» просуществовал до 1841, за эти 58 лет научная, просветительская и общественная деятельность его была велика. Создав нормативный словарь русского языка, Академия выполнила поставленную перед ней «Веком просвещения» историческую задачу. После издания знаменитого словаря (1789–1794) Академия существовала еще 47 лет. Эти годы – тоже история. После присоединения РА к Академии наук в качестве её II отделения, она продолжила выполнение намеченной программы.

Печальный финал её упразднения напоминает судьбу лучших поэтов той поры: Александра Сергеевича Пушкина и Михаила Юрьевича Лермонтова.

*Изобразительная
Пушкиниана*

Надежда Семенова

Сибирские памятники А.С. Пушкину

Летом 2007 года я приехала в Красноярск, чтобы собрать материал по памятнику «солнцу русской поэзии» А.С. Пушкину. Оставив вещи в камере хранения, налегке решила прогуляться, чтобы познакомиться с новым для меня городом. Зная, что в центре находится Драматический театр им. А.С. Пушкина, а рядом одноименный сквер, поспешила туда, чтобы сделать fotosнимок памятника. Театр оказался недалеко от вокзала, но памятника я не увидела, видимо, он установлен в сквере. Увы... Картина была настолько неприглядной, что сразу стало понятно: здесь памятника быть не может. Несмотря на раннее утро, на скамейках уже сидели неопрятные длинноволосые молодые люди, пьющие пиво из горлышек бутылок, а в глубине сквера пьяная компания распивала куда более крепкий напиток. И это в центре города и в сквере, носящем имя великого поэта?! В недоумении вышла оттуда...

У проходившей мимо женщины спросила о памятнике и получила исчерпывающий ответ, что в центральном парке им. Горького установлена парковая скульптура А.С. Пушкину. (Об этом памятнике см. «Пушкинский альманах» №5, выпуск 2007г.)

... Прошло три года, и вот я снова в Красноярске. Таким же ранним летним утром подхожу к Пушкинскому скверу на пересечении проспекта Мира и улицы Кирова, но какие разительные перемены!

А произошло вот что: в рамках планового благоустройства города было решено произвести реконструкцию сквера, имеющего дурную репутацию. За основу был взят проект заслуженного архитектора России Арэга Демирханова,

который предусматривал создание ротонды со скульптурной композицией Александра Пушкина и Натали.

Я была ошеломлена. Грязный, запущенный сквер, где находили пристанище неформалы и пьяницы, исчез, а взамен появился хорошо спланированный зеленый оазис с подстриженным кустарником, цветущими клумбами, аккуратными дорожками, выложенными красивой плиткой, скамеечками из сибирского кедра современного дизайна.

В наше постперестроечное время, когда рушится институт семьи, скульптор Константин Зинич (автор памятника «Воинам – сибирякам», установленного на Волоколамском шоссе в Москве), изобразил поэта читающим свое новое стихотворение жене. Между супругами – фонтанчик, символизирующий животворящий, неиссякаемый родник поэзии, где лежит металлическое перо и лист с выгравированными на нем словами. «Я помню чудное мгновенье...». Скульпту-

ры Александра Пушкина и Натальи Гончаровой выполнены из бронзы, отливали их в Нижнем Тагиле. Более трех суток памятники были в пути, преодолев более двух тысяч километров, чтобы стать в Красноярске символом семьи...

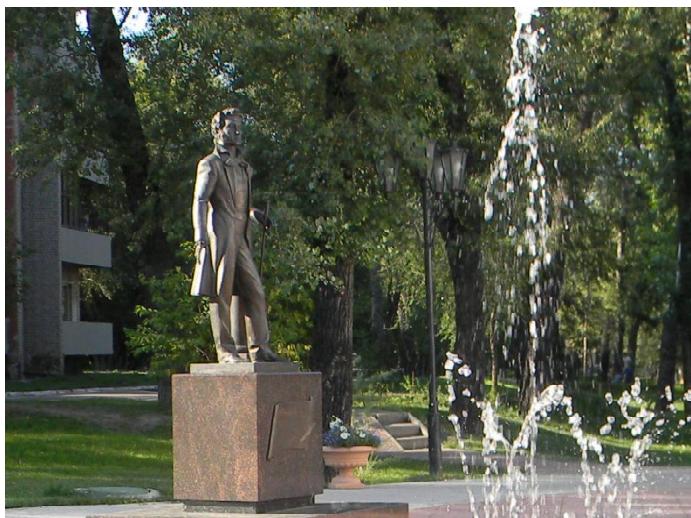
Ротонда из светлого мрамора символизирует Дом – самое святое место, где проходит жизнь человека от рождения до кончины. Дом как бы возвышен, в него ведут ступени. Он излучает свет и чистоту. Светлый мрамор – это и еще чистота отношений между супружами. По замыслу архитектора и скульптора Дом – это храм света, к чему должна стремиться каждая семья. Ведь все мы родом из детства. То, что получил ребенок в детстве, определяет его дальнейшую судьбу. Ребенок, выросший в любящей, заботливой семье, вряд ли ступит на стезю пьянства, наркомании и проституции. Как правило, это удел детей из семей, где не все благополучно. Один такой памятник в городе – и можно не проводить формального «Года семьи». Свет этой скульптуры как бы рассеивает все темные силы, и в Пушкинском сквере стало неуютно тем людям, которые приходили сюда раньше. Да и знаки с перечеркнутой бутылкой и надписью «Распитие пива и спиртных напитков запрещено, штраф 500 руб.», установленные в общественных местах, помогают. И потрясающее трогательно смотреть на то, как малыши, держась за мамину руку, бросают монетки в фонтанчик. Они уже знают, что это Пушкин, и пытаются наизусть прочитать, как « ...ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет...»

По задумке автора эта монументальная композиция кроме декоративной функции должна нести еще и идеально-воспитательную нагрузку. У приходящей в сквер молодежи должны зарождаться мысли о правильности поведения, смысле бытия, желание возродить семейные ценности, ведь недаром Александр Сергеевич делится сокровенным с самым дорогим человеком, своей женой, что стимулирует желание молодежи узнать о жизни поэта как можно больше. Получился замечательный ансамбль «Драматический театр – сквер», носящий имя человека, воздвигшего «памятник нерукотворный».

Возникает недоумение: почему в Красноярске установлены уж два памятника великому русскому поэту, а в Новосибирске, неофициально именуемом «столицей Сибири», до сих пор мы не имеем памятника «солнцу русской поэзии», хотя только что прошел очередной юбилей – 210 лет со дня рождения Поэта ?!

В Абакане гранитный постамент открывшегося 18 августа 2007 года памятника великому русскому поэту украшают строки: «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал». Скульптура молодого Пушкина воздвигнута на гранитном постаменте в Пушкинском сквере, расположеннем между улицами Хакасской и Пушкина.

Высота фигуры два метра, отлита из бронзы в Нижнем Тагиле. Скульптура установлена у гранитной чаши фонтана, отделанной карельским гранитом, и над ней распускается сотканный из водяных струй бутон тюльпана. Как сказал скульптор Константин Зинич: «Многие скульпторы изображают Пушкина более статичным, а я хотел бы его изобразить молодым, задумчивым. Может быть, поэт хочет что-то написать, но не получается. Вот он и задумался...». Безус-

ловно, скульптору удалось запечатлеть то настроение, то таинство души поэта, когда рождаются стихи. Без сомнения, теперь в Абакане творческая молодежь будет читать свои поэтические сочинения именно здесь, как это уже стало традицией на Пушкинской площади в Москве.

Этот сквер стал одним из украшений города, так как его благоустройство завершилось установкой скульптурных композиций, изображающих героев пушкинских сказок – золотой рыбки, царевны-лягушки, ученого кота, царевны-Лебедь, которые вписались в интерьер беседки с золотым петушком и в общую атмосферу Пушкинского сквера. Скульптуры также были отлиты на Урале, в Нижнем Тагиле. Сейчас, когда большинство детей предоставлены самим себе, а в лучшем случае компьютеру с его «стрелялками» и прохождением всевозможных «уровней», а родители заняты добыванием денег на хлеб насущный, скульптор смог вернуть детям чудо – забытую сказку, пушкинский островок сказочного Лукоморья. В ставшем теперь популярным как среди детей, так и среди взрослых Пушкинском сквере теперь проводятся и детские утренники, и народные празднования.

Когда, завершив все свои дела, я решила съездить в Дивногорск на Красноярскую ГЭС, водитель такси, человек весьма далекий от искусства и взявший с меня весьма символическую плату, всю дорогу рассказывал о ГЭС, ждал минут 15–20, пока я вела фотосъемку (шел сброс воды со 100-метровой высоты плотины – зрелище потрясающее!), на обратном пути подвез к памятнику автомобилю-самосвалу «МАЗ» (на этих машинах перекрывали Енисей), о котором я даже не слышала, и тоже подождал минут 10–15, пока я сделаю снимки, то мне ничего не оставалось, как сделать один-единственный вывод: «Культура – это наша духовная сила». Так оно и есть...

Хочется думать, что осененный Пушкинским чудом, водитель такси выразил свои чувства, оказав мне радушие и гостеприимство, за что я благодарна и этому человеку, и А.С. Пушкину...

Справка об авторах

Демирханов Арэг Саркисович.

Родился в Новосибирске. Окончил архитектурный факультет Новосибирского инженерно-строительного института им. В.В. Куйбышева. Заслуженный архитектор России, член-корреспондент Российской академии художеств и Российской академии архитектуры и строительных наук, профессор Красноярского художественного института, Почетный гражданин Красноярска, Народный архитектор России, награжден медалью Союза архитекторов России «За высокое зодческое мастерство». В свободное от работы время – художник и поэт.

Основные работы:

Застойка и благоустройство площади. В честь 350-летия Красноярска.

Мемориальный комплекс в сквере им. 30-летия Победы.

Архитектурная часть памятника «Кандальный путь» и памятника А.П. Чехову.

Библиотека-музей В.П. Астафьева в селе Овсянка.

Памятник В.П. Астафьеву.

Каскадный фонтан «Реки Красноярья».

Ротонда со скульптурной композицией «Александр Пушкин и Натали».

Зинич Константин Мелатдинович.

Родился в селе Шагирт (Пермский край). Окончил Кунгурское художественное училище. Служил в армии в Новосибирске. Учился на художественном отделении Красноярского института искусств.

Основные работы:

Памятник воинам-сибирякам на Волоколамском шоссе.

Скульптурные изображения «Александр Пушкин и Натали».

Скульптурные изображения сибирских рек для каскадного фонтана «Реки Красноярья».

Скульптурная композиция «Дети войны».

Скульптурная композиция «Адам и Ева».

Монумент «Алеша».

Стела «Журавли».

Фигура двукратного олимпийского чемпиона Ивана Ярыгина.

Скульптура «Командор Резанов».

Владимир Крыжановский

**Дополнение к библиографии иконографии
А.С. Пушкина***

1. Алпатов М.В. Василий Андреевич Тропинин. 1776 – 1857. – М.: Искусство, 1970.
2. Алянский Ю. Рассказы о Русском музее. – М.; Л.: Искусство, 1964. – С. 81–95.
3. Василий Андреевич Тропинин, исследования, материалы. – Под ред. Раковой М. – М.: Изобр.искусство, 1982.
4. Василёв И.И. Следы пребывания Александра Сергеевича Пушкина в Псковской губернии. – Изд. Комитета по сбору денег на устройство в Пскове учебно-образовательных заведений в память поэта А.С. Пушкина. СПб.: 1899.
5. Головина Л. Два хрестоматийных портрета // Юный художник. – 1999. – № 4. – С. 5–7.
6. Головина Л. Два портрета Пушкина// Красногорье: историко-краеведческий альманах. – Вып. 3. – Красногорск, 1999.
7. Голлербах Э.Ф. А.С. Пушкин и его литературное окружение// Пушкин: Временник Пушкинской комиссии/ АН СССР. – Вып.6. – М.; Л.: Изд. АН СССР. – 1941. – С. 534–538.
8. Градова Б. А. Описание двух посмертных масок Пушкина. – Два века с Пушкиным: Материалы об А.С. Пушкине в фондах отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Каталог. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2004. – С. 317–319.
9. Евдасин В. Этюды о моем Пушкине// Пушкинский альманах. – Вып. 8. – Новосибирск.: «Манускрипт», 2010. – С. 41–60.

---

* Начало в «Пушкинском альманахе» № 2,6,7,8.

10. Зильберштейн И. «Пушкиниана Сергея Лифаря». – Солнце нашей поэзии (Из современной Пушкинианы). – М.: «Правда», 1989. – С. 266–276.
11. Иваницкий Г., Деев А. Вернисаж находок. Компьютерный синтез живописных образов поэта// Наука и жизнь. – 1999. – № 6. – С. 6–14.
12. Иванова Т. А. «Известен впредь...» (к истории создания О.А. Кипренским портрета А.С. Пушкина). В сб: Пушкин в сердцах поколений: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. – Архангельск, 1999. – С. 81–88.
13. Ионина Н.А. Сто великих картин. – М.: «Вече». – 2002.
14. Карнаухова Л., Архангельский С. Эпохи верное зерцало// Наше наследие. – 2003. – № 67/68.
15. Коваленская Н.Н. В.А. Тропинин. 1776 – 1856. – М.: Изд. ГТГ, 1931.
16. Коршиков А.С. «Себя как в зеркале я вижу...». Пушкиниана в произведениях медальерного искусства. – М.: Атон, 1999.
17. Кузьмин М. Портрет А.С. Пушкина, гравированный Егором Гейтманом// Смена. – 1999. – 8 сент.
18. Марцевич Ю.П., Чиминева Н.Г. А.С. Пушкин в книжном знаке. – М.: Альфа-книга, 1999.
19. Марченко Н.В. Портрет А.С. Пушкина из Полотняного завода// Калужская Пушкиниана. – Вып. 1. – Калуга, 2003. – С. 73–79.
20. Милюков П. Живой Пушкин/1837–1937/. Историко-биографический очерк/ М.: Эллис Лак, 1997. – С. 22, 253, 342.
21. Некрасов С. М. Музеи А.С. Пушкина в системе культурной коммуникации// Пушкинский музей. – Вып. 2. – СПб.: «Дорн», 2000. – С. 15.
22. Паустовский К. Кипренский. – М.: Дет.лит., 1985. – С. 49–51.
23. Попова Н.И. Музей-квартира А.С. Пушкина. Филиал Всесоюзного музея А.С. Пушкина. – Л.: Лениздат, 1989. – С. 19–20.

24. Ракова М.М. Русское искусство первой половины XIX в. – М.: 1975.
25. Сазонов А.В. Пушкиниана в книжных знаках: [Мини-альбом]. М.: 1998.
26. Сидоров А.Б. Портреты А.С. Пушкина работы П.Ф. Соколова. Проблема датировки. В кн: Петр Федорович Соколов. Русский камерный портрет. Из коллекций Москвы, Санкт-Петербурга и частных собраний. – М.: 2003. – С. 167–172.
27. Сорина Л.М. Подмена портрета Пушкина// Вече Твери. – 2009. – 1 окт.
28. Филин М.Д. Зарубежная Россия и Пушкин. Опыт изучения. Материалы для библиографии (1918–1940). Иконография. – М.: дом-музей Марины Цветаевой, 2004.
29. Шубин Б.М. Дополнение к портретам. – М.: Знание, 1989. – С. 13–15.
30. Шумова М.Н. Русская живопись первой половины XIX в. – М.: 1978.

*Александр Голин, Маргарита Иванова,
С.-Петербург*

Памятник Пушкину в Париже

Чем дальше уходит от нас Пушкинский век, тем отчетливее становится видной объединяющая роль Пушкина в нашей истории. Вспомним события 1880 года, когда в результате общественного движения открытие памятника поэту в Москве превратилось в грандиозный праздник русской культуры, получивший международный отклик. Вспомним, как всколыхнуло Россию 100-летие со дня рождения поэта, проходившее уже во многом на государственном уровне, а обращение к Пушкину вызвало к жизни новую науку – пушкиноведение.

Приближение памятной годовщины 1937 г. ещё за несколько лет стало предметом заботы не только культурной общественности, но – увы – и вездесущих политиков. Заполитизированность и широкий масштаб действий вокруг Пушкина и в связи с этой датой, возведенной в ранг «юбилея», таковы реалии того времени как в СССР, так и за рубежом – в среде многослойной русской эмиграции, центром которой был Париж.

В феврале 1935 г. в Париже образовался Центральный Пушкинский комитет (ЦПК). Инициаторами его создания, вошедшими затем в состав основного рабочего органа – президиума, были В.А. Маклаков (председатель), П.Н. Милюков и М.М. Федоров (его заместители – товарищи председателя) – известные деятели партии кадетов. В президиум также были включены И.А. Бунин (в качестве товарища председателя) и филолог Г.Л. Лозинский (в качестве генерального

секретаря – письмоводителя). Членами ЦПК (60) были в основном писатели, композиторы, художники. Особо следует назвать Сергея Михайловича Лифаря, известного танцовщика, балетмейстера, создателя уникальной пушкинской коллекции; он был не только активным участником, но и историографом деятельности комитета. Среди др. членов – К.Д. Бальмонт, А. Н. Бенуа, И.Я. Билибин, З.Н. Гиппиус, Б.К. Зайцев, К.А. Коровин, А.И. Куприн, Д.С. Мережковский, С.В. Рахманинов, К.А. Сомов, И.Ф. Стравинский, В.М. Ходасевич, М.И. Цветаева, Ф.И. Шаляпин. И ещё одна важная особенность – в состав комитета дали своё согласие войти около 40 авторитетных деятелей культуры Франции (Ф. Мориак, П. Валери, Ж. Прюдом и др.). Задачей ЦПК декларировалось достойное проведение сотой годовщины со дня смерти Пушкина. Просуществовавший более двух лет, он подготовил и провел беспрецедентные по своему размаху мероприятия, связанные со всемирным чествованием поэта¹.

Инициатива сооружения... [памятника Пушкину в Париже], – вспоминает С. М. Лифарь, – исходила от издателя журнала “Иллюстрированная Россия” Б. А. Гордона², в декабре 1935 года. Когда он приехал ко мне в Большую Оперу, я с радостью приветствовал его за эту инициативу, а также за подготовку общедоступного юбилейного издания полного собрания сочинений Пушкина и альманаха «Пушкин и его эпоха» (*Лифарь. С. 150–151*). Так мысль о сооружении памятника Пушкину обрела реальность, стала активно обсуждаться и казалась осуществимой. В этой связи ЦПК создал специальный орган – Комитет по сооружению памятника Пушкину в Париже³. Известно, что в его состав, входили, например, С.М. Лифарь, В.Л. Бурцев, Л.И. Львов и др. члены Центрального комитета. Лифарь предложил создать параллель-

¹ См.: Центральный Пушкинский комитет в Париже (1935–1937) / сост. и автор предисловия М. Д. Филин. В 2 т. М., 2000.

² ГОРДОН Борис Абрамович – российский журналист, в 1932–1939 был зав. редакцией и издательством журнала «Иллюстрированная Россия», бывш. владелец газеты «Приазовский край» (Ростов-на-Дону).

³ См. указ. соч. (1). Т. 1. С. 25.

Памятник-бюст Пушкина
работы скульптора
Ю.Г. Орехова

но русскому комитету по сооружению памятника, французский комитет, обещая привлечь своих французских друзей из Академии, Сената, Палаты и членов правительства. На его обращение охотно откликнулись П. Бенуа, Готро, Годар, де Монзи, Мутэ, К. Фаррер, Э. Эррио и др. (*Лифарь*. С. 151).

Первый проект памятника Пушкину для Парижа создали скульптор А.М. Гюрджан⁴ и архитектор И. И. Фидлер⁵. Их проект воспроизведен на обложке парижского журнала «Иллюстрированная Россия» (1937, № 20, май)⁶. Проект этот осущес-

⁴ ГЮРДЖАН Акоп Макарович [21.12.1881 (02.01.1882), с. Шуша, Нагорный Карабах – 23.12.1948, Париж], скульптор. Учился в Париже в Академии П. Жульена, посещал мастерскую О. Родена. Работал в области портретной скульптуры (бюсты Л. Н. Толстого, С. В. Рахманинова, А. Н. Скрябина, М. С. Сарьяна и др). В 1914–1921 жил в Москве, участвовал в осуществлении плана монументальной пропаганды, с 1921 – снова в Париже. Автор памятника Л. Н. Толстому (Париж, 1955). Работы скульптора, созданные в Париже, хранятся в Ереване (Гос. картинная галерея Армении).

⁵ ФИДЛЕР Иван Иванович (27.02.1890, М. – не позднее 15.11.1977, Париж), архитектор. В 1905 уехал из России, окончил в Париже Высшую школу архитекторов, позднее – Московскую школу ваяния и зодчества, работал с К.С. Мельниковым, И.В. Жолтовским. С 1920 – в эмиграции, строил особняки и виллы известных людей, жил в Аньере, затем в Париже.

⁶ См. указ. соч. (1). Т. 1. С. 117.

ствить не удалось, хотя на сооружение памятника имелось принципиальное согласие Парижского муниципалитета и выбрано место для его установки – Эспланада Инвалидов. Одна из наиболее вероятных версий случившегося носит политический характер – это противодействие советского посольства, считавшего, что сооружение памятника Пушкину не должно быть делом эмиграции. Не последнюю роль в этом вопросе сыграли также разногласия в среде самих организаторов акции.

Идея же продолжала жить. «Пришло время, – пишет С.М. Лифарь уже в середине 1960-х гг., – когда правительство Советской России должно исправить свою ошибку 1937 года и получить в Париже – столице мира – место, где красовался бы памятник Пушкину, по примеру уже воздвигнутого памятника другу Пушкина – Мицкевичу» (Лифарь. С. 151–152). В эти годы (по всей вероятности, опять неустанными стараниями того же Сергея Лифаря) к образу Пушкина обратился «наш соотечественник родом из Смоленска», известный мастер «парижской школы» Осип Цадкин⁷. Найденный им пластический рисунок для воссоздания образа Пушкина привлекает своей нетривиальностью и экспрессией. Но и этому проекту не суждено было стать реальным памятником, хотя, по мнению С.М. Лифаря, время было весьма благоприятным (в 1965 бывший советский посол во Франции С.А. Виноградов был награжден Большим Крестом Почетного легиона) и, если бы он обратился с соответствующим

---

⁷ ЦАДКИН Осип Алексеевич [02(14).07.1890, Смоленск – 25.11.1967, Париж], скульптор и график. Учился в Витебске у Ю. М. Пэна, в Лондонской школе искусств и ремесел, с 1909 жил во Франции, участник 1-й мировой войны, в годы 2-й мировой войны (1941–1945) жил в Нью-Йорке. Самые знаменитые произведения – памятник разрушенному Роттердаму (1953), композиции в честь Баха (1936) и Родена (1945), памятник Ван Гогу и его брату Тео (1963). Его работы экспонировались во Франции, в Италии, Великобритании, Голландии, США, Японии и др. странах. Многие годы преподавал в Академии Гран-Шомьер в Париже (с 1945). Командор ордена Почетного легиона (1966).

ходатайством, муниципалитет Парижа и министр культуры, наверняка, благосклонно встретили бы такое пожелание.

И все же пришло время, когда Пушкин поселился на берегах Сены. Мечта наших предшественников осуществилась в год празднования 200-летия со дня рождения поэта России, объявленный ЮНЕСКО «Годом Пушкина». В порядке культурного обмена правительство Москвы передало Парижу бюст Пушкина (в ответ Москве был передан памятник Виктору Гюго). Его торжественное открытие в присутствии автора состоялось 1 октября 1999 в Саду поэтов, в районе Порт д’Отей. Здесь бронзовый Пушкин соседствует с аналогичным памятником В. Гюго работы О. Родена, в Саду установлены десятки других мемориальных обозначений в честь писателей и поэтов. Создателями памятника Пушкину являются скульптор Ю.Г. Орехов⁸ и архитектор Е.Г. Розанов⁹. Сад поэтов – прекрасный зеленый уголок французской столицы, где обычно много гуляющих. У бюста Пушкина всегда живые цветы.

Рядом с памятником проводятся поэтические праздники.

---

⁸ ОРЕХОВ Юрий Григорьевич (20.04.1927, Тула – 18.07.2001, М.), скульптор. Окончил МВХПУ (б. Строгановское уч-ще) в 1953. Мастер станковой, монументальной и мемориальной скульптуры, создатель памятников и скульптурных композиций, автор ряда памятников Пушкину в России и за её пределами, участник воссоздания храма Христа Спасителя в Москве. Нар. худ. РФ (1988), лауреат Гос. (1982) и Ленинской (1984) премий СССР, академик РАХ (1995).

⁹ РОЗАНОВ Евгений Григорьевич (08.11.1925, Москва – 2006, Москва), архитектор. Окончил МАИ (1951). Участник создания проекта реконструкции Боровицкой пл. в Москве, здания Банковского делового центра на Овчинниковской наб. и др. (около 40) построенных общественных зданий и комплексов. В 1988–1993 возглавлял Госкомитет по архитектуре и градостроительству. Участник воссоздания храма Христа Спасителя в Москве. Нар. арх. СССР (1983), лауреат Гос. премий СССР и Узб. ССР, академик РАХ и РАА.

Список литературы

1. **Лифарь С. М.** Моя зарубежная Пушкиниана: Пушкинские выставки и издания. Париж, 1966. – С. 150–151.
2. **Никольская О.В.** Александр Сергеевич едет в Париж / Веч. Москва. 1996. 10 февр. О договоренности с французской стороной установить памятник Пушкину в Париже; первоначальный проект – 3-метровая фигура поэта работы ск. Ю. Г. Орехова.
3. **Медали академии** // Культура. М. 1997. 10 июля. О присуждении президиумом РАХ Ю. Г. Орехову золотой медали за скульптуру Пушкина для памятника в Париже.
4. **Орехов Ю.Г.**: альбом избранных произведений: Скульптура. М., 1998. – С. 12.
5. **Орехов Ю. Г.** «Камню дал душу ваятель»: скульптурная Пушкиниана // Юный художник. М. 1999. № 4. – С. 19.
6. **Российская газета**. М. 1999. № 102. 29 мая. Инф. о доставке в Париж бюста Пушкина работы Ю. Г. Орехова и предстоящей его установке в «Сквере поэтов».
7. **Никольская О.В.** Мы им – Пушкина, они нам – Гюго / Веч. Москва. 1999. 21 окт. Воспроизведен парижский бюст поэта, однако в подрисуночной надписи ошиб. указано, что это фото памятника в Вене.
8. **Центральный Пушкинский комитет в Париже (1935–1937)**. Сост. и автор предисл. М. Д. Филин. В 2 т. Т. 1. – С. 25, 117. М., 2000. Воспроизведен проект работы ск. А.М. Гюрджана и арх. И. И. Фидлера.
9. **Вересова Т.** «... Нет в мире лучше края!..» // Правда. М. 2001. № 61. 5–6 июня. – С. 3.
10. **Толстой И.** Ненужный Пушкин: История одного письма В. Ходасевича // Русская жизнь. М. 2007. 21 дек.

*Хроника.
Документы
Пушкинского
общества*

Губернатору Новосибирской области
Виктору Александровичу Толоконскому
от общественной организации
Новосибирское региональное Пушкинское общество
(Новосибирск – 49, ул. Линейная 33/1, к. 63,
vek-nsk@mail.ru тел. 225-10-98)

О затянувшемся исполнении распоряжения
главы администрации НСО № 1563 от 04.12.03 г.

Вот уже 7 лет новосибирцы ждут появления памятника поэту в «столице Сибири», единственном региональном центре Сибирского федерального округа, где такого памятника до сих пор нет.

В 2012 году 10 февраля исполнится 175 лет со дня гибели А.С. Пушкина. Правление Пушкинского общества считает, что к этой дате памятник должен быть сооружен. Тем более, что проект памятника на конкурсной основе утвержден и место его установки определено еще в 2008 году.

Однако после утверждения проекта памятника прошло более полутора лет, а попыток его сооружения не предпринимается. На нашу обеспокоенность, выраженную в официальном запросе мэру, нам официально ответили, что сроки сооружения памятника еще не определены. Это означает, что и к 175-летию со дня гибели поэта памятник еще вряд ли украсит Новосибирск.

Новосибирск не просто крупный город, но центр региона, которым Вы, Виктор Александрович, руководите. Правление регионального Пушкинского общества самостоятельно не может преодолеть годами длящееся пренебрежение к памяти великого поэта и обращается к Вам, губернатору и председателю правительства Новосибирской области, с просьбой взять не раз обещанное Вами землякам, сооруже-

ние памятника А. С. Пушкину под личный контроль и оказать мэрии организационную и иную помощь с тем, чтобы в оставшиеся до печального юбилея поэта считанные месяцы памятник ему в Новосибирске был, наконец, сооружен.

С уважением и надеждой на поддержку
председатель правления Новосибирского
регионального Пушкинского общества
Трухина Нэля Петровна

Секретарю Новосибирского регионального
отделения партии «Единая Россия»
Беспаликову Алексею Акимовичу
от общественной организации
«Новосибирское региональное
Пушкинское общество»
(Новосибирск, Линейная 33/1, оф. 63,
тел. 225-10-98, эл. адрес vek-nsk@mail.ru)

Общественная организация «Новосибирское региональное Пушкинское общество» вот уже 5 лет издает двухсотстраничный литературно-публицистический и научно-популярный «Пушкинский альманах». Цель издания – популяризация личности и творчества А.С. Пушкина и их влияние на все стороны жизни россиян, а также поддержания в обществе интереса к отечественной качественной литературе, чистоте русского языка и воспитание российского патриотизма. Издано 8 выпусков альманаха общим тиражем почти 4 тыс. экземпляров с периодичностью до 2-х выпусков в год.

«Пушкинский альманах» пользуется популярностью не только в Новосибирске, его редактор награжден медалью Международного общества пушкинистов, высоко оценивается в рецензиях СМИ и отзывах специалистов, как издание полезное. Только Новосибирский педагогический лицей для использования в образовательном процессе заказывает 100 экземпляров каждого выпуска «Пушкинского альманаха». Регулярно пополняют свои фонды ГПНТБ СО РАН и Новосибирская областная научная библиотека.

Наши авторы из Новосибирска, Москвы, Санкт-Петербурга, Калининграда, Омска, Красноярска, Благовещенска и других городов и регионов России, из ближнего и дальнего зарубежья бескорыстно дарят альманаху свои работы. Как волонтеры работают и члены общественной редакции альманаха. А вот среди издателей волонтеров не находится, и

издательские расходы членам Пушкинского общества и читателям приходится оплачивать вскладчину: мы вам дали экземпляр «Пушкинского альманаха» – вы нам небольшой взнос на издание следующего выпуска. Средств едва набирается на погашение себестоимости издания. По этой причине тиражи выпусков колеблются от 300 до 500 экземпляров, что не позволяет Пушкинскому обществу наладить обеспечение публичных и образовательных библиотек Новосибирска, а тем более Новосибирской области полезным для учителей, студентов, школьников и интересным для других читателей изданием.

Зная озабоченность партии «Единая Россия» состоянием культуры и образования, о ее готовности содействовать их развитию, просим региональное отделение партии взять шефство над изданием «Пушкинского альманаха» и организацией регулярной подписки для всех публичных и образовательных библиотек региона от имени партии и ее благотворителей. Считаем, что такая акция регионального отделения партии получит понимание и поддержку членов партии и всех жителей Новосибирска и Новосибирской области.

Пушкинское общество готово организовать доставку «Пушкинского альманаха» в библиотеки-подписчики Новосибирска и рассылку по почте наложенным платежом в районы Новосибирской области.

Приложение:

экз. «Пушкинского альманаха», его себестоимость сегодня 150 руб за экземпляр

Председатель правления Пушкинского общества

« »

2010 г.

Трухина Неля Петровна

М. п.

Председателю партии «Единая Россия»
Путину Владимиру Владимировичу

секретарю Новосибирского регионального
отделения партии «Единая Россия»
Беспаликову Алексею Акимовичу
от общественной организации
«Новосибирское региональное
Пушкинское общество»
(Новосибирск, Линейная 33/1, оф. 63,
тел. 225-10-98, эл. адрес yek-nsk@mail.ru)

К вопросу о реализации нацпроектов
«Образование» и «Наша новая школа»

Общественная организация «Новосибирское региональное Пушкинское общество» была создана в 2004 году группой ветеранов с целью популяризации личности и творчества А. С. Пушкина и их влияния на все стороны современной жизни россиян, а также поддержания в обществе интереса к качеству отечественной литературы и чистоте русского языка. «Новосибирское региональное Пушкинское общество» не является организацией политической. Но мы принимаем и поддерживаем многие начинания руководства страны и от партии «Единая Россия», в том числе национальные проекты «Образование» и «Наша новая школа», целью которых является организация подготовки высокообразованных и творчески настроенных поколений будущих созидателей инновационного развития страны.

Сегодня в реализации этих проектов упор делается на переоснащение материальной базы образовательных учреждений и внедрение современных образовательных стандартов и педагогических методик. Это хорошо, но этого мало.

Воспитать из ученика не просто знающего предмет обучения человека, но гармонично развитую, ощущающую потребность и способность к творчеству личность могут только гармонично развитые и сами способные к разностороннему, не только к сугубо профессиональному, творчеству учителя. Именно такие учителя могут создать в школе атмосферу, а то и культ творчества.

Повышение профессионального уровня учителей стимулируется проводимыми в стране ежегодными конкурсами «Учитель года». А вот развитие у учителей творческих способностей непрофильных – литературных, музыкальных, художественных, артистических, технических и иных, важных не столько в процессе обучения, сколько в воспитании из учеников личностей творческих – не стимулируется никак.

Вот почему считаем полезным развернуть в стране работу по проведению смотров-фестивалей творчества учителей (для учеников их проводится достаточно). И кое-что предпринимаем сами.

На нашу инициативу положительно откликнулись специалисты департамента образования Министерства науки, образования и инновационной политики правительства Новосибирской области. И мы уже совместно приступили к подготовке проведения смотра-фестиваля литературного творчества работников образования Новосибирской области «Под сенью Пушкина творят учителя» по трем номинациям:

1. «Стихи как самовыражение, как песнь учительской души»;

2. «Учитель воспитай ученика» (короткие рассказы, очерки, эссе о школе, об опыте по воспитанию патриотизма, уважения к чистоте русского языка, любви к отечественной литературе);

3. «Учитесь Пушкина читать и видеть, слышать, понимать!»(литературные, литературно-музыкальные сценарии урочных или внеурочных занятий по творчеству Пушкина, анализ его произведений).

Смотр-фестиваль посвящен году учителя и 180-летию Болдинской осени в творчестве Пушкина. В нем примут уча-

стие не только учителя-филологи, но и все работники образования.

Надеемся, совместно с Центром истории Новосибирской книги, мэрией Новосибирска подготовить и провести среди учителей и других работников образования конкурс рисунков и иллюстраций к произведениям А.С. Пушкина на тему «Пушкин и Сибирь».

Мы понимаем, что предпринимаемые нами меры незначительны в масштабе страны и что общество, насчитывающее несколько десятков членов, на большее просто не способно.

Просим партию «Единая Россия» поддержать наши усилия и выступить организатором творческих смотров-фестивалей учителей в масштабе страны с привлечением всех уровней организаций управления образованием: муниципальное, региональное, окружное, всероссийское. Новосибирское региональное отделение партии «Единая Россия» уже сейчас могло бы подключиться и взять шефство над организацией и проведением региональных смотров-фестивалей художественного и технического творчества учителей, превратив их проведение в пилотный проект для страны.

Принято правлением
Новосибирского регионального
Пушкинского общества

« »

2010 г.

Председатель правления
Трухина Неля Петровна

М. п.

Перечень иллюстраций на обложке и вклейках

1-я стр. обложки:

Памятник А.С. Пушкину в Калининграде. Скульптор М. Аникушин, архитектор Е. Попов.

4-я стр. обложки:

Предполагаемое место установки памятника А.С. Пушкину в г. Новосибирске.

Авантитул:

Н. Павлов. Пушкин на набережной. 1937 г.

к стр. 143:

Памятник Пушкину в Красноярске – фото Надежды Семеновой.

к стр. 145:

Памятник Пушкину в Абакане – фото Виктора Андреева.

Пушкинский альманах. Выпуск 9

СОДЕРЖАНИЕ

Пушкин и мы

А.С. Пушкин

Из Пиндемонти 4

Даниил Гранин

Вблизи престола 5

Владимир Евдасин

Этюды о МОЁМ Пушкине 12

Виктор Липчанский

Венок прекрасной Натали 36

Иван Зайцев

Жажда 45

Завет 45

Не повернуть Россию вспять 46

Тамара Новик

Берегите матерей 47

Наталье Гончаровой 48

Белая рапсодия 49

Вячеслав Небольсин

Озарение 50

Разговор о возрасте 51

Публистика

Нэля Трухина 54

Армения – Пушкину 54

Поэт, музыкант, гражданин 58

Татьяна Макарова

Ноктюрн 60

Ноктюрн-2 60

Предзимье 60

Наталья Левченко

Центр истории сибирской литературы и книги XX века 62

150-летию А.П. Чехова

Геннадий Шалюгин

«Меня влечет неведомая сила...» Пушкин, Чехов и «Черный монах» 72

Забытые страницы Пушкинианы	
<i>Булат Окуджава</i>	
Счастливчик Пушкин	90
<i>Николай Кузьмин</i>	
«Евгений Онегин»	92
<i>Николай Рубцов</i>	
О Пушкине	98
<i>Геннадий Соловьев</i>	
Отчизне посвятив	99
Страницы школьному учителю	
<i>Леонид Панин</i>	
А.С. Пушкин и русский язык	106
<i>Вера Зверева-Коренева</i>	
Памятник русскому языку в Белгороде	129
Гости Пушкинского альманаха	
<i>Валерия Бобылева</i>	
«...Жизнь хороша тем, что в ней можно путешествовать!...»	134
<i>Надежда Голышевская</i>	
А.С. Пушкин – член Российской Академии	137
Изобразительная Пушкиниана	
<i>Надежда Семенова</i>	
Сибирские памятники А.С. Пушкину	142
<i>Владимир Крыжановский</i>	
Дополнение к библиографии иконографии А.С. Пушкина	148
<i>Александр Гдалин, Маргарита Иванова</i>	
Памятник Пушкину в Париже	151
Хроника. Документы Пушкинского общества	
Письмо губернатору Новосибирской области Виктору	
Александровичу Толоконскому	158
Письмо секретарю Новосибирского регионального отделения	
партии «Единая Россия» Беспаликову Алексею Акимовичу	160
Письмо председателю партии «Единая Россия»	
Путину Владимиру Владимировичу	162

Пушкинский альманах. Выпуск 9

Литературно-художественное издание

Пушкинский альманах, выпуск 9

**Составители: Владимир Михайлович Евдасин,
Владимир Ефимович Крыжановский,
Нэля Петровна Трухина**

Редактор – Крыжановский В.Е., email: vek-nsk@mail.ru

Корректор – Бондаренко В.В.

Компьютерная верстка – Логуновой Н.Н.

Подписано в печать с оригинал-макета

Бумага офсетная № 1, формат 60 × 84 1/16, печать

Усл. печ. л. , тираж 500 экз., заказ №